

A black swan is depicted swimming in a pond. A hand from the left side of the frame holds a white cloth over the swan. The background is a textured, greyish-blue surface with some yellowish-brown speckles. The overall style is artistic and somewhat somber.

STAGE DIVE & PLANET OF BOOKS

ИСТОРИЯ
ЧЕРНОГО
ЛЕБЕДЯ

К. А. КРЕЙГ

Я любила его, сколько себя помню.

Долговязого паренька с огромными карими глазами и непослушными волосами. Повзрослев, он превратился в опьяняющего мужчину, который носил щетину так, будто сам ввел ее в моду. А от его самодовольной ухмылки слетали трусики.

Киллиан Шепард.

Шеп.

Мы выросли вместе. Играли в «Призрак на Кладбище». Даже создали собственную рок-группу. И неважно, что он был на пять лет старше меня. Не имело значения, что парень продолжал смотреть на меня как на младшую сестру, даже когда я стала женщиной. Все это было неважно, когда он оставил меня, чтобы поехать учиться в колледж и начать взрослую жизнь.

Он должен был вернуться.

Киллиан всегда принадлежал мне.

И он вернулся. Но вместо аромата обещаний, от него разило предательством. А затем он уничтожил меня — нас — в тот день, когда женился на моей сестре.

Поэтому я поступила так, как могла поступить девушка в моем положении.

Я отомстила, выйдя замуж за его брата, Кэла.

Теперь мы одна большая счастливая семья.

Количество глав: пролог + 32 глав + эпилог

Перевод: Bella (пр-10гл), Настя О (11гл), Виктория Горкушенко (12гл-эн)

Редактура: Bella (пр-10гл), Алена Короткова (11гл-эн)

Обложка: Ленчик Кулажско

Вычитка: Ольга Зайцева

Оформление: Ленчик Кулажско

Переведено для группы: vk.com/stagedive

Вступление

Теория Черного лебедя — это метафора, описывающая событие, которое является неожиданным, приводит к серьезному воздействию на окружающую среду или нашу личную жизнь, и после наступления, в ретроспективе, имеет рационалистическое объяснение, как если бы данное событие было ожидаемым.

Поскольку все мы — люди, то пытаемся придумать объяснение происходящему, которого иногда попросту может и не быть, но которое имеет смысл для нашего мышления. На основе анализа произошедшего события и найденного объяснения мы пытаемся предсказать подобные явления в будущем. Изучить. Возможно, чтобы лучше понимать, или сделать так, чтобы они никогда не повторились.

В шестнадцатом веке, когда была придумана эта фраза, Черный лебедь считался невозможным, несуществующим. Поэтому «теория Черного лебедя» сама по себе не имеет никакой ценности.

Однако невозможное возможно. Я — живое доказательство «теории Черного лебедя» и того, что иногда событиям нет никакого объяснения. Никакого в целом. Некоторые явления

просто случаются. И, в конце концов, знание, почему это произошло, ничего не меняет. Ущерб уже нанесен.

Маверик ДеСото Шепард, 2016

Пролог

Настоящее

Маверик

Мое платье демонстрирует ложные истины. Макияж скрывает ложь. Фальшивые улыбки и нежные слова отвлекают и обманывают. Три карата на левой руке ослепляют всех, кроме меня.

Потому что мне известна правда.

Оглядываю себя с головы до ног, от идеально причесанных волос до маникюренных пальцев, выглядывающих из открытого носка туфель. Я смотрю на себя в зеркало в полный рост, не узнавая женщину, которая взирает на меня оттуда.

Уголок ее рта опущен. Осуждение застилает необычные зеленые глаза. Печаль играет в тонких морщинках на ее лице и в слегка опущенных обнаженных плечах.

Она осуждает меня.

Она и должна.

Я — ужасный, омерзительный человек.

Меньше чем через десять минут я позволю отцу провести себя по проходу, украшенному свежими цветами и шелковыми бантами, прикрепленными по углам каждой скамьи.

Затем дойду до конца, позволив папе поцеловать меня в щеку со слезами, затуманившими его взор, и отдать меня другому мужчине.

Я возьму руку моего жениха в свою, посмотрю в его щенячьи глаза, переполненные радостью, и обручусь на всю жизнь с этим благородным верным и добрым парнем.

Пообещаю любить, уважать и лелеять его каждый день своей жизни.

Я обменяюсь клятвами в болезни и здравии перед Богом, нашей семьей и друзьями с прекрасным мужчиной из-за злобы и мести. Уловки. Гигантского «иди нах*й» человеку, которого действительно люблю, но не могу быть рядом.

Я выйду замуж за мужчину, которого искренне люблю и уважаю... но только как своего лучшего друга.

Кто так поступает?

Мерзкая, эгоистичная сука. Вот кто.

Позволяю своему взгляду скользнуть вниз по всему телу — по кружевному свадебному платью с бисером, пришитым вручную, что облегает все мои изгибы. То же самое платье, над которым рыдала моя лучшая подруга, когда я вышла из примерочной, заявив мне: «*это оно*».

Я выбирала не розовое или слоновую кость, не кремовое или что-то необычное, вроде серого.

Нет. Мой выбор пал на белое.

Символ чистоты.

Горький смех срывается с моих алых губ.

Я совсем не невинна. Моя душа потеряна. Сердце скованно льдом. Я — волк в овечьей шкуре, поймавший в ловушку мужчину, который мог бы заполучить любую женщину, но по какой-то причине хочет быть лишь со мной.

Зачем мне это?

Наверное, по той причине, что я мазохистка. Нужно бежать отсюда как можно дальше, но я не могу ничего сделать, кроме как идти в направлении единственного человека, которого люблю всю свою жизнь: его брата.

Единственного мужчины, с которым хочу быть на самом деле, несмотря на то, что он предал меня самым ужасным образом.

Еще есть время, Маверик. Поступи правильно.

Я должна все отменить. Сказать Кэлу, что это огромная ошибка. Признаться, что не люблю его так, как должна любить жена. Сказать ему, что все время, пока буду произносить свои клятвы, перед моими глазами будет стоять его брат. Позволить Кэлу найти настоящую любовь, потому что для меня он никогда не будет таковым.

Проклятье.

С таким же успехом я могла бы подписать свой собственный пропуск в ад. Если пройду через это, то именно там и буду гореть вечно. Уже чувствую, как пламя обмана лижет мои ноги.

Хоть раз в жизни поступи правильно, Мавс.

Снова нахожу свои глаза в зеркале. Я уже знаю, что не буду слушать тот голос в своей голове, умоляющий поступить честно. Не могу. По большей части я «заражена» возмездием, гневом и необходимостью причинить Киллиану хоть немного боли. Единственный способ все отменить — это если...

Стук в дверь заставляет меня вздрогнуть.

Пора.

Проклятье. *Уже пора.*

Делаю вдох, пытаюсь успокоиться. Медленно выдыхаю. Отвернувшись от своих лживых глаз, я иду к двери и открываю ее после недолгого колебания, ожидая увидеть по ту сторону отца.

Но вместо седеющих волос и глубоких морщин от смеха, окружающих мягкую улыбку, меня встречает взгляд цвета темного шоколада и тонкие сердитые губы.

Он здесь.

Мое «если» прибыло.

— Киллиан? — вздыхаю я. Надежда поднимается во мне, как приливная волна. Щипаю себя украдкой за руку, чтобы убедиться, что это не сон. Нет. Оглядываю обе стороны коридора и понимаю, что мы одни. — Что ты здесь делаешь?

Мужчина заходит внутрь и закрывает за собой дверь. Затем он оказывается прямо передо мной, обхватив мое лицо своими огромными руками. Моя душа стонет, и я закрываю глаза, чтобы сосредоточиться на прикосновении, без которого, казалось, была парализована.

Это происходит.

Это действительно происходит.

Наконец-то он пришел за мной. Чуть не опоздал, но это не имеет значения.

Он здесь.

«Поцелуй меня, поцелуй меня, поцелуй меня», — беззвучно кричу я.

Не чувствуя поцелуя на своих губах, я открываю глаза. Киллиан смотрит на меня с беспокойством на лице. Мое сердце замирает. Он стоит здесь, прикасается ко мне, но нас все еще разделяет пропасть.

— Я люблю тебя, — меня тошнит от этой фразы.

Те же слова я произнесла в день его собственной свадьбы два года назад. Когда он

женился на моей сестре.

Я умоляла его выбрать *меня*. Любить *меня*. Жениться на *мне*.

Но вместо этого он растерзал меня, взяв в жены ее.

— Не делай этого, Мелкая, — просит он напряженным голосом. — Умоляю тебя, не выходи за него.

Раньше мне нравилось это прозвище... теперь же я его *ненавижу*. Каждый раз, когда Киллиан произносит его, это слово напоминает мне о том, как мужчина относится ко мне.

— Брось ее, — требую я. — Скажи, что оставишь ее, и я не выйду за него.

Лицо мужчины искажается. Он закрывает глаза и тяжело опускает голову. И всегда отвечает мне тем же.

Он здесь не ради тебя, Маверик. И никогда не будет.

Вырываюсь из хватки Киллиана, отталкивая его. Сэндвич, который я съела час назад, грозит вырваться наружу.

— Убирайся, — задыхаюсь я, тыча пальцем в сторону двери.

Мужчина расправляет широкие плечи и выпрямляется во весь рост.

— Ведешь себя безрассудно и по-детски. Ты его даже не любишь.

— Пошел нах*й. Ты ни хрена не знаешь, — Киллиан ненавидит, когда я ругаюсь. Говорит, что это «не по-женски». Ну и черт с ним — с ним и его гребаным белым конем, на котором тот прискакал. «Нах*й» теперь мое любимое слово.

— Маверик...

— Не стоит, — шепчу я, готовая сорваться, хотя поклялась себе, что никогда больше не сделаю этого в его присутствии. — Если ты здесь не за тем, чтобы, наконец, признать, что женился не на той сестре, тогда проваливай.

— Подожди. Это все, о чем я прошу.

— Подождать? Чего, Киллиан? Пока ты отратишь яйца, которые Джилли отрезала и засунула под подушку? Подождать, когда ты решишься сказать ей, что знаешь, какова я там на вкус, или что не можешь забыть о том, что кончил как никогда в жизни, когда я трахала тебя? Подождать, когда ты решишь признаться, что все, о чем можешь думать, это секс со мной, и что ты не можешь вынести даже ее вида в своей постели? Подождать, пока ее не собьет машина, чтобы ты мог быть со мной? Скажи мне... чего *именно* я должна ждать?

— Ты груба и раздражительна.

Мои глаза следят за его скрещенными руками. Ненавижу себя за то, что чувствую жар внизу, зная, как ощущается каждый мускул под этим смокингом. Каково его тело *на вкус*.

— Что ж... Видимо, критические дни виноваты в моих бешенстве и злобе.

Его чисто выбритая челюсть сжимается, а взгляд становится жестким. Он умоляет меня не выходить замуж за его брата, но это все, чего я достойна. Извинения, пустые обещания и никаких обязательств. Ничего. Как всегда.

Волна невероятной, почти изнуряющей горечи захлестывает меня, угрожая утопить в вечной печали от перспективы прожить жизнь без этого мужчины.

Я не понимаю. Не понимаю, как мы оказались здесь... в *этом* самом моменте. Не знаю, где «отвалились колеса» у судьбы, изменив наш курс, или почему он просто не признает, что совершил ошибку, женившись на ком-то, кто обращается с ним как с ничтожеством.

Киллиан Шепард любит *меня*. Всегда любил, и это не навязчивое желание сумасшедшей женщины, подпитываемое своим же собственным психическим заболеванием. Это правда. *Всегда* было правдой. Из-за чего его фарс, называемый браком с моей сестрой, смотрится

еще более нелепо. У нее, должно быть, золотая вагина и способность изменять сознание. Наверняка. Я не встречала ведьмы сильнее, чем моя сестра Джиллиан.

— Тебе нужно уйти, — *прежде чем я упаду на колени и выставлю себя еще большей дурой, чем сейчас.*

Киллиан открывает рот, чтобы, несомненно, попробовать новую тактику, лишь бы заставить меня передумать, но голос моего отца звучит у него за спиной.

— Шеп, вот ты где. Тебе пора вернуться к парням.

Никто из нас не двигается. Я чувствую себя замерзшей, мертвой. Пустой.

— Готова, Сердечко?

Внутренне содрогаюсь, вспоминая, как звал меня отец в детстве. Ирония в том, что он назвал меня мальчишеским именем, при этом постоянно пытаюсь превратить меня в леди. Безнадежное дело. Мне хочется, чтобы мой отец просто от меня отстал.

— Да, папа, — спокойно отвечаю я, не сводя глаз с Киллиана.

«*Не дай этому случиться*», — умоляют они.

«*Не заставляй меня выбирать*», — читается в его взгляде.

«*Пошел ты*», — говорю я беззвучно. — «*Пошел ты со своей неуместной честью*».

Обращаю внимание на папину голову, выглядывающую из-за широкого тела Киллиана.

— Давай, милая, церемония скоро начнется, — *как удачно.* Я не смогла бы поставить более грустный спектакль, не будь он написан по моему сценарию. Ловлю радостные глаза отца, испещренные глубокими морщинами и обожанием, и улыбаюсь так ярко, как только могу, позволяя себе скорбеть внутри.

Затем обхожу Киллиана Шепарда, беру отца за руку и оставляю любимого мужчину позади, гадая, как можно разлюбить одного и полюбить другого. Я пыталась сделать это годами, но так до сих пор и не смогла.

Глава 1

Настоящее

Маверик

Я не могу дышать.

Буквально.

Здесь нет воздуха.

Пытаюсь дышать глубже, но это бесполезно. Все, что слышу — жалкое сопение и звук моего будущего, разбивающегося на куски.

Взгляд застывает темная пелена. Словно меня затягивает в черную дыру.

Я склоняю голову между раздвинутых ног в попытке приблизиться к полу, и молюсь, чтобы благословенная тьма наконец-то забрала меня. Это мое желание. Если он умрет, я тоже не хочу жить.

Боже.

Этого не может быть. *Почему так происходит? Почему врачи не выходят? Прошло уже шесть часов.*

Это ведь плохо, да?

Слабое жужжание наполняет мою голову, с каждой секундой становясь все громче.

«*Ты это заслужила, Мавс*», — сладко шепчет мне кто-то на ухо.

Карма — злобная сука. Ее приторный тенор прорезает непрерывный звон.

«*Все из-за тебя. Ты это заслужила*».

Заслужила?

Не знаю. Может быть. Вероятно, это единственный способ искупить прошлые грехи. Потерять единственного человека, который мне дорог. Начинаю безудержно рыдать, моя поза приглушает стенания.

— Маверик, успокойся, — сурово говорит мужчина рядом со мной. Он тянется к моей руке, но его прикосновение обжигает. Я отскакиваю с шипением, как раненное животное, готовое напасть.

— Эй, — говорит мужчина мягче. Ласковый, успокаивающий голос, который я слышала всю свою жизнь, громко отражается от четырех белых стен, что сдерживают хаос, страдания и разрушенные жизни. Звучит так, будто мне в уши вбивают гвозди. — Все будет в порядке. *С ним все будет хорошо.*

Хорошо?

*Хорошо, бл*дь?*

В него стреляли! Какой-то псих выстрелил в него на работе, а он говорит мне своим жутким спокойным голосом, что все будет хорошо. Как будто мне десять лет, и моя песчанка (*прим. грызун*) только что умерла.

Ненавижу его. Ненавижу, что он *здесь*, говорит, дышит, *живет*, а человек, которого я люблю больше всего на свете, борется, чтобы вернуться ко мне.

— Просто дыши. Медленно. А то ты сейчас упадешь в обморок.

Его рука опускается мне на плечо в успокаивающем жесте и нежно сжимает.

Я выхожу из себя.

Вскакиваю и теряю контроль.

— Не хочу, чтобы ты был здесь, — мой голос звучит спокойно, но полон яда. — Это твоя вина.

Я веду себя иррационально, но как еще реагировать, когда любовь всей моей жизни борется за жизнь по его вине? Мне нужно каким-то образом пережить сокрушающую агонию и ослабляющий страх, которые угрожают настичь меня. Я задыхаюсь. Медленно тону в душераздирающих мучениях, сожалениях и неправильных решениях.

У нас было очень мало времени. Недостаточно.

Его рот открывается и тут же закрывается. Не говоря ни слова, мужчина встает, хватая меня за плечи и заставляет опуститься обратно на жесткий пластиковый стул, который служит мне опорой уже много часов. Я больше ничего не чувствую. Мое тело оцепенело, как и душа. Опустившись передо мной на колени, он берет меня за руки, крепко сжимает и просто дышит вместе со мной.

Мои плечи трясутся от безмолвного ужаса и мрачных мыслей. Страдание жалит лицо крошечными укусами. Они ранят. *Мне больно.* Все болит. Беру свои слова обратно. Это не оцепенение. Я — огромный перекошенный клубок боли.

Прошлое обрушивается на меня, когда я пытаюсь освежить в памяти каждое прикосновение, каждое слово, каждое воспоминание. Их так много. *Так много.*

Наши жизни навечно переплетены. Совместное будущее уже определено. Так было со дня моего рождения.

Он не может умереть.

Мы только начали жить вместе. Так и должно было быть.

Я не могу жить без своей родственной души.

Впиваюсь глазами, полными слез, в стоящего передо мной мужчину, который любит меня очень сильно, и выплевываю ядовитые ненавистные слова. Фразы, которые не имею в

виду, но не могу вернуть назад, теперь, когда они прозвучали вслух.

— Хотела бы я, чтобы на его месте оказался ты, — говорю я бессердечно.

Игнорирую боль в его глазах. Боль, вызванную моими словами. Он и так уже опустошен из-за того, как все закончилось между нами несколько недель назад, а я... добавляю ко всему этому безжалостную вспышку раздражения и истерики.

Как бы хотелось, чтобы мне было не все равно.

Я уничтожена. И не переживу, если его у меня заберут.

— Если бы это избавило тебя от боли, Маверик, то я тоже хотел бы оказаться на его месте, — тихо и искренне отвечает он.

Мужчина не двигается. Не ослабляет свою хватку, даже самую малость. Держит меня здесь, привязывая к месту, частью которого я не хочу быть.

Он не двигается, и я тоже.

Мы сидим вот так, прислонившись друг к другу, и молимся, как никогда раньше.

Глава 2

Одиннадцать с половиной месяцев назад

Маверик

Паркуюсь на пустынной тусклой стоянке, поворачиваю ключ в положение «выкл» и сижу несколько минут, собираясь с мыслями. В свете уличного фонаря я замечаю блеск обручального кольца. Вытягиваю руку и изучаю его, игнорируя французский маникюр, который пора обновить.

Оно выглядит потрясающе. Почти безупречная огранка бриллианта в три карата в форме квадрата, который окружен россыпью таких же камней, заключенных в платину. Обручальное кольцо может похвастаться еще двумя каратами округлых бриллиантов, расположенных по всей окружности.

Оно было куплено с любовью. Подарено с доверием. Но ни того, ни другого я не заслуживаю.

Смотрю на дорогую вещицу и все еще не верю, что сделала это.

Я вышла замуж.

Замуж.

За Кэла Шепарда.

Своего лучшего друга с тех пор, как научилась ходить.

И брата мужчины, с которым я действительно хочу быть.

Теперь я миссис Шепард. Какая ирония. Фамилия, которую мне всегда хотелось носить. Вот только не совсем так, как я себе представляла.

Не могу вспомнить ни одной секунды своей свадьбы после того, как я ушла от Киллиана. Не помню, как отец подвел меня к алтарю и передал жениху. Не могу вспомнить ни клятв, которые я произнесла, ни приветственных криков толпы, когда мы с Кэлом вышли из церкви. Вкус нашего свадебного торта ускользает от меня даже сейчас — две недели спустя. Аккорды нашей свадебной песни — просто белый шум. Ощущение, как мой муж двигался внутри меня в нашу первую брачную ночь, было больше похоже на то, словно это происходило с кем-то другим, пока я отстраненно наблюдала сверху.

Ситуация настолько запуталась, что я едва могу справиться с ней. Во мне происходит саморазрушение. И непонятно, как это прекратить.

Я катаюсь на эмоциональных «американских горках» уже больше двух лет. С того дня, как Киллиан Шепард женился на моей старшей сестре. В одну секунду я все еще нахожусь в

шоке, а в следующую уже хочу умереть. Внешне мне приходится изображать идеальную счастливую молодую жену, но внутри меня лишь блокада, не имеющая выхода. Наверное, так называется отчаяние.

А еще я злюсь. Ужасно злюсь.

Все время.

На Киллиана. На Джилли.

На Кэла, который женился на мне, отказываясь видеть то, что находилось прямо перед его носом.

На этот богом забытый городок и жизнь, к которой я теперь прикована.

Но больше всего злюсь на себя. Почему не могу отпустить мужчину, который изливал свою любовь загадочными словами, а в итоге показал истинное лицо реальными действиями. Почему я не могу ответить на любовь парня, который ценит меня больше, чем воздух или жизнь, или свой драгоценный отреставрированный Сагао 1969 года? Если бы могла, я бы вернулась назад во времени и изменила ход вещей.

Во-первых, никогда бы не позволила себе безнадежно влюбиться в Киллиана Шепарда. В этого лжеца. Предателя.

А как же чувство вины? Боже... *чувство вины*. Из-за него весь этот презренный сценарий завернут в аккуратный маленький и насквозь фальшивый пакет, туго завязанный блестящим бантом позора.

Тосковать по чьему-то мужу — это одно. Но тосковать по чьему-то мужу, когда находишься замужем за его братом... В этом случае безнравственность поднимается уже на совершенно новый уровень. Однако речь идет обо мне. А я всегда находила способы обойти границы приемлемого социального поведения.

Печаль и сожаление окутывают меня со всех сторон.

Мое обручальное кольцо символизирует предательство. Двуличность. Собственное саморазрушение. Оно должно принадлежать кому-то другому. Кому угодно, только не мне.

Я люблю Кэла. *Люблю*. И не могу представить себе ни дня своей жизни без него. Последнее, чего мне хочется, это причинить ему боль, но не знаю, смогу ли когда-нибудь полюбить другого мужчину так же, как люблю Киллиана. Совершенная мною ошибка не принесет ничего, кроме боли любимым людям. На этот раз я зашла слишком далеко и теперь не знаю, как это исправить.

Глубоко вздыхаю, зная, что ответов не найти. Во всяком случае ни одного, с которым я хотела бы столкнуться лицом к лицу.

Перевожу взгляд на часы. Половина пятого утра. Черт, пора зайти внутрь. Иногда мне трудно притворяться, и после двух предыдущих недель сегодняшний день станет для меня настоящим испытанием и покажет, насколько хорошо я усовершенствовала свои актерские навыки, раз вернулась обратно в эту чертову дыру в штате Айова.

Дасти Фаллс.

Население — пять тысяч триста тридцать девять человек по данным последней переписи. Конечно не совсем, как Уэт Чир (*прим. Деревенька в штате Айова, с населением менее семисот человек*), но уже близко. Каждый знает твое имя. В особенности мое, учитывая, кем является мой отец.

Глядя в зеркало заднего вида, я приклеиваю фальшивую улыбку и проверяю ее.

— Хорошо провела время? — шучу я, наблюдая за собственной реакцией.

— Супер! — отвечаю сама себе же.

Ай. Это было ужасно. Мой голос звучит, как расстроенное пианино.

Ещё разок.

— Хорошо провела время? — повторяю снова.

— Боже мой, это было потрясающе! — говорю я своему отражению, впрыскивая в себя фальшивый энтузиазм.

«Эй, убери-ка этот акцент гламурной девицы, и пройдешь тест. С грехом пополам».

Выйдя из машины, я иду по тротуару к заливу, освещенному единственным фонарем. Тем самым, что принадлежит мне. Позволяю себе немного побродить в тишине. Вдохнув запах сладостей, я практически сразу ощущаю аромат выпечки. Чувствую гордость за то, что хоть раз жизни сделала что-то правильно. Смотрю на еще не включенную неоновую вывеску, которую спроектировала я, и улыбаюсь.

Cygne Noir Patisserie.

Пекарня «Черный Лебедь». Мое детище. Единственное утешение, в которое я могу полностью погрузиться.

— Я скучала по тебе, — шепчу я, крепко сжимая ключ в кулаке.

Открытие французской пекарни в маленьком городке, который населен людьми со скромным достатком, было огромной авантюрой, но все прошло хорошо. Гораздо лучше, чем ожидалось. Хотя Кэл, конечно, так не думал. Он всегда считал, что пекарня — именно то, что нужно в этом душном городишке.

И оказался прав.

Вижу движение внутри и качаю головой. Визгливый голос Мэри-Лу раздражает — то есть *приветствует* — меня в ту же секунду, как я вхожу в стеклянную дверь.

— Как все прошло?

Я бы сказала, что меня выдал щелчок замка или звон колокольчиков, бьющихся о стальную раму, но это было бы ложью. Бьюсь об заклад, Мэри-Лу пришла сюда еще до четырех утра. Пантера, ждущая в кустах своего шанса наброситься.

Больше всего я боялась именно этого. Двадцати вопросов и испытующий, понимающий ястребиный взгляд. Она будет следить за каждым движением моих пальцев, слушать каждую интонацию в моем тоне, или следить за моей рукой, когда я буду заправлять непослушную прядь волос за ухо. Она найдет все необходимые ответы лишь в моих движениях.

Девушка слишком проникательна, но, ведь... она знает правду. Всегда знала. Мэри-Лу была моей лучшей подругой с первого класса, когда я спасла ей жизнь.

По крайней мере... она так считала. Я всего лишь спасла ее длинные, до пояса, волосы от стрижки, когда Пити Маршалл сунул в них не один, не два, а целых *три* гигантских комка жвачки. Прямо в корни. Девочка стояла в туалете, пытаюсь вырвать их вместе с пучками своих светло-рыжих волос, когда я взяла ее за руку и отвела в столовую, попросив у буфетчицы немного арахисового масла. Через полчаса, и на несколько сотен прядей светлее, Мэри-Лу была избавлена от жвачки. От нее несколько дней несло арахисом, сколько бы она ни мыла голову, но, по крайней мере, девушка сохранила свои прекрасные локоны. Те, что у нее есть и по сей день. *Точно такие же*, как и в первом классе. Мэри-Лу определенно пора сменить образ.

— Ого, девушка даже не может выпить чашечку кофе до начала допроса? — отвечаю ей, с размаху бросая ключи на стойку. Наверное, я еще не совсем готова нацепить на себя фальшивую улыбку.

— Вот, — Мэри-Лу предлагает мне дымящуюся черную чашу «жизни и хороших

манер».

— Лижешь задницу босса? — смотрю на нее поверх кружки и делаю большой глоток горячего сладкого напитка. На вкус как чашка сахара с ароматом кофе. Именно так, как мне нравится. Боже, как же я скучала по этому месту.

Она фыркает.

— Не люблю вкус чьего-то зада во рту.

Я смеюсь. Последние две недели мне не хватало болтовни с Мэри-Лу Джеймс. Потому что мы и друзья.

— Ну..? Так как оно?

— Что именно ты подразумеваешь под словом «оно»? — спрашиваю я, пытаюсь выиграть время. Два дня назад мы с Кэлом вернулись из нашего двухнедельного путешествия по живописному острову Каливигни, недалеко от побережья Гренады. Райский уголок. Мне бы стоило побольше наслаждаться нашим роскошным и полностью укомплектованным персоналом домом, прекрасным песчаным пляжем и непревзойденными закатами. Но этого не произошло.

В груди все сжимается. *Именно такой медовый месяц я представляла себе с Киллианом.*

— Ну, я не имею ввиду вид с твоего балкона.

— А почему бы и нет? Он был впечатляющим, — делаю еще глоток и жду, когда подруга заглочет наживку.

— В этот вид входила голая задница твоего мужа? — спрашивает она, поигрывая своими округлыми бровями.

— Возможно, — поддразниваю я.

— А фотки есть? — ее голос поднимается на октаву выше. Я смеюсь еще громче.

— Возможно, — точно есть.

— Вот черт, — Мэри-Лу обмахивается обеими руками, и меня начинает трясти от смеха. У нее с девятого класса было какое-то нездоровое увлечение пятой точкой Кэла. С тех пор, как в один пятничный вечер мимо нас проехала машина с тремя парнями, один из которых засветил свой голый зад в окне авто. Я все время повторяла ей, что это был не Кэл, а Дэвид Брандт. Кэл в тот момент сидел за рулем, но что бы я ни говорила, Мэри-Лу не слушает.

— Кажется, у меня только что был мини-оргазм. Серьезно.

— Я в шоке! — восклицаю я, а затем комкаю бумажную салфетку и бросаю в нее. — Вообще-то, это *мой муж!*

— Эй, что поделать, если ты вышла замуж за охрененного мужика. И вообще я впервые слышу от тебя собственнические нотки по отношению к Кэлу. Наверняка, секс с ним был более чем просто хорош, а?

— Индус Матрос, сучка, — я могу использовать слово «бл*дь» как знак препинания, но, если произношу имя божье всуе, вкус лавы волшебным образом появляется у меня во рту. Клянусь. Видимо, это побочный эффект моего детства.

— Бесит, когда ты так говоришь. Вроде уже взрослая женщина...

— Ну... а меня бесит твое лицо.

Мэри-Лу широко улыбается, демонстрируя два слегка кривоватых передних зуба.

— Отстой, Мавс. Ты могла бы ответить и лучше.

Плюхаюсь на деревянный табурет за стойкой.

— Да знаю я. Просто устала. Я не вставала так рано уже две недели.

— Точно, ты ведь находилась в сексуальной коме целых четырнадцать дней.

Это не *совсем* так, но я не поправляю ее. И так уже чувствую себя виноватой. Верите или нет, пока мы с Кэлом «играли» в любовь, то не спали вместе до того, как поженились. Дело не в том, что я старомодна или тянула до последнего, пытаюсь спасти свою честь, потому что определенно не была девственницей. Просто мне не хотелось пересекать с ним эту черту, чтобы не причинять тем самым еще больше боли, если вдруг откажусь идти к алтарю. И это было так... странно — заниматься сексом со своим лучшим другом. Парнем, который тайком проносил жаб через открытое окно моей спальни ночью, лишь бы напугать меня. Но, к счастью, Кэл, как и всегда, оказался понимающим. Он заверил меня, что у нас будет целая жизнь, чтобы узнать друг друга подобным образом.

В добавок ко всему, наш брак держался на честном слове, ведь мы поженились всего через шесть недель после помолвки. Я не хотела ничего особенного и уж точно не хотела долгой, затянувшейся помолвки. Хотя, если бы я это сделала, то, возможно, пришла бы в себя, пока не стало слишком поздно.

— Это все, о чем ты думаешь? Секс? — спрашиваю я.

— Говорит мне женщина, которую, вероятно, трахали день и ночь с тех пор, как она уехала. Будь я на твоём месте, то не позволила бы этому пирожочку встать с постели, даже чтобы поесть. Ну... кроме тех случаев, когда он захотел бы попробовать мою...

— Так, ладно, — останавливаю подругу, пока ее не занесло еще больше. Затем меняю тему, не желая погружаться в свой, притянутый за уши, медовый месяц, во всяком случае, в сексуальном плане. — А как прошла ваша ночь в стиле «Пятьдесят оттенков»? — спрашиваю я, искренне интересуясь, действительно ли она позволила своему мужу, Ларри, выпороть себя плеткой, которую заказала онлайн в секс-шопе.

И судя по румянцу, который вижу на лице Мэри-Лу даже при тусклом освещении, я бы сказала, что она не только позволила себя выпороть, но ей еще и *понравилось*.

— Ну ты и шлюха.

— Эй, не говори, пока не попробуешь, — смеется она, швыряя в меня салфеткой, от которой я успешно уворачиваюсь.

— И чем же вы еще занимались?

Плечи Мэри-Лу быстро поднимаются и опускаются. Слишком быстро.

— Ну давай же, — хнычу я. — Не заставляй меня сидеть и выдумывать, — когда девушка прикусывает губу и отводит взгляд, я не могу устоять. — Зажимы для сосков? Или, может, анальные шарики? — ее глаза вспыхивают, когда упоминаю второе. — Серьёзно? Анальные шарики? — я практически кричу в неверии.

Мэри-Лу Джеймс всегда была приличной девушкой, и до тех пор, пока я не напоила ее, вынудив посмотреть со мной «Пятьдесят оттенков серого» в прошлом месяце, она никогда не подвергалась чему-либо, кроме ванильного секса.

— За две недели ты перешла от миссионерской позы и ванильной ерунды к флоггерам и анальным шарикам? Какого хрена, Мэри-Лу? Скажи еще, что заказала секс-качели, — ее взгляд начинает бегать. Движение быстрое, но все же я его замечаю. — О, черт. Просто перестань. Не хочу ничего знать.

Возможно, я забыла упомянуть, но Ларри является моим кузеном, и он мне как брат. Размышляя об этом, понимаю, что не стоило задавать такие вопросы.

Так что поднимаюсь и направляюсь через вращающиеся двери на кухню. У меня есть все, что нужно, чтобы начать шоколадные круассаны, которые у нас продаются лучше всего.

Мэри-Лу уже приготовила две партии бриошей, и я чувствую запах багетов, которые мы будем использовать для панини на обед.

— С Наполеонами и яблочными пирогами покончено. Абрикосы не поступали, поэтому я договорилась с органической фермой в Гринвуде, и они продали мне двенадцать ведер крыжовника.

— Неужели? Последние три месяца мы пытались договориться с ними о приемлемых ценах. Но они уперлись рогом.

— Ну, оказалось, что сестра босса Ларри, Пэтти О'Ши, замужем за сыном подружки хозяина, Бертом Лиландом. Она не взяла его фамилию, поэтому мы никогда не предполагали эту связь.

Я хихикаю. Вот она — сельская Айова.

— Что ж. Рада, что у нас все получилось. Конечно мне хотелось бы покупать ингредиенты в основном здесь, если это возможно. Ну и как ягода на вкус?

Мэри-Лу перестает наполнять кофейный фильтр нашим ароматом дня, который пахнет как шоколадка Сникерс, и смотрит на меня.

— Скажу, если ты расскажешь, как прошел твой медовый месяц. И на этот раз никакого вранья. Не думай, что я не знаю, чем ты там занималась, используя свою тактику отвлечения.

Уголок моего рта изгибается в улыбке.

— Знаешь, я ведь могу попробовать сама. Так что просто ответь на мой вопрос.

— *Мавс*, — это все, что ей нужно произнести. Мое имя этим самым тоном.

Я выключаю печку и делаю глубокий вдох, прежде чем сказать:

— Было приятно.

— Приятно? — ее голос буквально сочится недоверием.

— Да. Приятно.

— Секс с самым потрясным парнем на планете просто... *приятный?*

Понятно, почему она так себя ведет. Кэл Шепард обалденный. Высокий. Худощавый, но с крепким телосложением. Томные глаза цвета выдержанного шотландского виски, густые ресницы, резкие скулы. Упругая задница. Огромные руки, и пальцы, от которых я без ума. Однако его великолепная внешность не меняет того факта, что он все еще мой лучший друг, к тому же мой сексуальный аппетит направлен в другое русло. А точнее на его брата.

Я пожимаю плечами.

— Знаешь, это было немного странно, — подруга моргает, поэтому я уточняю. — Наверное, именно так мне представлялся секс с лучшим другом. Было приятно, но...

«*Он не Киллиан*», говорю я про себя.

Ее вздох говорит сам за себя. Она разочарована во мне. Ну, что ж, гребаный клуб, принимай новых членов.

Один — ужасно одинокое число.

— Значит, говоришь, секс был приятным, да? — произносит девушка с сарказмом.

— Я стараюсь, Мэри-Лу, — тихо отвечаю я. — Просто не знаю, как исправить то, что натворила, — мои глаза щиплет. Пытаюсь сморгнуть слезу, потому что если пушу хотя бы одну, то хлынет целый водопад. Который может не прекратиться.

— А может, и не надо *исправлять*, Маверик, — так же тихо отвечает она. — Может, стоит просто попробовать.

Если бы все было так просто.

Я не отвечаю, и мы обе замолкаем, готовясь к предстоящему дню. Однако не могу выбросить ее слова из головы.

Не может быть, чтобы все было так просто... *Или все-таки может?*

Глава 3

Одиннадцать с половиной месяцев назад

Маверик

Маленькие городки. Говорят, в них случается кровосмешение. Жизни переплетены, прошлое связано, судьбы уже определены.

В некотором роде это правда. Конечно, мы говорим не об инцесте, однако анонимности здесь не существует, даже если очень этого хочется. Все друг друга знают. Посторонние люди суют нос в чужие дела. Сплетничают. Судят. Выражают свое мнение о том, кем, по их мнению, вы являетесь, только из-за того, что в день вашего рождения они решили послать вам цветы, а затем услышали слухи о том, как вы потеряли девственность в парке Харбор (что, кстати, неправда).

Нельзя проехать и мили по дороге, не помахав рукой дюжине знакомых. Невозможно быстро сбегать за молоком или яйцами, не наткнувшись на дальнего родственника или кого-то из выпускного класса средней школы, кто никогда вам не нравился, но который будет болтать с вами в течение получаса о ерунде, что заботит вас меньше всего. «У твоей тети Мардж геморрой? Как мило. Нет, показывать фото не обязательно, но спасибо, что поделился».

Вы узнаете секреты и постыдные подробности о своих друзьях и соседях, которые никогда не хотели знать.

А они узнают ваши.

Первый день в месте, обычно наполняющим меня радостью и гордостью, сегодня становится каким угодно, но только не приятным. Я чувствую себя жуком, которого изучают под микроскопом. Раздвигают конечности. Прижимают к стеклу. Уверена, что обо мне сплетничают на каждом углу, и уж точно в «закусочной Большого Стэна», в двух кварталах отсюда.

Но чем больше я повторяю свою ложь, тем легче мне становится. С каждой историей о романтических ужинах при луне, о лучшем коктейле с ромом, который я когда-либо пробовала, или даже об укусах пауков, от которых проснулась однажды утром, во мне крепла вера в то, что это был идеальный медовый месяц. С мужчиной моей мечты.

Пока не появилась Саманта Хамфрис.

Сэм, или Хрюшка, как ее называют в определенных кругах из-за формы носа, всегда была влюблена в Кэла. Это чувство не взаимное, однако оно не мешает Хрюшке жить в своем маленьком иллюзорном мире.

Я знаю ее, как и остальных пятьдесят девять одноклассников католической школы, еще с детского сада. Однако друзьями мы не были. Ее зависть к богатству моей семьи всегда была больной темой. Гранты, финансируемые такими людьми, как мой отец, оплачивали приходское образование девушки. Ее семья изо всех сил старалась свести концы с концами, в то время как моя каждое лето отправлялась на каникулы в экзотическую страну. Сэм делала покупки в «Красотке Никель», местном комиссионном магазине; у меня же была дизайнерская одежда (которую, для ясности, я редко носила). На самом деле, девушка была настолько бедна, что здешние люди переименовали пенни в «хамфрис», и когда проезжали мимо ее дома, то бросали мелочь во двор. Однажды я тоже так сделала. И не смогла уснуть

той ночью, настолько мне было стыдно.

Но все это не идет ни в какое сравнение с тем, что мне досталась ее мечта.

Любовь и внимание Кэла Шепарда.

Сэм никогда не забывает о своих чувствах к нему, и тот факт, что теперь я стала его женой, вероятно, пожирает ее так же, как меня сжигает осознание того, что Киллиан женат на моей сестре. Не считая того факта, что он влюблен в меня. Поэтому, когда девушка видит ослепительное кольцо, украшающее мою левую руку, то не просто выпускает когти, а приходит в бешенство. Как только взгляд Саманты падает на мою руку, он становится жестким, и я понимаю, что сейчас услышу нечто отвратительное.

— Я, конечно, слышала об этом, но сказала маме, что это всего лишь местные слухи. Маверик ДеСото, которую я знаю, ни за что бы не вышла замуж за такого хорошего, честного человека, как Кэл Шепард, потому что все еще любит мужа своей сестры. Но похоже, я ошибалась.

Слышу, как позади меня кто-то ахает, и болтовня в пекарне тут же стихает. Мгновенно, как игла, которую резко убрали с пластинки.

— Убирайся отсюда, — сердито рычит Мэри-Лу. Не очень вежливо проводив Хрюшку до двери, моя подруга кричит ей вслед. — Свиным здесь не рады, если, конечно, не хочешь оказаться в меню, — а затем бормочет себе под нос. — Жирная задница со свиным рылом.

Из-за чего по маленькому быстро пробегает смешок.

— Да она просто ревнивая корова, — объявляет восьмидесятилетняя Эльда Хансен. Остальные согласно кивают. Эльда дарит мне сочувственную улыбку, когда я поворачиваюсь к ней и слабо улыбаюсь в ответ, пытаюсь держать голову прямо в то время, как стыд грозит поглотить меня.

Мэри-Лу настояла на том, чтобы встать у прилавка, а я осталась на кухне, пока мы не закрылись в два часа пополудни. Она более работоспособна на кухне, а мне привычнее общаться с клиентами, но после той стычки я настолько потрясена, что не могу больше фальшиво улыбаться.

Следующие несколько часов мои мысли заняты лишь тем, что Эльда оказалась права. Сэм ревнует. Но, к сожалению, Хрюшка тоже не ошибается. Я вышла замуж за хорошего, честного человека, испытывая любовь к другому. И у нее хватило наглости сказать мне это в лицо. Как бы сильно Саманта мне не нравилась, сейчас я испытываю к ней уважение. Ну, что ж, теперь хотя бы ясно, что на самом деле обо мне думает половина населения.

После того, как мы закрываемся, Мэри-Лу вытаскивает свой запас «Джим Бима» практически заставляя меня сделать пару глотков этого пойла. Джим, Джек или Джонни, может, и не решают мировых проблем, однако отлично справляются с тем, что на время хоронят неприглядную правду.

Затем спустя два часа и бутылку вина мы сидим за кухонным столом в моем доме, а Мэри-Лу произносит самые резкие, но искренние слова, которые когда-либо говорила. Ее прямота — качество, которое я обожаю и ненавижу одновременно.

— Теперь ты замужняя женщина, Мавс. И сама согласилась стать женой Кэла Шепарда.

— Я в курсе.

— Он без ума от тебя. Именно Кэл всегда находился рядом с тобой, а не Киллиан. Потому что Киллиан — бесхребетный ублюдок.

— Повторяю, я в курсе, — отвечаю я, а в моем тоне слышится желчь. *Возможно ли чувствовать себя еще хуже после ее слов?*

Подруга смотрит на меня несколько секунд.

— Если ты не думала, что сможешь влюбиться в Кэла, то не должна была выходить за него замуж. Если считаешь, что неспособна на это, то должна поступить правильно и покончить со всем прежде, чем причинишь еще больше вреда.

— Хватит! — *очевидно*, все так, как она говорит.

— Правда ранит, как нож, верно?

Я киваю в знак согласия, потому что в горле стоит комок из эмоций. Зубами впиваюсь в щеку так сильно, что, наверняка, останется ранка.

Мэри-Лу перегибается через стол и берет меня за руку. Трудно разглядеть ее сквозь влагу, застывшую перед моими глазами.

— Не так уж и плохо влюбиться в своего мужа, Маверик.

— И как же это сделать, когда любишь другого? — шепчу я, отчаянно желая, чтобы кто-нибудь, хоть кто-нибудь ответил на этот вопрос. Если бы мне объяснили, каким образом разлюбить человека, от которого одни страдания, я бы воспользовалась этим советом. В то же мгновение. А затем сбросила бы этого ублюдка в реку, чтобы не поддаться искушению и вернуть все обратно.

— Это легко. Ты должна отпустить его первой.

— Все не так просто. Если бы было, я бы уже давно так поступила, — такую наивность можно услышать только от женщины, не испытывающей тоску по мужчине, который никогда не будет принадлежать ей.

— Все очень просто, Маверик. Знаешь, что я думаю?

— Нет. Но этот факт ведь не мешает тебе рассказать мне?

Мой ехидный комментарий несколько ее не останавливает.

— Думаю, что пока ты шла по проходу церкви, то все еще надеялась на чудо.

Отвожу взгляд, смущенная тем фактом, что все написано на моем лице.

— Но, похоже, ты не видишь, что чудо все-таки есть. И оно прямо у тебя перед носом. Однако, если не соберешься с мыслями и не поймешь, какой дар Бог вручил тебе в лице Кэла Шепарда, ты потеряешь и его.

Я не отвечаю. И снова она права. Кэл — удивительный мужчина. Он хочет меня. Он женился на мне. Он любит меня. *Он*. Какими бы ни были оправдания у Киллиана, чтобы отказаться от нас, их недостаточно. Он потерян для меня навсегда. Правда в том, что он был потерян для меня в течение многих лет. Пришло время начать скорбеть и смириться с этим. Но боль от этой мысли настолько на меня давит, что появляется ощущение нехватки воздуха в легких.

— Не думаю, что в моем сердце есть место для кого-то еще, Мэри-Лу, — честно отвечаю я.

— Все потому, что ты даже не пыталась освободить место для кого-то еще. Тебе бы сделать это. Киллиан занимает место, которое ему больше не принадлежит. А теперь пошли. Давай попробуем испечь те *religieuse* (прим. Французское печенье), о котором ты говорила.

— Ладно.

Два часа выпечки наряду с алкоголем пролетают незаметно. Ну, пьянство, конечно, занимает большую часть времени. К тому моменту, как Мэри-Лу уходит, нам удастся прикончить почти целую бутылку вина. За ней приезжает Ларри, а следом паркуется его брат — на моей машине, которую забрал со стоянки пекарни. Одно из преимуществ жизни в маленьком городке. Здешние люди ничего не ждут взамен, делая маленькие одолжения

другим.

Потерявшись в виски, вине и разговорах, я уже достаточно навеселе, так что тяжелый день кажется далеким воспоминанием. Но конечно же, это не так. Завтра у меня появится еще одно сожаление в добавление растущей груде проблем: жуткое похмелье.

Я как раз вытаскиваю свежую порцию супа из духовки, когда открывается дверь гаража, ясно давая понять, что Кэл дома.

Дома.

Кэл возвращается домой.

В *наш* дом: скромный двухэтажный домик в викторианском стиле, который когда-то принадлежал мне, и в котором теперь мы живём вместе. Как муж и жена, а не пара соседей.

Ух ты. Потребуется время, чтобы привыкнуть к этому.

Взрослея, мы с Кэлом проводили настолько много времени вместе, что практически жили друг с другом. *Никакой разницы*, Мавс. И это так. Только теперь он спит голым в моей постели, а не валяется на полу в куче одеял и подушек, смотря сериалы по телевизору, пока не заснет.

Когда слышу его шаги, стараюсь сосредоточиться на двойной порции крема, который начала взбивать, и одновременно кричу через плечо:

— Привет, как прошел первый рабочий день?

Чувствую тепло его тела прямо перед тем, как Кэл прижимается к моей спине. Тяжелые руки опускаются на мои бедра, в то время, как его губы касаются моей шеи.

— Он был ужасно длинным. Я скучал по тебе.

— Я тоже скучала, — тихо отвечаю я, понимая, что должна ответить именно так.

— Что делаешь? — дышит мне в ухо мой муж. — У меня уже слюнки текут.

Пытаюсь забыть, насколько он похож на Киллиана, отвечая:

— *Religieuse*. Подумываю включить его в меню, но сначала нужно усовершенствовать *crème pâtissière*.

Я на третьей порции заварного крема. Первый свернулся. Второй был не совсем правильно приготовлен, но на этот раз похоже, что я, наконец-то, сделала как надо. Жаль, только наполовину.

— Обожаю, когда ты говоришь со мной по-французски, Мавс.

Из меня вырывается смех, но он больше похож на раздражение, когда Кэл снова целует меня в шею. Внутри проносится легкий трепет, когда его зубы касаются моей кожи. Затем он проводит языком по моей шее к уху, и я не могу подавить легкий стон.

— Ты невероятно пахнешь. Как сахар и мускатный орех. И, возможно, немного вина.

— Мэри-Лу заходила.

— Ммм. Это все объясняет.

— Хочешь стаканчик? — мой голос звучит хрипло и требовательно. Очевидно, это все, что нужно Кэлу.

— Нет. Мне хочется совсем другого.

Мужчина протягивает руку и окунает палец в заварной крем. Вязкая субстанция исчезает из поля зрения, и мне кажется, что он собирается попробовать ее, но затем я подпрыгиваю, когда Кэл проводит прохладным кремом вдоль моего плеча.

Сегодня жарко. И ужасно влажно. Август в Айове может быть невыносимым. Сейчас температура около тридцати семи градусов жары. Но всего час назад тепловой индекс составлял почти сорок четыре. Так жарко, что кондиционер работает круглосуточно, но все

равно не справляется.

Мои кудрявые волосы собраны в беспорядочный пучок на макушке, а сама я стою в коротком сарафане без бретелек, изо всех сил пытаюсь сохранять хладнокровие, однако, в данный момент, моя температура резко подскакивает вверх, сразу на десять делений. Мало того, что Кэл покусывает мою ключицу, а еще своей правой рукой он поднимает мое платье и проникает в трусики.

— На вкус просто рай, — жадно бормочет мой муж. Не уверена, говорит ли он о креме или о пальце, который толкает на север.

— Кэл, что ты делаешь? — извиваюсь я, отвечая на его прикосновение. Мой разум четко понимает, что я сплю со своим лучшим другом, но мое тело... ни в малейшей степени не смущено. Я пьяна. Возбуждена. И желаю разрушительного удовольствия — того самого, что предлагает мой муж. Пусть это звучит и странно, но мне легко признать, что Кэл очень искусный любовник.

— Я прекрасно знаю тебя, Маверик, — горячее дыхание обдувает мою щеку и спускается к шее, продолжая вызывать мурашки, покрывающие меня. — И мне известно, что ты не можешь сидеть спокойно больше пяти минут. Грызешь ногти, когда тебе скучно. Ты — сорванец, который странным образом полюбил блеск для губ и носит в своей огромной сумочке, наверное, штук тридцать всяких разных.

— О, черт, — выдыхаю я, когда он добавляет второй палец, из-за чего выделяется еще больше влаги.

— Но насколько бы хорошо я тебя не знал, — хрипит он, — понятия не имею, что заставляет тебя истекать желанием. Не понимаю, по какой причине ты воспламеняешься в моих руках.

Пока Кэл говорит, его пальцы неторопливо двигаются туда-сюда. Как будто мой муж пытается изучить каждую клетку внутри меня. Или свести с ума. Когда большим пальцем он начинает слегка касаться клитора, я откидываю голову на его плечо.

Возбуждает. Определенно возбуждает.

Нужно это прекратить. Остановить его. Я не должна хотеть секса... не *должна ведь?*

— Стоит раскрыть этот секрет, Маверик. И твое тело расскажет мне все.

Его ласка легка, как шепот, когда Кэл проводит линию по верху моего платья, касаясь округлости груди. Неторопливое томное движение, от которого покалывает кожу. Я задерживаю дыхание, когда он слегка наклоняется, чтобы подразнить сморщенную ареолу, прежде чем потянуть лиф вниз с одной стороны, освобождая грудь, которая внезапно становится чувствительной.

Мужчина нежно обводит пальцем вокруг соска, заставляя мою спину выгибаться, и у меня перехватывает дыхание.

О, Господи! Мне хочется большего.

— Ммм, даже легкое прикосновение заставляет тебя дрожать. Посмотрим, что еще можно сделать.

Останови его. Скажи ему прекратить.

Но, Боже, я не могу. Не хочу отказывать ему, как в последние три раза, когда Кэл пытался ко мне подкатить. И давайте посмотрим правде в глаза: то, как я извиваюсь, благодаря его рукам, явно говорит, что мне хочется продолжения.

Рука между моих ног все еще творит свою магию. Молча наблюдаю, как мой муж наклоняется вперед, чтобы окунуть палец другой руки в ганаш, которым я планировала

покрыть печенью. Кэл поднимает покрытый шоколадом палец и обводит им мой заостренный бутон. Я громко ахаю, когда он щиплет сосок и дергает.

Возбуждающие грязные словечки просачиваются в мой разум.

— Ого. Ты вся сжимаешься там, Лебедь.

Можно даже не отрицать. Я, как и он, чувствую, что мои мышцы сжимают его пальцы изнутри.

— Нравится смешивать боль удовольствием?

Да, нравится. Очень нравится. Когда я не отвечаю, Кэл снова дергает за сосок, и я выдыхаю

— Да!

— Это потрясающе — знать, что ты в таком состоянии благодаря мне, — стонет он. — Бл*дь. Я хочу нагнуть тебя прямо над этим столом, Маверик. Сорвать с тебя мокрые трусики, задрать платье поверх голой задницы и украсить твои ягодицы своими отпечатками. Хочу сжать пальцами эти великолепные волосы и откинуть назад твою голову, чтобы увидеть твои глаза, когда скользну в тебя, чтобы пометить. Не забывай об этом.

Я сглатываю.

О, Боже!

У меня голова идет кругом, а тело словно расплавилось.

Кто-то только что подбросил в мой дом двойника Кэла? Что случилось сегодня на работе? За все месяцы, что мы были официальной «парой», он никогда не разговаривал со мной подобным образом. Обычно Кэл обращается со мной как со стеклянной вазой... или как с невестой, которая может сбежать в любую секунду. Даже в наш медовый месяц он был нежным и ласковым.

— Лебедь, я *столько всего* хочу с тобой сделать.

Боже, кто же знал, что прозвище, которым Кэл называл меня в детстве, может быть таким сексуальным, особенно когда он мурлычет мне его на ухо?

Мой муж умело возносит меня на самую вершину. Я горю. И жажду освобождения, но Кэл требует ответа.

— Скажи, что ты этого хочешь, Мавс.

Я киваю.

Чем больше разврата, тем лучше.

Хочу сказать ему о этом, но не успеваю. Сильной рукой он притягивает мое лицо к себе, чтобы оставить на губах страстный поцелуй. Это явный признак собственника, но в то же время прикосновение настолько чувственное, что у меня сводит пальцы на ногах. Ощущаю липкое шоколадное пятно на лице, но я слишком погружена в сексуальный дурман с примесью алкоголя, чтобы обращать на это внимание.

Хочу достичь оргазма.

Он нужен мне.

И получишь... Просто перестань думать.

Мое дыхание учащается, как и спазмы, когда мужчина набирает темп, переключаясь на высокую скорость. Время игр заканчивается. Кэл не шутит.

— Да, Мавс, — выдыхает он, подбадривая меня.

Да, Мавс. Такая тесная и мягкая. Хочу почувствовать, как ты кончишь, Мелкая. Ощутить, как сильно ты сжимаешь мои пальцы.

Черт, Маверик. Прекрати.

Оставайся с Кэлом.

Его член дергается, прижимаясь ко мне сзади. Давление на клитор, теперь зажатый между двумя пальцами, заставляет мои колени дрожать. Я умоляю о большем.

— Да, вот так, детка, — тихо мурлычет он.

Боже, как же хорошо, Маверик, — он настолько сильно сжимает мое бедро, что на коже остаются синяки. И мне нужны эти следы.

Нет. Пожалуйста. Нет.

Я жмурюсь, совершенно сбита с толку. Мое тело движется в такт с пальцами, входящими и выходящими, туда-сюда. Пальцами, которые требуют от меня закончить начатое, в то время как прошлое и настоящее жестоко играют в перетягивание каната.

— Хочу, чтобы ты кончила.

Хочу, чтобы ты кончила.

— Ты уже близко. Давай же. Подари мне его.

Подари мне его. Твой оргазм принадлежит только мне.

Кэл ускоряет движение, умоляет, и я уже чувствую, как на меня практически накатывает экстаз. Мое платье стянуто с другой стороны, сосок перекачивается между ловкими пальцами. Я дрейфую в этом пространстве между настоящим и прошлым. Невидимая. Смущенная. Желаящая разрядки.

— Осталось совсем чуть-чуть.

Черт, да. Еще чуть-чуть.

Да, почти.

— Почти, — отвечаю, прерывисто вздыхая. *Боже, я сейчас кончу.* Мои руки взлетают к его предплечьям, и пальцы впиваются в его плоть.

Я сейчас кончу, Киллиан. О Боже... я... — говорю ему, позволяя себе воспарить, преодолевая мощную волну экстаза, которая обрушивается на мое тело подобно цунами.

Падаю, кувыркаюсь и начинаю спускаться в кроличью нору блаженства и мрака, когда Кэл напрягается и выпускает меня из рук, словно обжигающий уголек. Я зависаю, отчаянно пытаюсь достичь удовольствия, которое уже начинает ускользать.

А затем получаю шлепок. Поднимаю глаза, быстро моргаю и встречаюсь с холодным взглядом и напряженной челюстью.

О, нет. Вот черт. Неужели я произнесла имя Киллиана?

Кэл натягивает мое платье обратно, даже не потрудившись сначала вытереть меня. Сахарная субстанция, как паста, прилипает к внутренней стороне тонкой ткани, напоминая целлофан, прижимающийся к моим все еще жестким вершинам.

— В чем дело? — спрашиваю я, задыхаясь. Мне страшно.

*Вот же бл*дь. Ой нет, нет, нет. Пожалуйста, скажите мне, что я не...*

— Компания.

А?

— Компания?

— У нас компания, — повторяет мой муж, явно раздраженный.

О, Боже милосердный. Благодарю Тебя, Господи. Спасибо. Спасибо.

— Кто там?

— А ты как думаешь? — произносит Кэл сквозь зубы.

Как я думаю? *Как я думаю?* Трудно думать о чем-то ещё, кроме того факта, что я была на грани потрясающего оргазма, которого желала по-настоящему. Мне нужен оргазм. И

плевать, кто там; я готова схватить Кэла за руку и засунуть ее обратно в свои трусики, чтобы он закончил начатое.

Тем временем мой муж хватается кухонное полотенце, висящее на ручке духовки, и энергично вытирает пятно с моего лица. Он груб. Мне больно. Когда Кэл закончит, на коже точно останется красная полоса.

Все его поведение изменилось с сексуального и игривого на откровенно злое. Мой мозг все еще пытается понять, что происходит, когда меня осеняет. Только один человек мог заставить его так реагировать.

Киллиан.

О, черт.

Киллиан.

Затаив дыхание, я слышу стук в дверь. Мы с Кэлом переглядываемся, вероятно, думая об одном и том же.

Добро пожаловать в реальный гребаный мир.

Глава 4

Девятнадцать лет назад

Кэл

Наблюдаю за ней с другого конца детской площадки, гадая, не нужна ли ей моя помощь. Маверик одна из самых склочных девчонок, которых я знаю, поэтому не думаю, что она обрадуется, если я приду к ей на помощь, но даже мне заметно, что с каждой минутой девочка злится все сильнее. Я не понаслышке знаю, на что она способна, когда кто-то ее раздражает. И с моей стороны — это не восхищение.

Томми Джонс вместе с Марком Флинном загнали Мавс в угол рядом с гигантской кучей снега в задней части площадки. Они стоят ко мне спиной, но я узнаю эту позу где угодно. Ноги расставлены, руки лежат на груди крест-накрест, плечи расправлены, а головы подняты. Режим «Задира» активирован.

В общем, мудаки. Отец бы вымыл мне рот с мылом, если бы услышал от меня такое. Мне запрещено ругаться, но он все время так делает, так что, какого черта. Отец все равно не узнает об этом.

Проходит еще тридцать секунд. Прокручиваю их в голове, одну за другой, молясь, чтобы парни заскучали и ушли. Пусть Мавс и пытается игнорировать их, но уже ясно, что они от нее не отстанут. Хулиганы из третьего класса обычно выбирают тех, кто младше и слабее их. Таких, как детсадовцы, которые плачут по мамочкам во время перерыва. Сегодня, однако, детский сад и первый класс находятся на экскурсии в Центре искусств в Де-Мойне, поэтому их добыча ограничена, и они обратили свое внимание на Мавс.

Я знаю, что она может о себе позаботиться, но мне все равно это не нравится. Ничуть. Мои защитные инстинкты восстают против несправедливости. В десять лет мне не понять, откуда берутся эти чувства, когда дело доходит до Маверик ДеСото, но я всегда ощущал их по отношению к ней, с самого ее рождения. И похоже, от них никуда не деться. На самом деле мои чувства к Мавс с каждым годом становятся все сильнее.

Убеждая себя в том, что поступаю так скорее для того, чтобы защитить их, чем ее, я решаю побродить рядом, даже если это означает, что вплоть до конца недели мне придется слушать ее нытье по дороге от школы до дома. Мавс еще не знает, но она моя, и я защищаю то, что принадлежит мне. Так мой отец учил нас с братом.

Когда подхожу чуть ближе, у меня закипает кровь от слов, которые я слышу. И мне

приходится крепко сжать кулаки.

— Телка, телка. Твое имя означает телка, — фальшиво поет Томми Джонс.

Они называют ее коровой?

О, черт.

— Заткнись, — говорит Мавс ровным голосом, как будто то, что говорят эти придурки, ее не волнует. Но я-то вижу, что все наоборот, потому что зеленые глаза моей мечты превратились в узкие щелочки, а пухлые щечки стали темно-розовыми.

Если бы в этот момент кто-нибудь обратил внимание на Маверик, то подумал бы, что она просто замерзла. Но это не так. Когда ей холодно, розовый цвет на щеках становится ярче, напоминая засахаренные яблоки. Когда она смущена, это скорее легкий румянец, который начинается от линии волос девочки и исчезает под воротником ее рубашки. Ближе к оттенку ее балетных туфель. Но когда Мавс собирается ударить кого-то в лицо, как она и поступила со мной раньше, цвет ее лица больше похож на использованную жвачку, перед тем, как весь сахар исчезнет. Самые кончики ее ушей становятся чуть темнее, напоминая малиновый соус.

И сейчас этот цвет говорит мне, что двум придуркам лучше следить за своими словами, потому что Мавс уже конкретно на взводе.

— Телка, ты хоть знаешь, что такое «телка»? — насмехается Марк Флинн, следуя примеру Дыры.

Так мы зовем Томми Джонса за его спиной, потому что тот упал в заброшенный колодец, когда ему было пять лет. Тупица думал, что сможет спуститься туда, обвязав веревкой ствол дерева. Вот только ему было всего пять. Он не мог завязать узел достаточно крепко, чтобы суметь удержаться. И пробыл в этой темной, сырой темнице почти два дня. Мальчишка чуть не умер.

Я не злой человек, и надеюсь, что Бог не поразит меня за такие мысли, но не думаю, что мир стал бы хуже, если бы в нем не было Дыры.

— Не-а... Она слишком тупая, чтобы знать, что такое телка, — издевается Дыра.

Как в замедленной съемке Маверик поднимает взгляд от ямки в снегу, которую копала. Стоя и не сводя горящих глаз с лица Томми, она неторопливо стряхивает прилипший к рукавицам снег. Я смотрю, как крошечные комочки замерзшей воды плывут по земле, понимая, что Дыра вот-вот присоединится к ним. Вероятно, лицом к лицу.

И это значит, что Мавс отправят в кабинет директора. *Снова*. А затем она будет наказана. *Снова*. Может быть, ее даже выгонят из школы, к чему девчушка уже была близка ранее. Вероятно, Маверик отстранят от учебы, потому что малой кровью это не закончится. Второклассница-семилетка сама по себе является проблемой. И в этом слове все буквы гигантские, а не только начальная «П».

— Дыра, а почему бы тебе не забиться в угол и не слизать *телячий* навоз со своих вонючих ботинок? — произносит Мавс, делая шаг вперед.

Говнюки.

Девчонка точно намерена драться с ними.

И не имеет значения, что она права. Дыра живет на ферме в пяти милях от города. И его ботинки ужасно воняют. Я постоянно замечаю в столовой их отвратительный запах. И обычно задерживаю дыхание, когда нахожусь рядом с Томми.

Теперь у меня есть примерно две с половиной секунды, чтобы принять решение: позволить этой сцене разыграться по определенному сценарию или же взять дело в свои

руки, спасая Мавс от нее же самой. А спасать ее нужно постоянно. Но, по крайней мере, у нее есть я. Маверик нуждается во мне гораздо больше, чем догадывается на самом деле.

Поэтому я делаю единственное, что могу — то же самое, что делаю всю свою жизнь ради этой безрассудной раздражающей девчонки. Моей девчонки.

Протягиваю руку, хватаюсь за зимнюю куртку Дыры и наношу первый удар.

Глава 5

Одиннадцать с половиной месяцев назад

Маверик

Когда мне было одиннадцать, я чуть не умерла.

Это случилось в канун Нового года.

На Рождество мы с Джилли получили по паре идеально белоснежных коньков. В своей типично высокомерной манере моя сестра сунула нос в подарок, а затем забросила коньки в шкаф.

— *Боже мой, Джилли, тебе, что, не нравятся коньки? Это же потрясающий подарок! — визжу я.*

— *Нравятся? Ненавижу холод. Моя кожа становится сухой, — отвечает она своим сопливым голосом.*

Джиллиан никогда не вынимала коньки из коробки. Ну, может, лишь разок.

Я же, с другой стороны, обожала свои. Как обычно, каждая из нас получала огромное количество подарков, в которых мы не нуждались, и большинство из них, вероятно, так ни разу и не использовали. Коньки являлись наименее дорогими из моих подарков в тот год, но я дорожила ими, словно они были покрыты золотом.

Я помню то время, словно это было вчера.

И Киллиан, и Кэл очень от меня отделились. В сентябре Киллиану исполнилось шестнадцать, и он получил водительские права. Его никогда не было рядом. Парень выпал из нашей заурядной рок-группы, которую мы (как нам тогда казалось) ловко назвали «ДеШепсом» — комбинацией наших фамилий. Но, так как он являлся барабанщиком, а кроме него никто не умел на них играть, «ДеШепс» быстро зашипел и сник.

В том году Кэл пошел в девятый класс средней школы и начал меняться. Он занимался футболом, который отнимал у него много времени. А после футбола, парень сразу же шел на баскетбол. Кэл регулярно возвращался из школы не раньше семи, а затем делал уроки. Мне везло, если мы виделись хотя бы раз в неделю.

Я ужасно скучала не только по мальчику, в которого влюбилась, но и по своему лучшему другу. Особенно запомнилось ощущение того, что я словно осталась для них маленьким ребенком, в то время как они резко выросли. Моя сестра же, напротив, неизменно вела себя, как капризная стерва, и никогда не уделяла мне времени.

Мне было одиноко. Думаю, что именно чувство одиночества подвигло меня выйти в тот день, пусть и я знала, что не должна. Я обладала достаточной сообразительностью, чтобы понимать все это.

В начале сезона было холодно и снежно, и пруды с ручьями замерзли раньше обычного. Но за две недели до Рождества резко потеплело. За несколько дней температура взлетела до пяти градусов выше нуля. А при такой погоде лед быстро тает.

Я умирала от желания опробовать свои новые коньки, каждый день умоляя об этом родителей. Но они отказали мне.

— *Это небезопасно, Сердечко, — сказал тогда отец.*

Он даже спрятал коньки, потому что знал меня. Отец осознавал, что я не стану слушать его и поступлю по-своему. А мне были известны все его тайники. Потребовалось всего три минуты, чтобы найти коробку в сарае, на верхней полке, за ящиком с украшениями для Хэллоуина.

Так что в то утро, когда он отправился охотиться на оленей, а моя мать пыталась отойти от новогоднего похмелья, я связала шнурки коньков, перекинула их через плечо и отправилась в путь.

Когда я была ребенком, то обожала уединение сельской Айовы, особенно потому, что мы жили на двадцати акрах земли, на окраине города. Прямо по соседству с Шепардами.

Мне нравилась тишина. Покой. Свобода. Я ощущала умиротворение внутри, даже когда просто сидела и вдыхала свежий воздух. Мне нравился цвет неба, стрекотание сверчков, потрескивание костров по ночам. Жизнь в сельской местности помогала чувствовать себя цельной и настоящей. Это был баланс, который я не могла больше найти нигде.

И в тот день, в ту секунду, когда пересекла открытый участок и ступила в густой лес за нашим домом, скрывший меня от реального мира, то почувствовала себя лучше. Ощутила спокойствие. Как будто вошла в зачарованный сон.

Катание на коньках тогда казалось именно тем, что мне было необходимо.

Воспоминания о том, что произошло дальше, довольно расплывчаты.

Помню волнение, когда вышла из-за деревьев и оглядела свой личный рай. Вспоминаю трепет, который пробежал по мне, когда я туго зашнуровала коньки вокруг лодыжек. И до сих пор не забыла, каким тёплым был воздух в тот день, пусть мои щеки и стягивало от холода, напоминая, что зима еще не закончилась. Текстура гладкого льда, когда я впервые на него ступила, все еще иногда всплывает в моей памяти.

Тогда как остальные воспоминания ускользают. Помню, что меня била дрожь. Я была насквозь мокрой. Замерзшей. Неподвижной. Мои легкие горели, а пальцы рук и ног, казалось, онемели. Разум был совершенно пустым. И меня несли в сильных руках.

— *Держись, Маверик ДеСото. Я успел тебя вытащить. У меня есть планы насчёт тебя, и они не включают твою смерть.*

Его голос. Мне не удавалось открыть глаза. Они оказались склеенными слоем льда, покрывающего мои ресницы, но я узнала бы этот голос где угодно.

Меня нес Киллиан, и я ощущала себя в безопасности. Прижимаясь к теплому телу, я позволила его жизни медленно проникнуть в свое тело, и меня поглотила тьма. Когда мне все же удалось открыть глаза, до меня донесся ровный гул медицинских аппаратов.

Пришлось провести целых три дня в больнице. Гипотермия понизила температуру моего тела до тридцати двух градусов, и меня подключили к аппарату гемодиализа, чтобы согреть организм. Никто не знает точно, сколько времени я пробыла в воде, но, видимо, достаточно долго, раз мои внутренние органы почти отказали.

В тот день мне несказанно повезло. Потому что я не утонула, и меня смогли найти в такой отдаленной местности, где никого не должно было быть.

Оказывается, Киллиан и Кэл со своими друзьями катались на снегоходах и вовремя оказались рядом. Кто-то заметил мою ярко-оранжевую вязаную шапочку, выглядывающую из воды.

Джилли всегда ругала эту шапку. Она говорила о том, что меня видно даже из космоса, что мне стоит носить нечто более женственное и перестать вести себя как парень. Но мне нравилась моя шапочка. Киллиан подарил мне ее на день рождения, годом ранее. Он купил

ее у женщины, которая вязала и продавала по дешевке. Шеп сказал, что мне идет оранжевый.

В тот день мне был подарен еще один шанс на жизнь.

Эта шапка спасла меня. Киллиан спас меня.

Именно в тот день, когда я слышала тихие обещания в его голосе, умоляющем меня остаться в живых, то поняла, что безнадежно влюблена в Киллиана Шепарда.

И никогда не оглядывалась назад.

Напряжённость на нашей кухне ощущалась настолько сильно, что, казалось, можно было протянуть руку и коснуться ее в воздухе. Когда Киллиан и Джиллиан, или «Иллианцы», как теперь их все называют, вошли в наш дом полчаса назад, взгляд Киллиана немедленно опускается на мою грудь.

— *Мы что-то прервали?* — спрашивает он натянутым голосом.

Мне показалось, что мужчина говорит о моих сосках, которые все еще торчат, но, опустив свой взгляд, я замечаю, ганаш, размазанный выше линии платья. Вполне очевидно, куда ведет след. Я ощущаю что-то прохладное у основания шеи. А когда протягиваю руку и провожу по тому месту, на пальцах остается заварной крем.

Мое лицо вспыхивает, прежде чем вмешивается Кэл со своим «да, прервали» и предложением встретиться всем вместе в «Красном петухе» (он же «Кровавый Член» (прим. Игра слов в английском языке) через полчаса за ужином.

Затем Иллианцы выходят за дверь, а я остаюсь с внезапной головной болью, тянущим ощущением немного южнее и раздраженным мужем. Ясно, что встреча с Киллианом неизбежна, но я надеялась отложить ее хотя бы на несколько дней. Или даже месяцев. В общем, на некоторое время, чтобы начать медленный процесс вырывания Киллиана Шепарда из своего сердца, что следовало сделать еще в ту секунду, когда он женился на моей сестре.

— Что ты выбрала? — ко мне наклоняется Кэл, задавая вопрос напряженным голосом.

Мой желудок сжимается, и мне приходится спрятать лицо за меню. Похоже, вино, которое я пила ранее, начало бродить. Чувствую на себе оценивающий взгляд Киллиана. Ощущаю, как его гнев медленно просачивается наружу. Он тяжелый и густой. Мужчина не перестает поджимать губы с тех пор, как мы сели. Меня раздражает его злоба. У Киллиана нет на нее никакого права. Именно он виноват в этом хаосе. Но что сделано, то сделано, и как бы мне ни хотелось, уже ничего не изменить. Для всех нас.

— Пока не знаю, — отвечаю я. Все, что вижу — одно большое темное пятно перед глазами. На самом деле мне даже не нужно заглядывать в меню. В Дасти Фаллс есть всего два приличных ресторана. И мы завсегда и обоих. А это значит, что меню каждого изучено вдоль и поперек.

— Ну, как прошел медовый месяц? Рассказывайте, — звучит знойный тембр Джилли. Может быть, именно им она заманила Киллиана. Возможно, своим голосом сестра околдовала его, словно морская нимфа, и однажды пойманный, Киллиан не мог выбраться из ее титановых тисков.

Кэл выхватывает меню из моих рук и кладет его на стол. Затем закидывает руку мне на плечо и тянет к себе, пока я практически не оказываюсь у него на коленях. Можно даже не поднимать взгляд на мужа, чтобы догадаться, кому он адресует свой ответ. Конечно же брату, а не Джилли. Предпочитаю смотреть куда угодно, только не на двух людей, сидящих напротив нас.

Нечто среднее между вздохом и смехом слетает с моих губ, когда Кэл самодовольно отвечает:

— Активно.

Ничего подобного. Когда мой взгляд инстинктивно останавливается на Киллиане, я замечаю, что он не смотрит на меня. Вместо этого мужчина пригвождает брата жестким, почти ненавистным взглядом. Но за блеском его глаз скрывается что-то еще. Что-то похожее на тоску. Мне нужно отвести взгляд, прежде чем я разрыдаюсь.

— Звучит сексуально, — добавляет Джилли, совершенно ничего не замечая. А может, все наоборот. И она специально себя так ведет. Возможно, Киллиану не нравятся сильные дерзкие женщины, которые могут справиться с четырехколесным фургоном, филе только что пойманной рыбы или основанием собственного бизнеса. Может, он в восторге от слабых, зависимых, вечно ноющих женщин с кошачьими когтями, язвительным языком, и помешанных на Louis Vuitton.

— Так и есть, — говорю я, внезапно взбешенная тем, что Киллиан думает, будто имеет право вести себя высокомерно только из-за того, что я вышла замуж и имела наглость заниматься сексом. *С. Моим. Же. Мужем.* — На самом деле мы почти не выходили из спальни.

Отчасти верное заявление. Думаю, первые три дня я была настолько расстроена своим поступком, что меня без остановки тошнило. Либо это, либо суши, которые мы ели в самолете. Конечно же я винила во всем суши.

Поднимаю взгляд на Кэла, прекрасно осознавая, что он смотрит на меня вместе с Иллианцами. Когда вижу широкую улыбку и огонек в его глазах, то отвечаю ему тем же. И тут же таю, когда мой муж наклоняется и целует меня в губы. Это мило и искренне, и не в смысле «*отъ. ись*» своему брату, а как «*я очень тебя люблю*».

Мои щеки горят. Я не заслуживаю этого человека. На всех уровнях.

Слова Мэри-Лу до сих пор крутятся в голове. *Все потому, что ты даже не пыталась освободить место для кого-то еще.* Думаю, она права. Я не пыталась. Пора попробовать влюбиться в мужчину, который смотрит на меня так, словно я единственный огонек, которой освещает весь его мир.

— Неужто братья Шепард вместе? Что привело вас сюда в этот вечер?

Слава Богу... Спасательный круг в виде Пэтси Ледди. Подмигнув и чмокнув меня в щеку, Кэл поворачивается к официантке.

— Решили отметить событие. Мы с Мавс только вернулись из медового месяца. Сидим и выкладываем всю подноготную нашим уважаемым родственникам.

— Мои поздравления. Вам давно пора было это сделать. Мне всегда казалось, что вы созданы друг для друга.

Закусываю губу, заставляя себя смотреть на Пэтси, а не на Киллиана. Девушка того же возраста, что и Кэл, но обучалась в государственной школе, тогда как мы в частной. Пэтси всегда вела себя дружелюбно и не была костью в горле. И если произнесла такое, то не потому, что до нее дошли слухи и она злилась, как Хрюшка, а потому, что действительно верила в свои слова.

— Спасибо, Пэт. Как Томми? Все еще обходит колодцы стороной? — Кэл поворачивается ко мне и улыбается, как ребенок в кондитерской.

Пэтси смеется, воспринимая шутку в хорошем духе. Может, она и не ходила школу Святой Бернадетт, но все знают историю о том, как Кэл Шепард нокаутировал Томми

Джонса одним ударом в челюсть и был не только отстранен на три дня, но и наказан на месяц. Я была в ярости от его выходки. Потому что считала этот поступок своей прерогативой. Мне хотелось стать той, кто в тот день даст Дыре под зад. Преподаст ему урок. Даже сейчас мне все еще плевать на Томми Джонса, хотя с Кэлом они отлично ладят. Опять же, Кэл неотразим. Он ладит с кем угодно.

И теперь Пэтси помолвлена с Томми «Дырой» Джонсом. Они поженятся на следующий день после Рождества.

— Не так уж много заброшенных колодцев на углу Мейн и Лейк-стрит. И ты знаешь, что теперь он просто Том.

— Да, да. Но для меня он навсегда останется Дырой.

Пэт снова хихикает, а затем спрашивает:

— Итак, что я могу предложить молодоженам?

Кэл смотрит на меня первым. Я мягко улыбаюсь ему.

— Хэнк сегодня готовил свой потрясающий мясной рулет? — спрашиваю я ее.

— Ты ведь знаешь, что да.

— Тогда возьму его.

Кэл заказывает то же самое. Киллиан просит бургер средней прожарки. А Джиллиан берет салат.

— Никакой заправки. Никаких оливок. Никакого лука. Никаких гренок. Никакого сыра. Перец «банановый десерт», если он у них есть. Если его нет, скажите, чтобы не клали болгарский, потому что это не одно и то же. Да, и убедитесь, что помидоры лежат с краю. С краю. Если их там не будет, я верну заказ.

С каждым отрывистым требованием лицо Киллиана становится все более грозным.

— Видимо... ты решила заказать себе еду для Гуччи, — говорит он жене. Гуччи была домашней ящерицей мальчиков Шепард, и умерла лишь в прошлом году. Она питалась в основном салатом.

— Шеп, прекрати, — сестра дарит ему свое фирменное безобразное выражение лица. — Ты же знаешь, я пытаюсь скинуть пару фунтов, — у Джиллиан примерно сороковой размер одежды. В первый день месячных. А в остальное время она тридцать восьмого.

Кэл прочищает горло, и мои губы плотно сжимаются. Мы оба сдерживаем смех, который может окончательно вывести Джилли из себя.

— И принеси нам кувшин «Миллер Лайт», — добавляет Кэл, прежде чем Пэтси решается отойти от стола.

— Тебе нечего скидывать, Джилл, — рычит Киллиан.

— Ты ничего не знаешь о том, как быть женщиной, Шеп. Я буду чувствовать себя лучше, если сброшу пять фунтов.

— Когда пара фунтов успела превратиться в пять?

— Ну, все знают, что первые два — это просто вода.

— Очевидно, не все, — бормочет Киллиан, разрывая в клочья края бумажной салфетки. Даже я знаю, что это признак его растущего гнева, а его собственная жена и понятия не имеет.

— Скажи ему, Маверик, — говорит Джилли.

— Сказать ему что? — раздражаюсь в ответ на то, что она пытается втянуть меня в этот глупый разговор. Вот вам еще одно различие между мной и моей сестрой. Мой размер — соблазнительный сорок четвертый, и, хотя, время от времени, я замечаю небольшой

целлюлит на задней части бедер, мой вес никогда не был для меня проблемой.

— Ну, ты знаешь. Объясни ему, как это хорошо — скинуть несколько фунтов.

Сука.

Позволяю своему рту изогнуться в сладкой улыбке.

— Откуда мне знать, Джилли? Я довольна своим весом.

Парни начинают смеяться. А Джилли фыркает и обращает свое внимание на кабинку позади нас. Когда ее взгляд возвращается ко мне, я уже знаю, что наш разговор окончен. Вместо того, чтобы заняться чем-то полезным, моя сестра живет за счет своего трастового фонда и считает, что быть сплетницей Дасти Фаллс — ее основная работа.

— Ты слышала, что Салли Джеймсон сошлась с Исааком Ньютоном?

Да, да. У нас есть свой собственный Исаак Ньютон. Его мать — преподаватель естественных наук в государственной средней школе и, по-видимому, писала кандидатскую диссертацию о взглядах сэра Исаака на пространство, движение и время. Женщина, очевидно, являлась большой его поклонницей.

— А что за проблемы с Исааком? — губы сводит от всех этих приторных реплик.

— Джиллиан, — предупреждает Киллиан.

— Ну, он ведь совершенно ниже ее по статусу. Я имею в виду... он же *механик*, ради Бога, — говорит сестра шепотом, который больше похож на крик. Думаю, половина ресторана слышит, что она только что сказала. Мне так неловко, что хочется провалиться сквозь землю. Нет уж. Пусть лучше провалится Джилли.

— Ух ты, — бормочет Кэл рядом. Киллиан выглядит так, будто готов взорваться, его салфетка практически уничтожена.

Я упоминала, что моя сестра — грубая эгоистичная сука, которая совершенно на меня не похожа? Нет? На заметку: *так и есть*.

— Ага, а еще он талантливый и владеет собственным бизнесом. Нелегко иметь собственное дело, знаешь ли, — бросаю я ей достаточно громко, чтобы отомстить за сэра Исаака.

— Я знаю, — Джилли пожимает плечами, не придавая вида, что это касается и меня тоже. В конце концов, я всего лишь скромный пекарь. Ее слова. Не мои. — Просто говорю, что он весь день работает руками.

Боже, как же я ее ненавижу! Не могу поверить, что у нас одна ДНК. Мне все больше и больше кажется, что меня удочерили.

Внезапно чувствую, что у меня нет сил терпеть все это. Сестру. То, как Киллиан неприкрыто изучает каждое прикосновение, которое дарит мне Кэл. Эту напряженную обстановку.

Мне становится сложно дышать. Понятия не имею, почему Иллианцы появились у нас без предупреждения, но я бы поставила половину своего наследства на то, что все это — идея Джилли. Ей нравится, что она замужем не только за тем, кого, как ей известно, я любила всю свою жизнь, но и за одним из самых привлекательных мужчин Дасти Фаллс. Она расхаживает с Киллианом Шепардом, как будто тот — скаковая лошадь. Странно, что Джилл до сих пор не привязала его. Хотя, кто знает, что происходит в их спальне.

Даже думать об этом не хочу.

— Мне нужно в туалет, — говорю я, подталкивая Кэла, чтобы тот встал и выпустил меня. Пробираясь между столиками, наполовину заполненными посетителями, молюсь, чтобы никто не последовал за мной. Мне не нужны ни утешения Кэла, ни язвительные

замечания Джилли, ни извинения Киллиана. Всего пять минут на себя, чтобы избавиться от гнетущего чувства внутри.

Закрываюсь в кабинке и делаю долгие, глубокие вдохи, пытаюсь выдохнуть нарастающую тоску. Вспоминаю свое озеро, и на меня находит мгновенный покой. Казалось бы, после случившегося, мне стоило бы избегать озера, как чумы, но это не так. Я до сих пор хожу туда иногда, даже будучи взрослой.

К тому времени, как начинаю мыть руки, мне становится немного лучше. По крайней мере смогу пережить остаток ужина. Очевидно, у меня не получается продумать все до конца. Последние два года я старательно избегаю встреч с Иллианцами, но теперь это будет невыполнимой задачей, поскольку Кэл — мой муж.

Слышу, как позади скрипит дверь, и мой желудок ухает вниз. Я уверена, что это Джилли, но ловлю в отражении зеркала никого иного, как Салли Джеймсон.

— Здравствуй, — приветствует она меня.

— Привет, Сэл, — хватаю три бумажных полотенца, потому что они настолько тонкие, что даже сложить вдвое не получается, а затем поворачиваюсь к женщине, которую моя сестра только что бессердечно оскорбила. И, судя по выражению ее лица, она все слышала.

— Извини...

— Перестань. Даже не извиняйся за эту корову.

Салли Джеймсон на пять лет младше меня и является дочерью окружного прокурора. Она яркая и жизнерадостная, но ей постоянно не везет в отношениях. Исаак, может, и странный немного, но все же порядочный парень с добрым сердцем. Очень надеюсь, что у них все получится.

— Не понимаю, как ты ее терпишь.

Я фыркаю.

— Приходится.

— Да ты просто святая. Я бы уже подожгла ее.

— Ух ты, — смеюсь в ответ. — Сурово, — мы с сестрой можем быть абсолютными противоположностями, и она, возможно, растерзала меня, выйдя замуж за Киллиана, но Джилл все еще моя плоть и кровь. И, несмотря ни на что, всегда ею останется. Сестра никогда не сможет полностью освободиться от этой связующей цепи. Семья есть семья. Навсегда. На самом деле под толстыми слоями требований и надменности скрывается достойный человек. И я должна в это верить. Во всяком случае *стараться*.

— Зато честно. Поздравляю с вашей свадьбой. Кэл — хороший парень. Вы отлично смотрите вместе.

Внутри все сжимается. Может, все же из-за вина? Улыбка на моих губах причиняет боль. Я изо всех сил стараюсь казаться беззаботной, когда отвечаю:

— Надо идти. Кэл, наверняка, уже готов вызвать поисковую группу.

Похоже, сработало. Салли хихикает. Я обхожу девушку и открываю дверь.

— Маверик.

— Да? — оборачиваюсь к ней. Через приоткрытую дверь доносится гул голосов.

— Возможно, это не мое дело, но тот, кто решил жениться на этой женщине, не может быть достоин тебя.

О.

Господи.

Долбаные маленькие городки.

— Спасибо, — хрипло отвечаю ей. Снова пытаюсь приподнять уголки рта, но они тяжелы, как свинец, и не двигаются. Услышав за спиной щелчок замка, я прислоняюсь к стене коридора и с удивлением обнаруживаю, что по лицу течет слеза. Вытираю ее вместе с той, что следует за ней.

Единственное, чего мне сейчас хочется — сесть в машину и уехать. В никуда. Без каких-либо мыслей. Без ощущения вины. Хочется удариться в бега, но единственный человек, от которого действительно желаю сбежать — я сама. Хотелось бы мне, чтобы это было возможно. Если бы такое случилось, я бы давно потеряла себя.

Сделав несколько глубоких вдохов, я возвращаюсь в кабинку и сажусь рядом с Кэлом. Его большие карие глаза бегают по моему лицу, и он обеспокоенно морщит лоб.

— Лебедь, все хорошо? — сладко шепчет мой муж.

Я киваю, сосредоточив свое внимание на неаппетитном куске мяса, ожидающем меня вместе с пивом, которое не собираюсь пить. Чувствую тепло ладони мужа на своем бедре, прежде чем он успокаивающе сжимает его. Я выдавливаю слабую улыбку, которая, кажется, отвлекает Кэла... На время.

Несколько минут мы едим в тишине. Мне необходимо это благословенное спокойствие. Но как только начинаю думать, что смогу выбраться отсюда, при этом не вырывав чьих-то обесцвеченных волос, внезапное и очень неожиданное объявление Джилли снова лишает меня покоя.

Ее приборы звякают о тарелку, прежде чем сестра отодвигает ее. Недоеденный салат насмехается над вилкой с картофельным пюре, которую я только что засунула в рот. Джиллиан разыгрывает спектакль, хватая Киллиана за руку и глядя на него с любовью, прежде чем повернуться ко мне и сказать:

— Вы должны первыми узнать, что пришло время.

— Время для чего? — спрашиваю я ровным голосом, мне не нравится кошачий блеск в глазах моей сестры. Кладу вилку на стол, убирая ее под свою тарелку, в опасении, что схвачу прибор и проткну им Джилл за следующие слова.

С широкой ухмылкой на лице сестра произносит то, от чего болит мое сердце.

— Мы с Киллианом, наконец-то, готовы к семье. И официально начали пытаться забеременеть.

Я перестаю дышать. Уверена, это так. Моргаю, моргаю, моргаю. И продолжаю моргать. Может быть, если буду моргать достаточно быстро, то волшебным образом перенесусь в другое место и время, где перестану чувствовать эту мучительную боль.

Киллиан пытается привлечь мое внимание. Боковым зрением вижу, как он наклоняет голову, молча умоляя меня заглянуть в его обманчивые поцелованные Иудой шоколадные лужи.

Но я не смотрю на него.

У меня больше нет на это сил. Не уверена, что смогу переварить молчаливый разговор, который у нас случится, если сделаю это.

Прости, Мелкая.

Мне насрать.

Ненавижу, когда ты ругаешься.

А я ненавижу тебя.

Я люблю тебя. Пожалуйста, прости меня.

Не смогу.

Сможешь.

Нет. Я больше не в состоянии обращать внимание на эти невысказанные извинения и банальности.

После того, как снова обретаю голос, произношу равнодушные поздравления. Во всяком случае, с моей стороны. Кэл кажется искренним и счастливым, возможно, даже слишком. Оставшуюся часть ужина мне приходится терпеть Джиллиан, болтающую о цветах в детской, именах и частных школах.

В ту ночь, после секса, в попытке забыть свою неудавшуюся жизнь и Киллиана Шепарда, я засыпаю в объятиях Кэла, теплая снаружи, и смертельно холодная внутри. В том месте, где это имеет первостепенное значение.

Глава 6

Одиннадцать месяцев назад

Маверик

— Когда планируешь вернуться? — изо всех сил стараюсь скрыть разочарование в голосе, но мне это трудно дается. Я скучаю по нему.

— Скоро.

— Определись уже, — настаиваю я. Киллиан повторяет одно и то же уже несколько недель. Три месяца назад он устроился на работу в Пенсаколе, штат Флорида, оставив строительный бизнес моего отца, чем застал нас всех врасплох.

ДеСото Констракшн Индастрис — самая крупная и успешная компания по строительству транспортной инфраструктуры на всем Среднем Западе. Киллиан был лучшим менеджером по продажам с политической смекалкой, необходимой для того, чтобы привлечь крупных клиентов, и делал все необходимое, чтобы они оставались довольными.

Вообще-то, на «ДеСото Констракшн» работали все мужчины Шепард. Арни Шепард отец Киллиана, являлся финансовым менеджером и входил в совет директоров. Кэл только недавно присоединился к команде, устроившись в компанию юристом, а Киллиан занимался продажами. Да что тут говорить, три четверти жителей Дасты Фаллс работали на Ричарда ДеСото. Даже я числилась менеджером проекта.

— Мавс, тебе нужно набраться терпения.

Терпения? Я провожу всю свою жизнь, утопая в терпении и ожидая этого мужчину. Сначала он уезжает учиться в колледж. Потом возвращается, но я все еще считаю себя слишком юной. Затем настает моя очередь поступить в Университет Айовы, и, хотя лето я провела дома и проходила стажировку у отца, Киллиан ко мне не прикасался. Все изменилось в начале этого лета, одной ночью, за хранилищем зерна.

— Прошло всего два месяца после того, как я вернулась из колледжа, а ты уже бросил меня здесь одну. Я терпела почти двадцать три года, Киллиан. У меня больше нет сил. Я устала ждать. Устала прятаться. И не понимаю, почему тебе пришлось уехать.

— Мы уже говорили об этом, Мелкая. Мне нужно доказать, что я добился успеха благодаря своим силам, а не фамилии твоего отца. Не желаю, как мой отец, находиться под его каблуком всю оставшуюся жизнь. Я не хочу такой жизни для нас, — средства к существованию всей семьи Киллиана зависят от моего отца, Ричарда ДеСото, и парень не хочет перечить ему. Хоть сей факт и злит меня, я не могу винить Киллиана в этом.

— Да знаю, — вздыхаю я, осознавая, что он прав. — Извини. Просто...

— Не извиняйся. Ты ведь понимаешь, что ему пока нельзя знать о нас. Твой отец и так

уже начал что-то подозревать.

По факту, мы с Киллианом не вместе. Потому что не встречаемся, как другие пары. Мы видимся в темноте. Прячемся, как парочка женатиков, которые крутят роман на стороне. Наша ситуация абсолютно нелепа. На самом деле она меня бесит. Но мой отец не поддерживает никаких отношений, кроме дружбы, если это касается нас с Киллианом. Могу сказать наверняка, он получает все, чего захочет. Ненавижу огорчать своего отца, но сейчас мне попросту плевать. Это не его дело, кого мне любить.

— Так, когда ты ко мне вернешься?

— Постараюсь на следующих выходных.

— Постараешься?

Его выдох тяжелый и долгий.

— Маверик, ты же знаешь, что произойдет, как только я переступлю черту города.

Отец вынесет мне мозг в попытке заставить вернуться в ДСК.

— Ладно. Тогда давай я приеду к тебе. Не могу больше ждать.

— Не очень умный шаг. Кто-нибудь обязательно догадается.

И под этим «кто-нибудь» имеется в виду мой отец.

— Ты не хочешь, чтобы я приезжала? — мой голос немного дрожит.

— Детка, — уговаривает Киллиан, — это не так, ты же знаешь. Я хочу, чтобы мы были вместе. Просто пока не подходящее время. Все будет. Но не сейчас.

Мой взгляд перемещается к окну спальни. Жалюзи подняты до упора. Я наблюдаю, как барабанит дождь. Вода питает землю и очищает воздух от пыли, а также насыщает корни кукурузы и сои, растущих вдоль ветреных дорог нашего сельского городка. Обычно мне приятен мягкий стук капель, бьющихся о металлические желоба. Но сегодня мое настроение соответствует погоде. Оно тоскливое и беспокойное. Я ощущаю какое-то чувство обреченности, от которого непросто отвлечься. Оно появилось в ту самую секунду, когда Киллиан ступил на борт самолета, направляющегося в Де-Мойн.

— Я так по тебе скучаю.

Голос Киллиана становится низким и хриплым.

— Я тоже скучаю по тебе, Мелкая.

— Хочу выйти за тебя замуж.

— А я хочу, чтобы ты родила мне детей.

Эти разговоры кружат мне голову. Наши романтические отношения — что-то новое, и все-таки я знакома с Киллианом Шепардом всю свою жизнь, так что прекрасно знаю, чего он хочет и о чем думает.

— И сколько бы их было? — подначиваю я, уже зная ответ.

— Пять. Все мальчики. Буду держать тебя беременной целых шесть лет.

Теперь я сияю от уха до уха, моя тоска почти забыта.

— Сначала ты должен жениться на мне.

— Терпение — добродетель.

— Добродетель слишком переоценивают.

— Нет. Именно благодаря ей ты такая, какая есть, Маверик. Никогда не теряй это качество. Именно оно привлекло меня к тебе.

У меня перехватывает дыхание.

— Я люблю тебя, Киллиан.

— Мне нравится, когда ты произносишь мое имя таким тоном, — практически слышу

улыбку в его голосе.

— Каким именно?

— С придыханием и желанием.

— Все верно. Если вернёшься домой на следующих выходных, то услышишь этот звук в живую.

— А как насчет того, чтобы услышать сейчас? Я хочу этого, — отвечает Киллиан с тихим стоном.

Обожаю, когда мне бросают вызовы.

— Ммм... Ну, ладно.

Я скользжу пальцами все ниже и ниже...

Шутка Мэри-Лу отвлекает меня от лучшего момента своих воспоминаний.

— Знаешь... а может, это именно то, что тебе нужно? — нет... все, что мне *нужно* — это снова погрузиться в свои мысли.

— О чем ты, блядь, вообще? — отрываю взгляд от своей работы и наблюдаю, как подруга аккуратно раскладывает малину на каждый мини-чизкейк, стоящий перед ней на подносе.

Миссис Кеннер сегодня обедает в ложе Федерации женского клуба и заказала тридцать три из них, а также равное количество пирожков с ветчиной и сыром. Еще нам нужно выполнить два небольших заказа, так что признаюсь... Я укусила. В смысле огрызнулась. Мое раздражение по поводу последних новостей, сбивших меня с толку, гораздо более явственно, чем я вправе выразить. Это у меня должны были появиться дети от Киллиана... а не у *нее*.

Мэри-Лу прекращает свое занятие и смотрит вверх. Она разглядывает меня целых две секунды, а затем начинает смеяться.

— Прошло ведь уже несколько дней.

Да. Но мое отношение к ситуации совершенно отличается от того, как ее видит Мэри-Лу.

— Иди в задницу, — хватаю кондитерский мешок, а следом печенье макарон, но слишком сильно сжимаю хрупкую выпечку, и она крошится в моей руке. Подруга хватается за запястье и прижимает его к столешнице, но поскольку я сопротивляюсь — в процессе раздавливаю еще минимум дюжину печений. — Какого хрена, сучка? — кричу я.

Мэри-Лу лишь смеется громче.

— Ты можешь испечь еще. Нужны всего лишь яйца и сахар.

— Дело не в этом.

— А я думаю, что в этом все и дело, — со всей серьезностью заявляет она. Взяв пригоршню уже уничтоженных разноцветных дисков, подруга медленно пропускает остатки сквозь пальцы, возвращаясь к своему рабочему месту. Мы обе пялимся на беспорядок перед нами, как будто крошки мистическим образом дадут ответы на все нерешенные вопросы мира... Например, что происходит со всеми теми людьми, которые исчезают в Бермудском треугольнике, и скрывало ли на самом деле правительство катастрофу НЛО в Зоне 51? Или возможно, но *только возможно*, почему я теперь миссис Кэл Шепард, а не миссис Киллиан Шепард.

— Разберись со свои мыслями и чувствами. Уничтожь их до самого основания, а затем начни с нуля.

Что? Начать все сначала? Притвориться, будто я никогда не была влюблена в Киллиана Шепарда?

Именно *это* предлагает Мэри-Лу?

Нет никакого шанса, чтобы ответ лежал в крошках передо мной.

Ну и как это сделать? Как такое вообще возможно после стольких лет? Любовь к Киллиану засела во мне настолько глубоко, что буквально вплетена в каждую клетку организма.

Невозможно. С моей стороны — это не притворство. И не забвение. Моя жизнь имеет четкое разделение. На тогда и сейчас. На прошлое и настоящее. На Киллиана и Кэла.

Мне хочется высказать кучу гадостей, которые вот-вот готовы сорваться с моего языка. Желая выплеснуть их на единственного человека, который, как ни странно, не обидится и не перестанет меня любить. Однако это несправедливо по отношению к Мэри-Лу. Ведь она всего лишь пытается помочь.

— Я просто не могу поверить, что Киллиан действительно на это согласился.

— Почему? — отшатывается моя подруга.

— Потому что он не любит Джилли. Киллиан едва может смотреть на мою сестру. Зачем ему иметь от нее ребенка?

— Да я не о том, почему у него будет ребенок. А о том, почему тебя это *волнует*, Маверик? Все, что у тебя было с Киллианом, закончилось в тот день, когда он вернулся в Дасти-Фаллс, встал перед тобой в доме твоего отца, удерживая руку Джиллиан в своей, и объявил об их помолвке. Ты заслужила по крайней мере объяснение, а не просто уведомление о его выборе. Но не получила ни черта. Даже если бы и получила, объяснения все равно было бы недостаточно. *Ничего* из слов Киллиана не смогло бы оправдать его поступка. Перережь этот гребаный шнур, детка. Киллиан того не стоит. Если он хочет породниться с ведьмой и создать стайку маленьких ведьмочек, это его личное дело. Не твое.

Мои губы кривятся в ухмылке, и я не сдерживаю себя. Как и Мэри-Лу. Когда из моего горла вырывается звук, странно похожий на хихиканье, подруга отвечает мне тем же. А затем, ровно через десять секунд, мы обе сгибаемся пополам от такого громкого хохота, что слезы текут по нашим лицам.

— Стайку? — спрашиваю я между прерывистыми вдохами.

— Ага... Стайку! — отвечает она таким высоким воем, что мои ноги больше не держат меня, и я соскальзываю на пол, умирая со смеху. Вскоре ко мне присоединяется Мэри-Лу, и мы хватаем ртом воздух.

— Видимо, ты имеешь в виду шабаш, — поправляю я, когда, наконец, снова могу дышать.

— Шабаш, выводок, стайка. Без разницы. Все, что я представляю — кучка маленьких метел, выстроенных вместо обуви в прихожей.

И мы снова смеемся.

— Боже, ты ужасна.

— Возможно, — Мэри-Лу вытирает слезы, которые собираются у нее под глазами. — Только не говори мне, что не можешь представить того же.

— Могу, — отвечаю я ей. К несчастью, могу.

Как только мое веселье проходит, улыбка тут же исчезает с моего лица. Единственный звук, который раздается в комнате — наше затрудненное дыхание и мои хаотичные мысли. Мэри-Лу обхватывает мою руку своей и крепко сжимает. Ни одна из нас даже не пытается

посмотреть на другую.

— Я люблю тебя, Маверик. И буду любить. Я всегда прикрою тебя. Но хочу быть честной. Мне надоело видеть, как ты заставляешь себя жить. Одно из качеств, которым я больше всего в тебе восхищаюсь — то, что ты никому не позволяешь себя унижать. Я скучаю по этой девушке. Той, что ходит с высоко поднятой головой и средним пальцем, направленным на окружающих. Той самой, которая приехала в Де-Мойн, чтобы получить ссуду на свой маленький бизнес, потому что хотела, чтобы ее оценили по *заслугам*, а не из-за фамилии отца. Ты легко могла попросить у него денег или взять из своего трастового фонда, однако не сделала этого. И мне грустно — нет, я *злюсь*. Злюсь, потому что вижу, как ты барахтаешься в воспоминаниях, словно бывшая любовница. Тебя *бросили*. Так забудь, блядь, об этом. Многие люди оказывались на твоём месте и раньше. И они не только выживали, но и процветали. Вспомни хотя бы Пенни Лейн.

— Песню «Битлз»? — растерянно спрашиваю я.

— Господи, да нет же. Ты, как всегда, невпопад со своими древними группами. Пенни Лейн из Хани-Брук.

Я мысленно закатываю глаза.

— Не помню.

Мэри-Лу размахивает рукой, словно отгоняет муху.

— Без разницы. Важно то, что Пенни Лейн была помолвлена с Людвигом Ванденбергом. Они договорились со священником. Пенни уже выбрала себе свадебное платье. Они даже купили билеты на самолет, чтобы бабушка Лейн смогла прилететь на церемонию из Луизианы. Затем Пенни уехала на учебный семестр в Лондон. К тому времени, когда она вернулась, Людвиг не только изменил ей, но и *женился* на прелюбодейке. И знаешь, на ком он женился, Мавс?

Мне плевать, на ком женился этот Людвиг, но придется играть в игру Мэри-Лу, потому что, если не сделаю этого, подруга будет сидеть молча до тех пор, пока я не сдамся и не спрошу.

— И на ком же?

— На сестре Пенни, конечно.

Я поворачиваю голову в ее сторону.

— Ты все выдумала.

— Неа, — невозмутимо отвечает она. — Ларри знаком с братом нынешней подружки Пенни.

Неведомая сила поднимает мои брови вверх.

— Подружки? Разве не ты только что сказала, что она была помолвлена с парнем?

— Вот *именно!* — Мэри-Лу шлепает своим «и» так громко, что у меня болят барабанные перепонки. — Когда жизнь предлагает тебе лимоны, ты не делаешь из них лимонад. Это для слабаков. Нет. Ты морщишься, но высасываешь лимоны досуха, а затем бросаешь использованные корки обратно в лицо жизни с гигантским «иди нахрен» и выразительным жестом в придачу.

Я фыркаю, прежде чем понимаю, что подруга говорит серьезно. Это отрезвляет меня, и я признаюсь.

— Думаю, что уже сделала это.

— Нет. Тебе кажется, что брак с Кэлом оказался средним пальцем для Киллиана, но ты ошибаешься. У тебя была возможность выйти замуж за *кого угодно*, однако ты выбрала Кэла.

И вышла за него замуж, потому что любишь его, Маверик. Если ты пристально взглядишься в то, что у тебя на сердце, то увидишь боль и предательство, но под этим слоем скрывается настоящая любовь. Тебе просто нужно отыскать ее. И на этот раз подарить *правильному* человеку. Тому, кто *достоин* тебя. И это не старший сын Шепард. Он никогда им не был.

У меня слезятся глаза. Мэри-Лу тянет меня на себя до тех пор, пока моя голова не падает ей на плечо. В детстве мы иногда сидели так на детской площадке, прижимаясь спиной к кирпичной стене. Другие девчонки уже рыдали бы горючими слезами, но мы с Мэри-Лу... даже тогда были сделаны из другого теста. И вместо слез строили планы о том, как будем завоевывать мир, когда вырастем. Или о том, как запретили бы платья, жевательную резинку и любую другую обувь, кроме теннисных туфель. Мы бы сожгли каждую пару колготок. А еще продлили бы большую перемену на два часа и исключили обществознание из школьных предметов, потому что обществознание — пустая трата времени. Вместо этого обязательным предметом стало бы выживание в естественной среде. Каждый должен знать, как продеть леску в рыболовный крючок и зарядить ружье.

Когда моя подруга начинает говорить, вибрация ее голоса проходит через меня вместе со словами.

— В какой-то степени ты всегда будешь грустить из-за Киллиана, и это нормально. Но такая печаль подобна медленно растущим метастазам. Довольно скоро они поглотят тебя целиком, вытеснив все хорошее. Не позволяй Киллиану Шепарду погубить свою душу. Он того не стоит.

Немного помолчав, мне приходится признаться ей.

— Я знаю, — потому что знаю *на самом деле*. Все, что говорит Мэри-Лу, соответствует действительности. Продолжать любить Киллиана — все равно, что съесть целую пинту мороженого за один присест. Ты прекрасно знаешь, почему должна убрать эту дрянь обратно в холодильник сразу после первой ложки, но не можешь остановиться и продолжаешь есть холодный десерт, потому что он ужасно вкусный. Затем смотришь в пустую банку и ненавидишь себя еще больше, желая повернуть время вспять и вовремя отказаться. Именно так я себя и чувствую. Ненавижу себя за то, что все еще люблю его, но перестать почему-то не могу.

— Э-э... Здесь есть кто-нибудь? — зовет бестелесный голос. Мы с Мэри-Лу поворачиваемся друг к другу, и она одаривает меня слабой улыбкой, вытирая мои слезы большими пальцами рук, прежде чем мы обе одновременно вскакиваем.

— Да. Тебе что-то нужно, Кэрол? — спрашиваю я, радуясь тому, что мой голос не дрожит.

Взгляд Кэрол мечется между нами, прежде чем она объявляет:

— Там к тебе кто-то пришел, Маверик. Сказать, что ты занята? — меньше всего мне хочется натягивать на лицо улыбку и делать вид, будто мне не все равно, но бизнес есть бизнес. Я не могу позволить личным проблемам разрушить все, ради чего надрывала свой зад.

— Нет. Сейчас подойду.

— Я закончу сама, — говорит Мэри-Лу, когда я встаю с места.

— Спасибо.

Однако, пройдя через двери, застываю на полпути, когда улавливаю знакомый силуэт Киллиана Шепарда, методично барабанящего пальцами по столешнице в ожидании. Мужчина выглядит уставшим, с мешками под глазами и двухдневной щетиной. Но в то же

время он невероятно привлекателен. Киллиан настолько великолепен, что у меня перехватывает дыхание — за одно лишая кислорода клетки моего мозга — всякий раз, когда я смотрю на этого потрясающего мужчину.

У меня крутит живот, пока мы безмолвно разглядываем друг друга. Прошло две недели с того вечера в «Красном Петухе». И до этого момента от Киллиана не было никаких вестей. Что казалось одновременно и благословением, и проклятием.

Вспоминая, где мы находимся, я оглядываюсь и понимаю, что он один, без жены на хвосте.

— Что ты здесь делаешь? — спрашиваю я резко, ожидая, когда за мной закроется дверь.

Сегодня понедельник, почти полдень. Толпа поредела, так как завтрак уже закончился, но для обеда еще слишком рано, поэтому я прекрасно понимаю, что все взгляды в помещении нацелены на меня. Включая Кэрл. Смотрю на нее и поджимаю губы, давая понять, что девушка совершила серьезную ошибку. Ей следовало сказать мне, что посетитель оказался моим шурином.

Да... шурином. Запомни уже.

Шурин.

Ш. У. Р. И. Н.

Он просто шурин.

Ага... Которого ты уже попробовала со всех сторон.

Блядь.

Киллиан мешкает, и я снова задаю тот же вопрос:

— Что тебе нужно? С Джилли все в порядке? — последний вопрос звучит настолько естественно, что мне могли бы вручить «Оскар». А Киллиан, наконец-то, прерывает молчание. Хотелось бы спрятать самодовольную улыбку, которая кривит мои губы, но на данный момент гравитация в проигрыше.

— С ней все нормально.

— Приятно слышать, — вот так. И Кэтрин Хепберн не сыграла бы лучше. Представляю, как мои пальцы сжимают увесистую статуэтку. — Так чем я могу тебе помочь?

На секунду Киллиан выглядит ошарашенным моей отчужденностью. Но затем быстро приходит в себя.

— Я... э-э... хотел бы обсудить заказ.

Лжец.

Киллиан лишь трижды ступал ногой в «Cygne Noir Patisserie». Первый раз, когда мы разрезали ленту в день открытия. Другой, сразу после того, как мы с Кэлом объявили о помолвке. Можете представить себе, что там происходило. И вот сейчас...

Мужчина здесь по какой-то причине, но, как обычно, думает лишь о себе.

Гнев начинает затмевать мой взгляд. Да как он смеет появляться здесь, придумывая дурацкие отговорки. Даже если они у него имеются. Вообще-то Киллиан — директор по продажам в ДеСото Констракшн. И у него есть целых два помощника.

— Окей, — подыгрываю я. — Дай, только возьму блокнот, — в кармане моего фартука уже лежит один, но я поворачиваюсь к мужчине спиной, в основном для того, чтобы обрести самообладание. В моих движениях явно читается раздражение, пока я открываю ящик и достаю оттуда блокнот и ручку. Когда поворачиваюсь обратно, то не смотрю на Киллиана, а сразу же направляюсь к столику в углу, у окна. Мне нужно, чтобы этот фальшивый заказ оказался на виду у как можно большего количества людей.

— Может быть, есть место, где мы могли бы поговорить более... приватно? — тихо спрашивает Киллиан, опускаясь в кресло напротив меня. Окидывая взглядом стол с тремя старушками, которые проявляют к нам живой интерес, он бросает им сногсшибательную улыбку, прежде чем снова посмотреть на меня. Я закатываю глаза, когда слышу их восторженные вздохи. Предательницы.

— И зачем же? Не думала, что заказ круассанов или пирогов — сверхсекретное дело.

В ответ Киллиан только тяжело вздыхает.

Подношу ручку к бумаге и жду, в надежде, что мой взгляд покажется ему пустым. Если Киллиан хочет в эти игры, то почему бы и нет. Именно в этот момент я решаю, что пора закончить этот фарс. Нужно покончить с его ложью, которая тащит меня за собой, пока я цепляюсь за ее «штанины», валяясь в грязи и сдирая кожу со своей гордости.

Я заслуживаю большего. От него. От себя. *Для себя.*

— Я хотел поговорить с тобой о том вечере.

Ну, а я нет.

— Значит, заказа на самом деле нет? — вежливо спрашиваю я.

Киллиан уваливает от ответа. Недолго, но это все, что мне нужно. Я и так знала, что он лжет.

— Да, но... — мужчина прерывает свою фразу и выглядит смущенным моим обращением к нему.

Бросаю взгляд на тротуар, ощущая, как волосы встают дыбом на моей шее. Великолепно. На меня пялится не кто иная, как Хрюшка со своей подругой. Обе стоят возле салона красоты. Сэм, не скрываясь, указывает в нашу сторону, а ее рот не закрывается ни на секунду.

Даже отсюда я вижу презрение на их лицах.

И неважно, что в моих действиях нет ничего плохого. Не имеет значения, что Киллиан пришел ко мне, а не наоборот. И совершенно без разницы, что мы находимся на публике, а не замечены на заднем дворе за кустами роз. Слухи не нуждаются в правде; достаточно лишь одной спички, чтобы разгорелось пламя.

Я вновь поворачиваюсь к Киллиану, игнорируя осуждающую аудиторию. Чем скорее покончу с этим, тем лучше.

— Тогда почему бы нам не перейти сразу к обсуждению заказа?

— Мавс...

— Сейчас не время, Киллиан, — ворчливо шепчу я. — И, определенно, не место, — повысив голос на пару тонов, заканчиваю в деловом стиле. — А теперь... если ты объяснишь, каким видишь мероприятие, и какое количество людей будет на нем, я предложу тебе несколько вариантов.

Смирненное выражение, расплзающееся по его лицу, почти заставляет меня чувствовать себя плохо.

Почти.

Мэри-Лу права. Нет никакого оправдания тому, как Киллиан поступил со мной. Я доверяла ему, а он не просто разрушил наши отношения... а взорвал их к чертовой матери. Во благо. Даже если бы в эту секунду Киллиан оставил Джилли и встал передо мной на колени, умоляя о прощении, не уверена, что смогла бы ему его дать. И вообще хочу ли сделать это.

Я провела большую часть своей жизни, тоскуя по этому мужчине. И посмотрите, куда

это меня привело. Я стала одним сплошным комком из ярости и горечи. И поступила ничуть не лучше него, выйдя замуж за нелюбимого человека, невзирая на причины. На самом деле, во многих отношениях я даже хуже, потому что искренне люблю Кэла, пусть и как друга, а Киллиан только и мог, что терпеть Джилли. Даже в детстве.

Похоже, мое отречение займет какое-то время. Возможно даже годы. Но я клянусь — здесь и сейчас — что вырву Киллиана Шепарда из своего сердца. Мне будет больно. Я споткнусь. И даже упаду. Возможно сдеру кожу с рук и коленей, когда сделаю это. Но затем снова возьму себя в руки, отряхнусь и попробую еще раз. Я никогда не была так решительно настроена разорвать невидимую власть Киллиана надо мной раз и навсегда.

И сделаю это. Не только ради себя, но и ради своего мужа.

Кэл заслуживает всю меня, а не только половину.

Глава 7

Пятнадцать лет назад

Кэл

Спустя два месяца я, наконец-то, выяснил, что скрывает Маверик ДеСото. В последнее время она избегает меня все чаще и чаще. Исчезает на долгие часы, не говоря ни слова.

Когда Мавс появляется, я спрашиваю, где она была. Девочка уходит от ответа. Я начинаю злиться. Она разворачивается и сбегает. А я кричу ей вслед. Через день Маверик прощает меня, и мы возвращаемся к обычной жизни. Пока все не повторяется снова.

Я устал от этого.

От того, что Мавс избегает меня.

От секретов.

Ссор.

У нас не такие отношения.

Поэтому сегодня я следую за ней. У Маверик выработана определенная закономерность. Похоже, она этого даже не замечает. Но все именно так, как я и говорю. Каждое утро вторника девочка просто исчезает. И по пятницам тоже. А иногда я не вижу ее до полудня и по субботам. И меня это сводит с ума.

Пончиковая «Tastie» открыта ровно три месяца в году. Июнь, июль и август. Она закрыта по воскресеньям, потому что владелец не работает в «день Господень». И открыта только до полудня по субботам. Вот уже три лета, каждую субботу по утрам мы с Мавс ходим пешком в город, стоим в длинной очереди перед будкой, которая не больше крошечной ванной, и смотрим, как старая замысловатая машина делает свежие дырочки для пончиков прямо у нас на глазах. Когда наступает наша очередь, мы вручаем мистру Хиггинсу по два четвертака. Он улыбается своей широкой улыбкой, затем встряхивает жареные шарики теста, смешивая их с корицей и сахаром, прежде чем наполнить наши пакеты до отказа.

По дороге домой мы уплетаем выпечку за обе щеки, как обычно обещая Киллиану и Джилли, что оставим немного для них. Но никогда этого не делаем. Мы оба считаем, что если бы они хотели, то могли бы прогуляться вместе с нами. Чего ни Киллиан, ни Джилл никогда не делают.

«Tastie» — главная тема лета в Дасти Фаллс. Традиция. И Мавс нарушает ее, даже не объясняя причин. Уже две субботы я остаюсь без пончиков от «Tastie» и начинаю злиться. Мне нужно выяснить, что такого важного происходит, раз она отказывается от нашего еженедельного ритуала. И, по правде говоря, ее скрытность немного задевает мои чувства,

потому что Маверик не хочет делиться своей тайной. А ведь мы ничего не скрываем друг от друга.

Так что этим утром на рассвете я прячусь за сараем ДеСото и жду. Роса, все еще прилипшая к травинкам, пропитывает край моих высоких носков, но мне даже приятно, так как становится жарко, а влажность тоже большая.

Не знаю, сколько времени жду. Может, около часа. Затем вижу, как Маверик выскальзывает из боковой двери дома. Ее длинные темные волосы стянуты сзади в гладкий конский хвост, а сама она щеголяет в обычных обрезанных джинсовых шортах и одной из сшитых нами футболок ДеШепс. За спиной у Мавс рюкзак, и я задумываюсь, что же такого в нем лежит.

Наблюдаю, как девочка оглядывается, дабы убедиться, что она одна. Удовлетворенная, Маверик пересекает открытую равнину своего двора, пока деревья, что тянутся вдоль территории между нашими двумя участками, не поглощают ее силуэт.

Я следую за ней ту же секунду, как ее нога касается лесного покрова. Но, конечно же, держусь на расстоянии. Мне не хочется ее пугать. Так же, как и злить. Потому что Мавс словно фейерверк — поднеси спичку, и он взорвется. В такие моменты очень забавно наблюдать за реакцией девочки, и время от времени я нарочно завожу ее, но, если Маверик заметит меня сейчас, мне никогда не узнать, что она пытается скрыть. Девочка периодически оглядывается, но лесной массив настолько густой, что я легко успеваю спрятаться за одним из деревьев, прежде чем она успеет меня заметить.

Кажется, уже несколько часов мы петляем между упавшими, сгнившими бревнами и двухсотлетними дубами, пробираясь все глубже и глубже в душный, тихий и пышный лесной массив. Мы много раз бывали в этом лесу. Исследовали. Строили крепости из палок. Наблюдали за дикой природой. Играли в «призрак на кладбище» или просто в прятки. В общем, вели себя как обычные дети. Я люблю это место так же сильно, как и Маверик. И знаю местность почти так же хорошо, как и она. Однако даже в этом лесу есть невидимая черта, которую *нельзя* пересекать.

Собственность ДеСото и Шепардов граничит с землями старика Райли — затворника которому принадлежит больше акров, чем двум нашим семьям вместе взятым. Он — здешняя легенда. Вроде греческого бога, вот только старик Райли совсем не похож на мифического красавца. Однажды в городе я наблюдал, как он выходил из «Мелочей от Маркелла». Страшный до ужаса. Старик Райли был похож на горца с лохматыми нечесаными волосами и густой седеющей бородой до пупка. На его фланелевой рубашке виднелись дыры, а футболка, которую он носил под ней, должна была быть белой. По моему мнению. Его джинсы казались дырявыми и не модными. Я был уверен, что чувствую смрад, исходящий от него, даже на другой стороне улицы. Однако мама отругала меня, сказав, что это просто мое воображение.

Но, как и в любом фольклоре, истории множатся и растут, пока не становятся полностью надуманными. Говорили, что якобы старик богаче, чем парень, владеющий большой компьютерной компанией — той самой, у которой яблоко на логотипе. Или о том, что каждый предмет мебели, стоящий в доме Райли, набит пятаками и десятками, потому что тот не доверяет правительству. Как сообщалось, он стреляет в бездомных кошек и собак ради развлечения, а потом хоронит их под кучей грязи, добавляя новый камень для каждого трупа, скрытого под ним. Думаю, там тысячи камней. Но я никогда не видел их воочию. Еще говорили, что старик делает ожерелья из зубов крыс и регулярно практикует вуду. И это

далеко не все. Есть по крайней мере сотня еще более нелепых небылиц.

Но самый распространенный слух заключается в том, что вся его граница выложена ловушками, спрятанными под кустарником и грязью, чтобы их нельзя было обнаружить. Некоторые говорят, что там взрывчатка, которая разнесет вашу ногу на куски. Другие говорят, что там самодельные силки с настолько острыми зубьями, что они разорвут вашу лодыжку надвое, прежде чем вы успеете это почувствовать. А еще рассказывают, что Райли расставил заклятия Вуду по всему периметру своей территории.

Может, это просто слухи. Может, и нет, но все прекрасно знают: если ты хоть пальцем коснешься земли старика Райли, он узнает об этом, и ты умрешь.

За все время, что мы провели в нашем маленьком убежище, ни я, ни Мавс ни разу не пересекли эту воображаемую черту. Конечно же, мы подначиваем друг друга сделать это, но каждый, в конце концов, трусил.

И тот факт, что сейчас мы тащимся на неизвестную территорию, а конкретно по земле старика Райли, пугает меня до смерти. Не буду врать. Чем дальше в лес мы углубляемся, тем больше бунтует мой желудок и тем сильнее я нервничаю. С каждым сделанным шагом я ожидаю, что в любую секунду меня пронзит агония боли. Больше всего на свете мне хочется развернуться, но я не собираюсь терять из виду Мэверик, поэтому иду вперед.

Так вот чем она занимается? Рискует своей жизнью?

Если старик Райли нас поймает, кто знает, что он может натворить. Мне известно лишь то, что я не хочу оказаться напротив ствола дробовика с половиной лица, чтобы затем быть похороненным в безымянной могиле под вечнозеленым деревом. И Мавс тоже такой судьбы не желаю. Как только доберемся до места назначения, я выскажу Маверик все, что думаю по этому поводу.

В очередной раз она доказывает, что ей нужен тот, кто позаботится о ней. Беспечная, безрассудная девчонка. Я бы поставил всю свою коллекцию бейсбольных карточек и даже самую ценную, с автографом Кена Гриффи-младшего, на то, что ее родители понятия не имеют, куда сбегает Мавс. У ее отца будет припадок. Он очень заботится о своих дочерях, вот почему отвел меня в сторону, когда мне было восемь лет, и попросил не сводить глаз с Маверик. Ее отец понимал, что ей это нужно. Так же, как знал, что может рассчитывать на меня.

Гадая, когда же эта пытка закончится, я пытаюсь сделать глубокий вдох. Воздух обжигает мои легкие, которые кажутся пропитанными влагой. Без ветерка в этих лесах совершенно нечем дышать. Во рту пересохло, а в животе урчит. Если бы я знал, что мы будем так долго гулять, то бы захватил бутылку воды и что-нибудь поесть. Интересно, есть ли у Мавс в сумке какая-нибудь еда?

Вижу просвет между деревьев, и ускоряю шаг, чтобы не потерять Маверик из виду, потому что понятия не имею, что находится по другую сторону этой деревянной тюрьмы, в которой я оказался заперт. Мне требуется пара минут, чтобы наверстать упущенное. Все это время я занимаюсь тем, что репетирую речь в своей голове, и теперь она совершенна. Сначала Мавс получит нагоняй, а потом, если понадобится, я перекину ее через плечо. И мы уберемся отсюда как можно быстрее, пока нас не обнаружили.

Я так злюсь на нее, что меня трясет. Мой рот открыт, и гнев практически готов излиться из него. Но в этот момент...

Именно сейчас, когда моя пропитанная потом футболка прилипает ко мне, словно краска, а от недостатка слюны во рту ощущается сухость, я стою в саване деревьев и просто

смотрю, не в силах произнести ни слова.

Не может этого быть.

Прямо в центре заросшего травой поля находится самое впечатляющее кристально чистое озеро. Оно не такое уж и большое. Я мог бы переплыть его за то же время, которое понадобилось бы, чтобы сделать пару кругов в нашем местном бассейне. Остролистные ивы и высокая трава окружают озеро по краям, придавая этому месту мирную, уединенную атмосферу. До меня доносится кваканье жаб, и я замечаю десятки лилий в дальнем углу. Этот рай кажется неуместным посреди лесной чаши, и все же... Вот он.

Я замечаю рюкзак, который несет Мавс — теперь открытый и небрежно брошенный на землю. Ремни плавают в воде, вызывая небольшую рябь по краю. Но что очаровывает меня больше, чем впечатляющий вид озера, так это сама Маверик.

Она стоит на коленях на огромном плоском валуне, который выступает из воды, всего в двух футах от травянистых берегов. Девочка хихикает и воркует, рискованно наклоняясь над водой и бросая наугад куски хлеба двум прекрасным белым лебедям, которые жадно пожирают предложенную пищу.

Улыбка Маверик настолько широка, что ослепляет. Захватывает дух.

От *нее* самой захватывает дух.

Лебеди, явно партнеры, кружат вокруг нее, ожидая продолжения обеда. Ее смех притягивает их ближе. И я не думаю, что это из-за еды. Мне кажется, все из-за ауры, окружающей девочку. Она словно магнит. Маверик и понятия не имеет, какую энергию излучает и какую власть имеет над людьми. Надо мной. Лебеди рядом с ней, кажется, чувствуют себя комфортно. Как будто знают ее. *Настоящую*. Как и я.

В течение долгих минут я просто смотрю на развернувшуюся сцену. Маверик поет. Разговаривает с ними. Она даже дала им имена. Я никогда не видел ее такой счастливой и расслабленной. Мне четырнадцать, а ей всего одиннадцать. Я знаю, что впереди у меня целая жизнь с моментами, которые не смогу постичь. Но когда стою здесь с горящим взглядом и странным чувством внутри, могу сказать наверняка: не имеет значения, какое количество людей я повстречаю или сколько девушек привлечет мое внимание...

Я всегда буду возвращаться к Маверик. Меня всегда будет тянуть к ней.

Мой лебедь.

Теперь я это понимаю.

Мавс всегда чувствует себя аутсайдером. Она не такая, как ее сестра или какой хотели бы видеть ее родители. Девчонка скорее будет рыбачить и охотиться, чем прикоснется к кукле. Боже, да она своими руками оторвала головы всем Барби Джилли, когда ей было всего шесть, после того, как остригла их почти налысо. Из-за чего, кстати, получила хороший нагоняй. Ей удобнее в рваных джинсах и мешковатых винтажных футболках, чем в дорогой одежде, которую покупает ей мать. Маверик проводила бы каждую минуту на свежем воздухе, если бы могла. Для того, чтобы устроить лагерь, а затем, лежа, рассматривать звезды, ей не нужны ни спальник, ни палатка.

И сейчас, по блеску в глазах девочки, который замечаю даже на расстоянии пятидесяти футов, становится ясно, что Мавс готова рискнуть навлечь на себя гнев старика Райли, потому что находится в своей стихии. Она, наконец-то, нашла единственное место, где просто может быть собой, без всякого осуждения.

Чего Маверик пока не понимает, так это того, что у нее всегда было это место.

И всегда будет.

Со мной.

Глава 8

Десять с половиной месяцев назад

Маверик

— Привет, детка.

— Привет, — бросаю я через плечо.

Сетчатая дверь захлопывается, и Кэл шепчет мне на ухо:

— Тебя ведь съедят здесь живьем.

Его губы мягко касаются моей кожи. Мужчина замирает, словно вдыхает меня после долгого, тяжелого дня, а я — единственный источник, который может облегчить усталость. Позволяю себе сосредоточиться именно на этом чувстве и ни на чем другом, пока Кэл не лишает меня его. Когда он отодвигается от меня, мне становится немного грустно. Хочется вернуть это ощущение.

— Но не всю, — отвечаю я, шлепая насекомое, которое только что присосалось к моему бедру.

В этом году от комаров просто нет спасенья. У нас выпадает двойная норма осадков, вместо обычной, как это бывает весной. На полях неделями стоит вода, что не только задерживает посевы, но и является идеальной питательной средой для комаров размером с кулак. Сельсовет хочет залить самые запущенные местности фосфорорганическим инсектицидом, чтобы попытаться снизить размножение насекомых, но данное решение встречено огромным протестом не только среди фермеров, но и группы матерей, которые «не хотят, чтобы их дети заболели раком через пять лет от химических веществ, которые в конечном итоге окажутся в их питьевой воде».

Я считаю, что все мы умрем рано или поздно, и за то, чтобы залить кровожадных ублюдков химикатами. Хотя бы ради того, чтобы люди могли наслаждаться тем временем, что им отведено. Но, в конце концов, Сельсовет решил отказаться от этой затеи.

Нахожусь на улице всего десять минут и уже получаю с полдюжины укусов.

— Мэри-Лу дала мне на пробу новый органический репеллент, — серьезно, подруга не умолкала, пока я не обмазалась им с головы до ног.

— Правда? — смеется Кэл, когда я прогоняю еще одного летающего кровососущего дьявола. — И как? Помогает?

Вытягиваю шею, чтобы посмотреть на своего мужа, и практически таю от обожания в его взгляде. От чего на глаза набегают слезы. Кэл хватает мою руку и подносит ее к своим губам, на которых все еще играет улыбка. И в этот момент я выдаю:

— Уж лучше вызывающие рак химикаты.

Он громко хохочет, прежде чем поцеловать меня в щеку, объявляя:

— Сегодня к нам в офис заходила твоя мама.

Я издаю стон. Конечно же. Если она не может добиться своего от меня, то идет напрямиком к Кэлу. Я избегаю ее последние две недели. Потому что знаю, чего хочет моя мать, но не могу смириться с этой мыслью.

Прошло три недели с тех пор, как Киллиан навел меня в пекарне. Джилли игнорирует меня, как обычно, за исключением случаев, когда ей что-то нужно. А моя мать? Ну, либо она не чувствует напряжения между нами четыремя, когда мы вместе, либо ей просто все равно. Я бы проголосовала за последнее. Так что семейный ужин в честь маленького манифеста Джилли — последнее, что мне нужно.

— Дай угадаю. «Я пыталась дозвониться до Маверик. Но она как обычно меня игнорирует. Так что я подумала, может, ты сумеешь ее образумить. У тебя всегда получается», — пытаюсь имитировать высокомерный голос своей матери.

Кэл присаживается рядом со мной. Он все еще одет в костюм, а галстук болтается на шее. Должно быть, мой муж умирает от жары.

— Прекрасно описывает итог нашей беседы.

Я молчу. Мое внимание привлекает легкая вспышка желтого света во дворе. К тому времени, как я обращаю на нее внимание, она уже исчезает. Но затем появляется снова, чуть левее.

Светлячки.

Обожаю светлячков. В детстве я ловила их сразу по несколько штук. Но отпускала на следующий день, чувствуя себя плохо от того, что они медленно погибают.

— Ты не можешь игнорировать ее вечно, Мавс. Нам нужно сходить.

— Не хочу, — с губ практически слетает «блядь», но я вовремя замолкаю, иначе буду выглядеть избалованным ребенком.

— Для твоей мамы это важно, Лебедь, — отвечает мой муж.

Продолжаю наблюдать за светлячками, которые манят своим брачным «зовом» остальных, прежде чем ответить.

Вивиан ДеСото достигла своей цели.

Я сдаюсь. На ее стороне Кэл, а я не хочу его разочаровывать. Последние несколько недель у нас были отличные отношения. Я чувствую, что впервые *действительно* пытаюсь все исправить.

— И когда же?

— В воскресенье.

Поворачиваю голову в его сторону и мягко улыбаюсь. И все же меня что-то тревожит. Не думаю, что готова снова увидеть Киллиана. Мне нужно больше времени. Этот «трос» настолько толстый, что мне требуется топор, чтобы разрубить его. Возможно, стоит переехать в Техас.

— Ладно. Если ты этого хочешь.

— Думаю, все пройдет неплохо.

— Неплохо? — морщу лицо. Ужин с моей семьей — полная тому противоположность. Мне придется слушать, как мой отец бормочет о том, что я могу когда-нибудь возглавить ДСК, если решу вернуться. Но он будет действовать хитрее моей матери, которая просто скажет, что я достойна лучшего, чем целый день печь хлеб. А еще мне придется притворяться, что я счастлива за свою сестру, хотя все совсем не так.

— Ну, ладно. Терпимо. Они хотят пригласить моих родителей.

— Seriously, — в моем голосе слышится утверждение, хотя, скорее всего, это вопрос. ДеСото и Шепарды когда-то являлись неразлучным дуэтом. Они работали вместе. Отдыхали. Проводили вчетвером все выходные. Наши матери всегда являлись постоянными прихожанками церкви и входили в состав стольких комитетов, что я теряю им счет.

Но когда пару лет назад Арни Шепард ушел на пенсию, наши семьи словно отдалились друг от друга. Арни и Айлиш Шепард начали проводить по полгода во Флориде, а когда возвращались в Айову, то казалось, что у них всегда появлялись другие дела. Мне было жаль моих родителей. Они словно потеряли лучших друзей, с которыми дружили тридцать лет.

— Не знала, что твои родители вернулись.

— Они возвращаются в субботу, — мой муж выглядит счастливым.

В каждой семье есть свои проблемы. И Шепарды не исключение. Последние несколько лет у Кэла с отцом напряжённые отношения, хотя он никогда не обсуждает этот момент. Зато Кэл любит свою мать, да так, как ни один мужчина на свете. Он ненавидит, когда она надолго уезжает.

— Хорошо. С нетерпением жду встречи с ними.

Я всегда чувствую себя гораздо более комфортно с родителями Кэла, чем со своими собственными. Айлиш, нахальная рыжеволосая ирландка, любит меня как дочь. Она принимает меня такой, какая я есть, и спокойно относится к моей профессии. И обязательно позвонит мне на следующей неделе. Мать моего мужа будет настаивать на том, чтобы я принесла ей целую коробку эклеров и круассанов. Затем она приготовит свою знаменитую солонину, горку ирландских картофельных оладий, и мы обе сядем в беседке обедаться углеводами. Моя собственная мать не притрагивается к ним уже двенадцать лет.

— Сама позвонишь ей, или мне набрать?

Делаю глубокий вдох, ощущая, как наполняются воздухом легкие. Затем неторопливо выдыхаю.

— Сама. Как раз к воскресенью закончу драть на себе волосы.

Кэл снова смеется.

Когда убиваю еще одного комара, он задает вопрос:

— Хочешь, возьму спрей от насекомых и пару бутылок пива?

— Звучит здорово.

Через пять минут мужчина возвращается на заднее крыльцо, одетый лишь в мешковатые черные шорты. В одной руке у него две бутылки «Michelob Ultra», а в другой — спрей от насекомых.

Кэл ставит бутылки на выбеленный деревянный стол между двумя креслами Адирондак, но не открывает их. Вместо этого мужчина начинает распылять на себя репеллент, медленно окутывающий туманом его руки, прежде чем переходит к остальному телу. Я откидываюсь на спинку кресла и смотрю, как мой муж щедро покрывает свой торс, прежде чем спуститься вниз, к бедрам.

Кэл похож на Киллиана во многих отношениях, но я понимаю, что это лишь поверхностный взгляд. У обоих одинаковый квадратный подбородок и точеные скулы. Цвет их глаз отличается всего на один-два оттенка. У Кэла он светлее, а вот цвет волос — точная копия. Мой муж на пару дюймов выше Киллиана. У него худощавое телосложение, в то время, как Киллиан немного более мускулистый.

Но если Киллиан действует безжалостно, то Кэл сострадателен. Мой муж общительный, а Киллиан более сдержанный. Его темперамент вспыльчивый, в отличие от жизнерадостного характера Кэла. И если Киллиан привык действовать как эгоист, Кэл готов на все ради меня.

Вспоминаю тот день, когда он последовал за мной к моему озеру. Ну, на самом деле к озеру старика Райли, но я быстро привыкла считать его своим. У нас со стариной Райли возникло взаимопонимание. Он не был чудовищем, каким все его считали. Просто одиноким стариком, чья жена умерла десять лет назад.

Когда однажды я наткнулась на него в лесу, то чуть не задохнулась от ужаса. Райли склонился над скулящим животным, и на долю секунды мне показалось, что все слухи о нем — правда. Я была уверена, что умру вместе с животным, которое мучил старик. Но потом наши взгляды встретились, и я поняла, что ничему нельзя верить. Мужчина жестом

попросил меня помочь ему освободить рыжего лисенка, попавшего в охотничий капкан браконьеров.

Оказалось, что старик Райли, или Уильям, как он просил меня называть его, был странным, но милым человеком, который любил животных так же, как и я. Он забрал того лисенка к себе домой и выхаживал его, прежде чем отпустить на волю. Затем мужчина показал мне свое озеро. Сказал, что кроме Лилли, его покойной жены, я стала единственной, кто знал об этом месте, хотя это оказалось не совсем правдой.

В тот день, когда Кэл выследил меня, он посчитал, что двигался незаметно и осторожно. Но на самом деле, я заметила его еще за сараем. И уже думала о том, чтобы попытаться от него улизнуть. Хотя рано или поздно Кэл все равно бы узнал.

Я смеялась про себя всю дорогу. Треск стоял такой, словно за мной гналось стадо слонов. Он испугал бы и глухого. Когда мы добрались до озера, Кэл спрятался в кустах, наблюдая за мной оттуда. Он так и не вышел. Просто терпеливо ждал, когда я соберусь уходить, а потом последовал за мной обратно. Мой друг никогда не упоминал тот день. Но каждый раз, когда я приходила к озеру, то ощущала, что Кэл где-то там... Следует за мной... Защищает меня. Словно парень знал, что я не готова поделиться с ним своей тайной. Он спокойно принял мое решение, и я очень это ценила.

А следующим летом я сломала ногу, когда каталась на велосипеде.

Я не была прикована к постели, но уж точно не могла тащиться всю милю, чтобы добраться до своего личного рая. У меня постоянно текли слезы, но все считали, что мне просто больно. Так и было, но я испытывала боль не в ноге, а в сердце. И только Кэл знал истинную причину.

Шарлотта отложила яйца. Целых девять. И птенцы должны были вылупиться как раз в то время, когда со мной случился несчастный случай.

Кэл не произнес ни слова. Но через два дня он вернулся с фотографиями. Даже не спрашивая, парень каждый день ходил к моему озеру, чтобы проверить яйца и рассказать, как там дела. Вместе со стариком Райли они построили ограждение вокруг гнезда, в попытке защитить птенцов, когда те были наиболее уязвимы для хищников. В конце концов, выжили только двое из девяти. Но не думаю, что даже эти двое смогли бы уцелеть, если бы за ними не присматривал Кэл.

Все эти годы он проявлял бескорыстие бесчисленное количество раз. И похоже, я стала принимать его отношение ко мне, как должное. Кэл Шепард любит меня — *любил*, как никто другой. Даже Киллиан. *Особенно* Киллиан.

Я просто никогда не обращала на него внимания, потому что меня всегда ослепляла аура его брата.

Наблюдаю за тем, как Кэл пытается нанести репеллент на заднюю часть ног, понимая, что должна предложить свою помощь, но не произношу ни слова. Просто застываю на месте, разинув рот от его грубоватой мужественности. Я восхищаюсь тем, с какой грацией он двигается, как тугие мышцы проступают под загорелой кожей. Ощущаю, как мой рот наполняется влагой. Не думаю, что это от пива.

И тогда делаю то, что должна была сделать давным-давно. С самого первого раза, когда восемь месяцев назад согласилась на «настоящее» свидание с Кэлом Шепардом.

Я, наконец-то, решаюсь посмотреть на него не через призму друга, а как женщина.

А когда делаю это, то открываю дверь, которую шесть лет закрывал другой мужчина, глядя на своего мужа через совершенно новый фильтр. И то, что я вижу, поражает меня.

Сбивает с ног.

Мое тело внезапно ощущает слабость и нужду.

А внизу живота начинает гореть, и не потому, что сегодня почти тридцать два градуса.

Все из-за Кэла.

Мне кажется, я впервые смотрю на своего мужа, как на непревзойденного представителя мужского пола, коим он и является.

Кэл прекрасен. Прекрасен до такой степени, что хочется упасть перед ним на колени. Его тело не рельефно, как у тех парней, которых вы видите в журналах о спорте. Бедрa у Кэла мощные, но стройные. А кожа хранит здоровый блеск летних лучей. У него нет шести кубиков пресса, о которых пишут романисты. Однако он четко очерчен, и легко угадываются мышцы, что находятся прямо под напряженной плотью.

Видно, как скручивается его торс, и двигается бицепс, когда мужчина поднимает руку над головой, пытаюсь достать до спины. Наверное, я издаю какой-то звук, потому что Кэл внезапно обращает на меня внимание. Его улыбка становится все шире и шире, чем дальше он смотрит.

— Что? — словно задыхаясь, спрашиваю я его.

Из меня вырывается смешок. Он больше похож на сексуальный рокот мотоцикла, ревущего вдалеке.

— Мне нравится, как ты смотришь на меня, Лебедь.

Мое прозвище. Черт возьми, с каждым разом оно звучит все более сексуально. Потому что Кэл произносит его так, словно хочет уложить меня в постель.

— Да? И как же? — откидываю голову назад и кладу ее на спинку кресла. Затем поднимаю ноги, скрещивая их по-индийски. На мне одет сарафан, и нынешнее положение ног открывает прекрасный вид на мои трусики. Они обычные. Безобидное нижнее белье, но, судя по грозovým тучам во взгляде Кэла, можно подумать, будто я надела кружевные трусики без промежности. Ощущаю, как выражение его глаз обжигает меня все сильнее и сильнее. Думаю, он тоже замечает реакцию моего тела, потому что его взгляд медленно скользит по мне, словно мужчина вышел на воскресную прогулку и наслаждается видом природы.

Он останавливается. Задерживается на моей груди. Сердце колотится. Грудь начинает ныть. Мои сверхчувствительные соски трутся о тонкий хлопковый материал. Клянусь, что чувствую каждую отдельную нить. Я облизываю пересохшие губы. Кэл замечает мое движение и тяжело сглатывает. Его кадык пару раз подпрыгивает вверх и вниз.

Как же я раньше всего этого не замечала?

Когда наши глаза, наконец, снова встречаются, что-то *другое* — новое вспыхивает между нами. Если бы я не ощущала жар его желания в десяти футах, разделяющих нас, то наверняка бы заметила «палатку на шесть человек», которая сейчас разбита в его шортах.

— Так как же я на тебя смотрю? — снова подсказываю я, целеустремленно опуская глаза к твердости, которая, похоже, овладевает всем моим вниманием.

Звук металлического баллона, бьющегося о деревянные балки под ногами Кэла, даже не пугает меня. Мужчина шагает — нет, *двигается* с грацией ягуара туда, где нахожусь я. Отчаянно его желая. Широко расставляя ноги, Кэл наклоняется и упирается коленями в мое кресло. Затем кладет ладони на подлокотники, опускает голову, пока его нос не оказывается рядом с моим. Напрягаю глаза, чтобы держать Кэла в фокусе, насколько он близко.

— Именно таким я мечтал видеть твой взгляд на меня всю свою жизнь, Маверик.

О Боги.

По всему телу распространяется озноб.

— И каким же? — хрипло отзываюсь я, извиваясь под его пристальным взглядом и сгорая от похоти.

Мятный запах его дыхания омывает меня желанием, прежде чем я слышу хриплые слова моего мужа.

— Голодным взглядом.

Боже.

Я не просто голодна. Я умираю с голоду. Словно готова съесть лошадь, настолько сильно желаю своего мужа. Это незнакомое, но пьянящее чувство.

И я не хочу, чтобы оно исчезло.

Протягиваю руку и позволяю пальцам пройти по его эрекции. Только один раз. Медленно. От основания до вершины. Резкий вдох Кэла заставляет меня вздрогнуть. Взгляд его чуть приоткрытых глаз обжигает меня в равной степени любовью и вожделием. Я еще не занималась с ним оральным сексом. Кэл слишком порядочен, чтобы просить меня об этом, а я все еще с головой погружена в мутные воды отрицания.

Мужчина поощряет меня своим молчанием, но в то же время дает мне возможность отступить, если это то, чего я хочу. Как и всегда, Кэл оставляет решение за мной.

Но этим вечером я хочу отдать ему все, что он дарит мне безвозмездно.

Себя.

Прикрываю глаза и хватаю своего мужа за бедро. Большой палец моей руки оказывается рядом с пахом мужчины. Я сдвигаю его на полдюйма, и с губ Кэла с шипением срывается мое имя. Удерживая контроль, провожу рукой по коже, пока не чувствую липкость его плоти. Кэл весь вспотел. Я даже не замечаю насекомых, которые пируют мной. Потому что жажду своей трапезы.

Пробираюсь рукой под шорты мужа, пока призыв, за которым я гонюсь, не оказывается в пределах досягаемости. И тут же замираю.

Бог ты мой.

Губы Кэла раскрываются.

Когда мужчина, наконец, говорит, в его голосе слышится гравий.

— Не останавливайся.

Звучит как приказ, но это не так. Кэл умоляет, хотя такое не в его характере.

И мне это нравится.

— А что насчет соседей? — дразню я его. Наш дом находится в черте города. Участок больше, чем у большинства, а старые клены и ясени, стоящие по обе стороны, дарят нам определенное уединение. Но если Хелена Уинтерс, восьмидесятидвухлетняя вдова, живущая от нас по правую сторону, решит подрезать клумбу, примыкающую к нашей забору, то может подсмотреть через щель. Одна из реек сломана. Женщина уже не в первый раз следит за нами.

На губах моего мужа играет хитрое выражение.

— Думаю, Хелене не помешало бы взять пару уроков, раз уж ей нравится шпионить.

Обхватываю рукой его массивную эрекцию и сжимаю ее, наблюдая, как Кэл задыхается.

Я смеюсь.

— Не могу не согласиться.

Теперь мужчина выпрямляется во весь рост. Мое лицо почти на одном уровне с его пахом. Вместо того, чтобы стянуть с него шорты, я поднимаю ткань с одной стороны и

прижимаю к его талии. Из-за чего напряженная длина вырывается на свободу. Кэл удерживает материал пальцами, чтобы тот не мешал мне. Провожу рукой по стальному стержню с бархатистой кожей и сжимаю основание.

Время словно замирает.

Делаю короткий вдох. По какой-то причине я нервничаю.

Выражение глаз моего мужа говорит само за себя.

Ну же, сделай это. Пожалуйста.

Мне этого достаточно.

Позволяю своему взгляду пройти по эрекции, а затем обхватываю ее рукой. Из меня вырывается стон. Его плоть словно наркотик. Опьяняющая. Тяжелая. Влажная. Провожу большим пальцем по сливочным каплям, уже собирающимся на кончике, и кружу им по вершине. Кэл откидывает голову назад с долгим, умоляющим стоном.

Затем я наклоняюсь вперед. Мой нос атакует запах химикатов, смешанный с чистым мужским ароматом. Открываю рот и смыкаю губы на плоти. А затем кружу по ней языком. Кэл закатывает глаза и кладет руку мне на голову, пропуская пряди моих волос сквозь пальцы и сжимая их в беспорядочный пучок. Я вбираю головку все глубже, и до меня доносятся ругательства моего мужа.

Повторяю движение снова, на этот раз слегка сжимая рукой яички. Я осторожно перекачиваю их между пальцами... Затем убеждаюсь, что мои губы надежно прикрывают зубы, когда скольжу ими по всей длине.

Кончиком языка кружу по отверстию на его головке, издавая стон, когда на мои рецепторы обрушивается еще более соленый вкус. Я ощущаю пульсацию его плоти. И когда двигаю рукой, то слегка подкручиваю ладонь. Кэл тянет меня за волосы, но эта боль приносит невероятные ощущения.

Я настолько влажная, что, скорее всего, на кресле останется пятно. Моя челюсть уже болит, настолько у Кэла крупный член. Пульсация между бедер ощущается как барабанный бой в такт с моим собственным сердцебиением.

Мужчина скользит пальцем по моему подбородку и мягко тянет вверх, так, что наши взгляды встречаются. Ему нужна эта связь. Возможно, даже жизненно необходима.

И меня это устраивает.

Я вижу, как он смотрит на меня.

Мне нравится его взгляд. Даже больше, чем раньше.

— *Продолжай,* — безмолвно призывает Кэл.

— *Ничто меня не остановит,* — спокойно передаю я.

— Мне нравится видеть тебя с моим членом во рту, Лебедь. Впечатляющее зрелище. Мне кажется, я сплю, — его последние слова вызывают такую грусть, что мне хочется плакать. Я сделаю все, чтобы Кэлу было хорошо. Чтобы он чувствовал себя любимым.

Начинаю двигать ртом быстрее. Я сосу до тех пор, пока мои щеки не впадают. Пока не чувствую, как его плоть набухает. Пока не осознаю, что Кэл близок к разрядке. А потом он забирает контроль, набирая темп, и я позволяю ему это. Кэл трахает мой рот так, будто владеет мной. В данный момент так и есть. Я полностью принадлежу ему.

— О, черт, да. Вот так.

Кэл совсем близко и пытается вырваться. Но я не позволяю. Вместо этого провожу свободной рукой по его спине и удерживаю, прижимая к себе. Он читает знаки, которые я подаю ему, поэтому расслабляется.

Еще один неконтролируемый толчок так глубоко, что я почти задыхаюсь, и с тихим стоном Кэл кончает. Он изливается мне в горло. Я сглатываю. Снова и снова. До тех пор, пока не поглощаю каждую каплю, а его стоны не затихают.

После того, как мужчина содрогается в последний раз, я выпускаю плоть изо рта с тихим хлопком, желая продолжения. Ткань шорт спадает вниз, но до сих пор топорщится, потому что эрекция еще не совсем ослабла.

Я двигаю челюстью вперед и назад, пытаюсь ослабить дискомфорт. Хочется протянуть руку и облегчить свое состояние, но я даже не пытаюсь. Потому что этот момент принадлежит Кэлу, который сейчас склоняется надо мной. Тяжело вздыхая, он упирается лбом в предплечье, прислоненное к новому сайдингу, который мы установили за две недели до свадьбы. Я откидываю голову назад и смотрю на своего мужа с легкой улыбкой на лице. Той, на которую он сразу же отвечает своей.

Кэл наклоняется, чтобы погладить меня по щеке. Его ласка как шелк. Чистое обожание. Тот факт, что рука Кэла слегка подрагивает, вызывает у меня еще более широкую улыбку. Мое сердце отзывается нежностью.

— Мне кажется, я слышала шорох в кустах вон оттуда, — говорю я ему.

Не уверена, так ли это, потому что чувствую легкое головокружение. Ощущение, словно стою на улице посреди грозы.

Я только что боготворила своего мужа всем своим существом, но что более важно... Мне ни разу не пришли в голову мысли о Киллиане. Такое случается впервые за последние шесть месяцев, что мы с Кэлом близки. Приятно видеть, как сквозь пелену тьмы, в которую я погружена, пробивается лучик света. Словно вдох чистого глотка воздуха, который не испорчен пагубным влиянием Киллиана.

— Правда слышала? — смех Кэла все еще хриплый. От чего моя кровь наполняется силой. И я чувствую себя способной на все.

— Похоже, мы устроили ей отличное шоу.

Кэл переводит взгляд на забор, потом снова на меня. Его ухмылка убивает меня.

— Думаю я не против устраивать такое шоу почаще.

— Правда?

— Еще бы, — отвечает он мне мягко, придя в себя.

— Значит мы его устроим, — обещаю я. Мое душевное состояние совпадает с настроением Кэла.

Сделав шаг назад, он протягивает руку ладонью вверх.

— Пойдем.

— Куда? — спрашиваю я, хватаясь за нее.

Кэл помогает мне подняться, прижимая к себе.

— В душ. Затем нанесем спрей от укусов на твое тело.

— Ладно, — почему его слова вызывают у меня легкое разочарование?

— А потом, — шепчет Кэл мне в распухшие губы, — я проведу весь вечер, занимаясь любовью со своей невероятно сексуальной женой.

Я снова улыбаюсь.

— Разве ты не голоден? — Кэл все еще работает на моего отца. Пару лет назад он был назначен советником. Иногда мой муж проводит на работе долгие, изнурительные часы. Сейчас почти половина девятого, а Кэл появляется дома всего полчаса назад. Сомневаюсь, что он успеваешь поесть.

— Ужасно, Лебедь, — мой муж поигрывает бровями, вызывая у меня смешок. Затем подхватывает на руки, и я визжу во все горло, осознавая, что для нас это новое начало.

Глава 9

Настоящее

Маверик

— Вот, — игнорирую протянутую мне чашку кофе. — Маверик, тебе нужно, чтобы хоть что-то было в желудке, — умоляет Арни Шепард. Он тоже не в духе, как и все мы, однако я сомневаюсь, что мужчина имеет на это право.

— Во мне сейчас точно ничего не задержится.

— С ним все будет хорошо.

Меня раздражает этот самоуверенный тон. К тому же надоело слышать шаблонные фразы. Правда в том... Что никто из нас не знает, что происходит за закрытыми дверями операционной. Нам не известен опыт врачей, которые пытаются спасти ему жизнь.

Мы ни хрена не знаем. И чем дольше ждем, тем больше негатива появляется в наших мыслях.

Мои, например, хуже некуда.

— Все так говорят.

Не отрываю взгляда от ковра подо мной. Интересно, сколько океанов заполнили впитавшиеся в него слезы, если бы можно было отделить их от волокон боли, которые поглотили влагу.

Держу пари, что много.

Наверняка они затопят весь мир.

Мой взгляд скользит мимо Арни к насмешливому циферблату настенных часов.

7:03

Я смотрю, как тикают секунды, оставляя за собой смятую надежду и неуверенность в будущем.

Восемь часов.

Прошло восемь долгих и мучительных часов.

Четыреста восемьдесят невыносимых минут.

Лишь час назад нам, наконец-то, сказали хоть что-то.

Он все еще в операционной. Как только будут известны подробности, мы обязательно сообщим.

Грузная медсестра выдает нам новость, которая ничего не дает. Ее голос был пронизан сочувствием, граничащим с опытом. Как видно, женщина познала немало скорби, что делает ее нечувствительной к боли других.

Я спрашиваю медсестру о том, сколько обычно времени занимает подобная операция.

Извините. Я ничего не знаю.

Лживая сука.

Она точно что-то знает. Просто не хочет говорить. Отсрочка боли не облегчит исход. Лишь продолжит удерживать на острие ножа, которое с каждым вдохом будет вонзаться все глубже. В любом случае, конечный результат один и тот же. Ты разваливаешься на части. Просто первый вариант является более медленным процессом, чем второй.

— Ты должна сохранять веру, дорогая, — смиренно произносит Арни.

Не уверена, кого он пытается убедить: меня или себя. Я слышу его горестный вздох. А затем мужчина исчезает, снова оставляя меня одну.

Отлично.

Именно этого я и хотела.

Мне не нужен комфорт.

Я заслуживаю его не больше, чем все остальные. У каждого из нас есть свой крест на плечах, и доля в событиях, которые происходят. Все мы играем свои роли, просто некоторые в большей степени.

Чувство вины за то, что я хотела отказаться от нашей связи, настолько удушает, что у меня нет сил вынести его огромный вес. Оно убивает.

Я смотрю в коридор — туда, где исчезла медсестра, и думаю: жив ли он? Борется ли за жизнь? Может быть, он уже мертв, а врачи лишь медлят, пытаюсь найти слова, которые, как им кажется, успокоят нас. Однако это невозможно. Зачем вообще пытаться?

Я встаю и, не глядя ни на кого, выхожу из помещения. Оно похоже на гроб, крышка которого медленно закрывается.

Иду быстрее, игнорируя звуки своего имени, которое слышится снова и снова.

Мне нужен воздух. Или что-то другое. Что угодно, лишь бы почувствовать отчаяние.

Я останавливаюсь у кофеварки и смотрю на перечисленный выбор. Замираю на некоторое время и отвлекаюсь, когда кто-то похлопывает меня по плечу.

— Извините. Я могу я вам чем-то помочь? — спрашивает добрый женский голос.

Чудом?

— Не уверена, — вежливо отвечаю я, не глядя на женщину.

— Вот, — произносит она, бросая в щель монету. Затем нажимает пару кнопок и через несколько секунд открывает диспенсер. — Держите, — женщина протягивает мне бумажный стаканчик.

Здесь жарко.

Я смотрю вниз.

Жидкость пахнет приторно и слегка горелым. Она напоминает мне о нем.

Я отхожу, даже не уверенная в том, что поблагодарила незнакомку.

Надеюсь, что так.

Затем делаю один глоток. Он горький и ощущается пеплом у меня во рту. Замерзает внутри, а потом встречает свой конец в мусорном баке, мимо которого я прохожу.

Продолжаю бесцельно бродить по стерильным коридорам. Как долго? Не знаю. Но чем дальше углубляюсь в чрево больницы, тем больше нежелательных прихлебателей собираю.

Запах антисептика раздражает слизистую носа. Стоны агонии отзываются в моих ушах. Обреченность хлюпает под ногами. Она впитывается в мои ботинки, окрашивая носки в черный цвет.

Энергетика этого места печальна и носит смертельный покой, хотя повсюду кипит лихорадочная деятельность.

Каким-то образом я оказываюсь в часовне. Даже не знаю, где она находится, на каком этаже, и как я сюда попала.

Часовня пуста.

Чему я очень рада.

Падаю на жесткую скамью в тускло освещенной комнате, где до меня бесчисленное множество людей молились, умоляли и пытались обменять свои жизни на чьи-то еще.

Я не повторяю их действия, потому что уже молилась ранее, пока мой разум не опустел. Умоляю, пока моя душа не высыхает. Бог и так уже знает, что я готова променять все, что

угодно на *его* жизнь. В том числе и свою.

Поэтому просто смотрю, как мерцают свечи, и предаюсь воспоминаниям.

Мысленно поворачиваю время вспять и вспоминаю, какой счастливой я была когда-то. Все начинается с него. И закончится вместе с ним, если он уйдет.

Я улыбаюсь и снова пускаю слезу, когда представляю его любящие карие глаза.

Глава 10

Десять месяцев назад

Маверик

Воздух наполнен глухими басами AC/DC «Back in Black», и мое сердце бьется в такт этому ритму. Я позволяю ему скользить по своей коже. Теряюсь в нем.

Сегодня в заведении «У Пеппи» вечер караоке. Предполагается, что он будет проходить раз в месяц по пятницам, но каким-то образом мероприятие стало проводиться чуть ли не каждую неделю. Похоже, благодаря Кэлу, караоке становится популярным.

— Что будешь, пиво или ром? — шепчет мне на ухо Кэл, и по моему телу проходит дрожь вожделения. Я чувствую его понимающую улыбку на своей щеке. Одной рукой он скользит вверх по моей талии сбоку. Затем перемещает большой палец прямо под холмик моей груди. И теперь я практически дрожу, отчего Кэл посмеивается, приглушенно и сексуально.

С прошлой недели наши отношения изменились. Пусть, мы занимались сексом не так уж и часто, однако он оказался лучшим из всех, что у нас был после того, как я сделала минет Кэлу на заднем крыльце. Наш секс был грубым и грязным в душе, а затем стал нежным и чувственным в спальне. Кэл выполнил свое обещание заниматься любовью всю ночь напролет, так что четыре часа утра наступили незаметно. И похоже, наша соседка все же заметила наше маленькое шоу, потому что с тех пор ни разу не посмотрела мне в глаза и двигалась намного быстрее, чем любая восьмидесятилетняя старуха с больным бедром, когда мы встретились у почтового ящика. Хелена явно пыталась избежать нашей встречи.

— Солодовую шипучку, — отвечаю я Кэлу с ухмылкой. Этим вечером мне хочется сохранить голову ясной в надежде на повторение того вечера. Некоторые говорят, что алкоголь раскрепощает, я же считаю, что он притупляет ощущения. Хочу чувствовать каждый медленный толчок, поймать великолепную волну и позволить ей обрушиться на меня, наслаждаться быстрым приливом эйфории, который гораздо труднее достичь, когда в тебе слишком большое количество алкоголя. Я хочу наслаждаться любовью со своим мужем, а не просто быть вынужденной спать с ним, как поступала с первого дня нашего брака.

— Значит будет тебе солодовая шипучка, Лебедь, — Кэл слегка приподнимает уголок губы в улыбке в ответ на нашу шутку, когда отходит от меня.

— Ох уж эти ваши странные словечки.

Я просто пожимаю плечами, не отрывая взгляда от спины мужа.

Когда мне было шесть, он украл бутылку «Bud» из гаражного холодильника своего отца и обманом заставил меня ее выпить. Кэл сказал, что это «солодовая шипучка». Видите ли, в чем дело... Мне очень нравилась содовая. Но мои родители не покупали ее, так как «от нее портятся зубы». Вообще-то я не была наивной, даже в шесть лет, однако Кэлу известно, как я падаю на содовую.

Шутка все же не сошла ему с рук. Потому что лицо мальчишки оказалось все в пиве, а остальная часть «солодовой шипучки» впиталась в лесной покров.

— Выглядишь счастливой, Мавс. Как и Кэл, если уж на то пошло. «Счастье-так-и-прет-

из-меня» — вот настолько вы оба выглядите счастливыми.

Отрываю взгляд от шикарного зада своего мужа, который, по моему скромному мнению, идеально облегают темные джинсы, только тогда, когда Мэри-Лу подносит свой палец к моему подбородку и поднимает его, таким образом закрывая мой рот.

Затем подруга усмехается. Как и я. Кажется, улыбка достигает моих глаз, проникая прямо в душу.

— Так и есть, — я поворачиваюсь к Мэри-Лу, просовывая правую ногу под левое бедро, и использую эти несколько минут, чтобы выплеснуть свои эмоции, на всякий случай посматривая за Кэлом и Ларри. — Впрочем, некоторые дни тяжелее других.

Уголки губ Мэри-Лу расплываются в грустной улыбке.

— Как, например, понедельник?

— Да, как понедельник, — в прошлый понедельник Киллиану исполнился тридцать один год. Но я не позвонила, чтобы поздравить. Даже не написала смс и не поздравила в Facebook. Я притворилась, будто это обычный день в Дасти Фалл. За что метафорически похлопала себя по спине, однако промучилась всю ночь из-за этого решения, гадая, не обидела ли я Киллиана. Неужели он считает, что я веду себя по-детски? Но разве меня волнует его мнение? Я ненавижу себя за то, что ответ оказывается утвердительным.

— Наверное, такие дни еще будут.

— Пожалуй. Но скажу честно: я чувствую, будто, наконец-то, делаю крошечные шаги вперед, а не просто топчусь на месте. По крайней мере, хотя бы так.

— Дюйм есть дюйм, Маверик. Пока движешься вперед, ты движешься в правильном направлении.

— Я чувствую, что оболочка Киллиана вокруг меня, наконец-то, треснула. И чем больше трещин расходится, тем больше места появляется для Кэла. Он постепенно проникает в мое сердце, — *в том смысле, в каком должен ощущаться муж*, чуть ли не добавляю я.

Оглядываюсь и вижу, что Кэл наблюдает за мной. Он выглядит напряженным. Как будто знает, о чем мы говорим. Мне хочется поднять руку и потереть ноющую от боли грудь. Чего я, конечно же, не делаю. Вместо этого позволяю уголкам своих губ ободряюще приподняться. И Кэл отвечает мне тем же.

— Я очень рада, — говорит Мэри-Лу.

— Как и я, — бормочу ей в ответ, потому что так и есть.

Наш разговор переходит к обсуждению меню пекарни, когда парни возвращаются с бокалами в каждой руке. Они ставят их на стол, и я вижу, что у Мэри-Лу прозрачный напиток. Никаких пузырьков, не как обычно. Затем я замечаю, что подруга нашла что-то чрезвычайно увлекательное в поверхности столика.

— Эй, — говорю я, когда Кэл проскальзывает за столик и садится рядом, обнимая меня за плечи. Я поворачиваю голову, желая поцелуя, который он тут же оставляет на моей щеке. — Эй, — снова повторяю я, на этот раз чуть громче. Мэри-Лу все так же не поднимает глаз, и я пинаю ее ногой под столом.

— Ай, — подруга наклоняется, чтобы потереть голень, при этом уставившись на меня злобным взглядом.

Отлично. По крайней мере, мне удастся привлечь ее внимание.

— Это что такое? — указываю я на ее стакан.

— О чем ты?

Я тянусь к ее напитку, но Мэри-Лу оказывается быстрее. Она хватается за стакан и

отдергивает руку назад, расплескивая при этом жидкость. Теперь подруга думает, что одержала надо мной верх. Я замечаю это по ее самодовольной ухмылке. Но ей следовало бы знать меня получше.

Потому что я провожу пальцем по каплям на столе и засовываю его в рот.

Это отвратительно. Я в курсе. Кто знает, насколько хорошо протерты эти столы, к тому же в таком уединенном уголке бара могли происходить гораздо более неприятные вещи. Хотя, знаете... В моем рту имели место быть вещи и похуже.

— Ненормальная, — упрекает меня Мэри-Лу. — Ты хоть представляешь, чьи микробы ты только что засунула себе в рот? Я слышала, что в прошлые выходные Эндрю Болджер трахал Холли Браммер именно на этом столе. Она кончила прямо тут.

Кэл с Ларри начинают смеяться. Но я игнорирую отвлекающий маневр подруги. Если бы это было правдой, она выбрала бы другой столик. Тем не менее, через минуту я обязательно схожу в туалет и воспользуюсь бесплатным ополаскивателем для рта.

— Ты пьешь воду. Почему?

Не то, чтобы меня заботило, что Мэри-Лу решила выпить воды. Я не собираюсь напиваться до бесчувствия, даже если двухдневное похмелье будет хорошим предлогом для того, чтобы не прийти на воскресный семейный завтрак. Так что мне не нужен собутыльник. Но Мэри-Лу может перебить любого мужчину за нашим столом. И тот факт, что она пьет воду, весьма подозрителен.

— Ты беременна? — спрашиваю я, будучи слегка ошарашенной. Это единственная причина, по которой Мэри-Лу станет пить воду. Почему она не сказала мне, что беременна?

Я замечаю, что Ларри отводит взгляд. И от этого мне становится еще хуже.

— Нет, — быстро отвечает Мэри-Лу. — Но мы продолжаем попытаться дальше, — протянув руку через стол, она соединяет наши пальцы. Я позволяю ей это, даже если хочу отстраниться, чтобы причинить Мэри-Лу такую же боль, как и она мне сейчас. То, что моя лучшая подруга скрывает от меня что-то настолько важное, жжет сильнее, чем я могу выразить словами.

Да уж.

Сначала Джилли. А теперь и Мэри-Лу.

Я чувствую себя так, словно жизнь проходит мимо меня. Мужчины. Любовь. А теперь еще и младенцы. Глядя на всеобщее счастье, я начинаю задыхаться.

Кэл сжимает мое плечо. Он знает, что я расстроена.

— Эй, Ларри, как насчет игры в дартс?

Но невежественный засранец отказывается.

Кэл выскальзывает из кабинки, хватая стакан Ларри и уходит. Он знает, что Ларри будет следовать за ним, как ищейка, когда дело касается алкоголя.

Мужчины уходят, я задаю вопрос:

— Почему ты ничего мне не сказала? — не могу сдержать обиду от того, как ранят меня эти слова. Но все же стараюсь. На самом деле стараюсь.

Мэри-Лу лишь смотрит на меня в ответ, пока мой мозг, наконец-то, не начинает работать.

Ах.

Понятно.

— Ты могла бы сказать мне, — твердо говорю я ей. — Мы ведь делим с тобой все.

И я имею в виду абсолютно все. От совместного обучения использованию тампонов до

практики французских поцелуев друг на друге, когда нам было по десять лет, и мы влюбились на одного и того же мальчика. Во всем округе не было ни одной девчонки, которая не влюбилась бы в Киллиана Шепарда.

— Прости. Нужно было так и сделать. Просто ты через многое прошла, и мне не хотелось добавлять проблем.

— А стоило бы, Мэри-Лу. Мы ведь лучшие подруги. Не желаю, чтобы ты чувствовала, будто я не стану радоваться за тебя только потому, что в моей жизни не так уж много места для радости. А я очень за тебя рада.

— Я все понимаю, — раскаивается подруга. — Но, по большей части, я была просто напугана. Казалось, если начну рассказывать о беременности, то это будет давить на меня и...

Ей больше ничего не нужно говорить. Мэри-Лу забеременела сразу, как только вышла замуж. На сроке пять месяцев она потеряла ребенка. Оба — Мэри-Лу и Ларри были опустошены. Как и я. Затем они попытались еще раз. Потом еще дважды. Потерпев неудачу, пара сдалась. И каждый раз из-за страданий подруги мое сердце истекало кровью.

— Эй, — отвечаю я, замечая капельку влаги на ее ресницах. — Знаешь, что я думаю? Те секс-качели можно использовать и по другому назначению, — когда Мэри-Лу начинает смеяться, по ее щеке скатывается крошечная слеза. — А когда закончите, твой муж перевернет тебя и даст немного «побродить».

Она притворно дает мне пощечину.

— Ты просто ужасна.

— Да. Но по блеску в твоих глазах я вижу, что ты считаешь это хорошей идеей.

Подруга борется с улыбкой в течение всех пяти секунд, прежде чем заговорщически прошептать:

— Я никогда об этом не думала.

— Вот видишь... Для этого и существуют лучшие подруги.

— Спасибо, Маверик, — ее облегчение ощутимо. Вес секретов — это та тяжесть, с которой Мэри-Лу справиться не в состоянии. Жаль, что я не такая.

— Без проблем, детка.

Мы ненадолго переключаем внимание на наших мужчин. Кэл выглядит самодовольным и самоуверенным. Ларри злится. Похоже, мы знаем, кто победит.

— Через несколько минут начнется караоке. Давай сходим в туалет, пока Пол не начал петь «Иди, как египтянин».

Пол, наш сорокапятилетний городской аптекарь, не только хорошо исполняет самую знаменитую песню «The Bangles», но и ставит довольно забавный маленький спектакль. Он даже приносит свой собственный бубен и закатывает глаз лучше, чем Сюзанна Хоффс. И поскольку Пол до сих пор носит причёску 80-х, на него очень интересно смотреть. Обычно именно ему разрешают открыть вечер караоке.

— Хорошая мысль, — говорю я.

А затем следую за подругой в дамскую комнату. Мы болтаем через стены кабинок, как и всегда. После того, как моем руки, и я хорошо промываю рот ополаскивателем для рта, останавливая взгляд на Мэри-Лу, которая прихорашивается, одновременно давая клятву быть лучшей подругой на свете.

Я хочу быть рядом с ней, как и она со мной. И могу понять, почему она мне ничего не сказала. В последнее время я та еще эгоистка.

— У нас все хорошо? — спрашивает она, поглядывая мне за спину.

— Конечно. Почему нет-то?

Мэри-Лу бросается в мои объятия обнимает в ответ, как удав. Подруга делает глубокий вдох, и я знаю, что она снова собирается извиниться. Так что решаю прервать ее.

— Не надо, все в порядке. Я вовсе не злюсь.

Мэри-Лу вырывается из моих объятий и оставляет липкий поцелуй на моих губах.

— Я тебя обожаю, ты ведь это знаешь?

— Как и я.

Когда мы выходим из туалета, я издаю смешок. А потом чуть ли не впадаю в истерику, глядя на то, как Мэри-Лу скачет на одной ноге, пытаюсь стянуть длинную ленту туалетной бумаги, которая прилипла к подошве другой. Я так сосредоточена на подруге, что меня практически отбрасывает назад, когда я натыкаюсь на твердую, массивную стену. Теплые руки обнимают меня за талию, не давая моей заднице оказаться на липком полу.

— Прошу про... — начинаю я. Но, когда поднимаю голову вверх, мои извинения валяются с обрыва замешательства. Потому что я натыкаюсь вовсе не на стену.

Это Киллиан.

Запах «Берберри Брит», смешанный с дорогой кожей, проносится сквозь меня с опозданием в две секунды. От чего у меня слабеют колени, а сердце просто заходится в груди. И я хочу того, чего точно не должна хотеть.

Черт бы его побрал! У меня все шло так хорошо.

В основном.

— Что ты здесь делаешь? — требую я ответа, начиная злиться от того, что он здесь.

Вообще-то я даже в бешенстве.

Одна из невысказанных причин, по которой мы с Кэлом пришли сюда вместе, заключается в том, что Джиллиан отказывается опуститься до посещения «Пеппи», а поскольку Джиллиан отказывается, Киллиану тоже не разрешается сюда приходить. Если бы он был со мной, я бы никогда так на его не давила. И он это прекрасно знает.

— Это общественное место, Мелкая.

Почему Киллиан совсем не удивлен, увидев меня? Потому что засранец знал, что мы будем здесь.

— Не называй меня так, — выплевываю я.

Внезапно я осознаю, что Мэри-Лу тихо наблюдает за мной, а дверь туалета теперь заблокирована нами троими. Затем подруга начинает двигаться быстрее светлячка.

— Пошли, Маверик, — Мэри-Лу проносится мимо и протягивает мне руку. Она начинает тащить меня по коридору в тот момент, когда Киллиан хватается за другую мою руку. Его хватка очень крепкая. Непокосимая. И обжигает мою кожу одновременно самым отвратительным и восхитительным образом. В голове мелькает вспышка воспоминаний об этой ладони, которая идеально обхватывает мои ягодицы, когда Киллиан входит в меня. И, судя по голодному взгляду мужчины, он вспоминает то же самое.

Черт. Мне нужно убраться отсюда и как можно скорее.

Вот только Киллиан не собирается мне этого позволять.

Он тянет меня в одну сторону, а Мэри-Лу — в другую. Оба тянут так сильно, что я начинаю чувствовать себя пластилиновой куклой.

— Киллиан, пожалуйста, — умоляю я.

Мы не можем оставаться наедине в темном коридоре. Особенно из-за Кэла. Ни за что не

поверю, что он не обратил бы внимания на появление Киллиана.

— Две минуты. Это все, о чем я прошу. Пожалуйста, Маверик.

Мой взгляд скользит между Мэри-Лу и Киллианом. Взгляды на обоих лицах одинаковы, и все же различны. Его взгляд умоляет меня согрешить. А ее — выбрать спасение.

— Две минуты, — отвечаю я Киллиану. — Начиная с этого момента.

Похоже, я грешница. Что ж... *Запишите это на мой счет.*

Мэри-Лу громко вздыхает, но отпускает мою руку. Я могу назвать время ухода подруги с точностью до секунды, потому что энергия, оставшаяся в этом маленьком замкнутом пространстве, только что зарядилась на тысячу киловатт.

Мои подмышки начинают потеть.

— Одна минута пятьдесят секунд, — объявляю я, скрещивая руки на груди в надежде, что Киллиан не заметит, какое действие он оказывает на меня. Черт бы его побрал. Пять секунд в присутствии Киллиана — и все мои успехи испаряются, как роса. Откуда у этого мужчины такая власть надо мной?

— Должно быть, я пропустил твой звонок в понедельник, — говорит Киллиан с забавной улыбкой на губах, но его безразличие призвано скрыть обиду. В темных глазах мужчины все ясно, как божий день. Отчего я чувствую себя виноватой размазней. Ненавижу, что Киллиан может заставить меня чувствовать себя так с помощью одного простого заявления или взгляда. Я ненавижу, что он все еще оказывает на меня такое влияние. Ненавижу, что Киллиан — мой кукловод, который держит меня за ниточки, а я не могу понять, как их обрезать... И неважно, сколько усилий прикладываю.

— Мой телефон вышел из строя, — уголок губ Киллиана дергается вниз, отчего мое раскаяние переходит на новый уровень. — Это все, чего ты хотел? Слегка потешить свое эго? — в моем голосе слышен сарказм. Он, словно укус, остро действует на мои вкусовые рецепторы.

Однако Киллиан не обращает внимания. С каждым последующим словом, слетающим с его губ, я чувствую себя еще хуже, чем прежде. Как будто такое вообще возможно.

— Я с нетерпением ждал свой шоколадный торт. Похоже, это первый раз, когда я не получил ни один из твоих шедевров, даже печально известных.

Я склоняю голову и тяжело вздыхаю. Затем пробегаю языком по зубам, осматривая темный, покрытый губчатыми пятнами пол.

Даже когда мы были далеко друг от друга, я каждый год готовила Киллиану что-нибудь на день рождения. Потому что никогда не забывала дату. Когда мне было четыре, все началось с жидкого пирога с грязью. И речь идет не о каком-то шоколадном пудинге с крошкой из печенья сверху.

Я помню огонек в глазах Киллиана и его хриплый смех, когда тот делал вид, будто ест мой пирог. Довольно скоро «лакомство» исчезло. Киллиан убедил меня, что проглотил каждый кусочек. На самом же деле парень незаметно выкинул его. Возможно, таким образом Киллиан пытался успокоить четырехлетнего ребенка, но я сделала то же самое на следующий год. И так каждый год, пока не научилась печь. А потом приготовила ему настоящее угощение. Выпечка всегда была шоколадной. Его любимой.

В прошлом году я провела несколько часов, совершенствуя торт с шоколадной глазурью, посыпанный смесью сахарной пудры, корицы и свежей мускатно-ореховой стружки. Я лично доставила торт в офис Киллиана.

Именно в тот момент до меня дошло, что так больше нельзя. Киллиан женат. И больше

не доступен. Мужчина больше не принадлежит мне. Необходимо прекратить традицию, которая стала только нашей, потому что нас уже не существовало. Никаких «нас», и точка.

Вот почему я поняла, что не смогу продолжить традицию в этом году.

Пытаться забыть свою любовь — это полный отстой.

— Мавс, пожалуйста. Я... — мужчина откидывает голову назад, и она с глухим стуком бьется на стену. Взгляд Киллиана поднимается к потолку, а потом возвращается ко мне. Он выглядит таким же печальным и потерянным, какой я чувствую себя почти каждый божий день. — Я скучаю по тебе. Ужасно скучаю.

Во мне разрастается странная неуверенность. Я прокручиваю в голове каждое мгновение, задаваясь вопросом, в какой момент мы совершили ошибку. Что я сделала? Или чего не сделала? Почему этого было недостаточно? Я отдала ему все, а он оставил меня.

Будь сильной, Мавс. Будь храброй. Будь какой угодно, только не размазней в его ох-каких-умелых руках.

Я думаю о Кэле. Должно быть он интересуется, где я. Что случится, если мой муж узнает, что я стою здесь одна — с его братом.

— У тебя осталось меньше минуты, — мне нужно сбежать отсюда к чертовой матери, прежде чем позволю ему то, что не должна. Мои губы не касались Киллиана больше двух с половиной лет. С момента объявления о его помолвке. И в данный момент из-за этого я испытываю физическую боль. Даже больше, чем раньше.

Мужчина выпрямляется во весь рост и делает шаг ко мне. Я делаю шаг назад, качая головой.

Глубоко вздыхая, он спрашивает:

— Мы можем как-нибудь встретиться? Только вдвоем? Мне бы хотелось поговорить.

С тех пор, как он женился на Джиллиан, я стараюсь не оставаться с ним наедине. Особенно наедине. Ни один из нас, кажется, не в состоянии удержать свои мысли или желания. Похоже, мы оба знаем, что если окажемся одни в тесном пространстве, то станем еще и прелюбодеями вдобавок ко всему остальному. А это та самая жесткая грань, которую я просто не смогу переступить.

— Не думаю, что это хорошая идея.

— Почему? — Киллиан продолжает подкрадываться ко мне. И на этот раз я стою неподвижно. За что ужасно себя ненавижу.

— Ты знаешь почему, Киллиан.

— Ты все еще любишь меня, — шепчет мужчина. Его голос хриплый, чарующий. И такой родной. — Я вижу это каждый раз, когда ты заглядываешь мне в душу. Никто никогда не смотрел на меня так, как ты, Маверик.

Киллиан скользит взглядом по моему лицу, обращая внимание на губы, которые я только что облизала. Я чувствую, как чья-то рука касается моего бедра, и понимаю, что это не какой-то случайный знакомый, проходящий мимо. Этот коридор опустел в самое неподходящее время.

Киллиан наклоняется и проводит губами по линии моего подбородка. Его касание напоминает лучик света. Едва заметное прикосновение... Журчание воды, омывающей камень.

До меня доносится мужской стон, и я слегка поворачиваю голову, прижимаясь своим ртом к губам Киллиана и прекращая пытку, которую мы оба переживаем. Переступаю черту, которую считала, что не смогу пересечь.

Я тяжело сглатываю. Пытаюсь смочить болезненное горло из-за комка эмоций, застрявшего в нем.

Господи, если ты слышишь... Пожалуйста, дай мне сил. Мне так нужна твоя помощь.

— Теперь я с Кэлом, — выдавливаю я из себя почти несуществующий поток воздуха.

Киллиан отстраняется. Далеко, но все же недостаточно. Я не двигаюсь, когда жар его гнева опалает мои щеки и лоб.

— Ты моя. И всегда была моей.

Тогда почему же ты выбрал в жены другую? Почему обращаешься со мной так, будто я вообще ничего для тебя не значу? Почему ты нарушил все свои обещания? Почему бы тебе просто не объяснить мне, какого хрена ты так поступил?

Как можно любить кого-то так сильно и в то же время ненавидеть с одинаковой страстью? Киллиан — бесчувственный, тщеславный, лицемерный ублюдок. Ведет себя, как собака на сене. Ни себе, ни другим? Да пошло оно все к черту. Пошел он!

— А вот это кольцо говорит совершенно о другом, — парирую я, поднимая руку и указывая на палец, на котором сверкает мой обет моногамии и вечности его брату. Затем хватаю Киллиана за руку и указываю на кольцо, обвивающее его четвертый палец. — И вот это тоже.

— Сердце не лжет, — горячо возражает мужчина, прижимая другую ладонь к моей груди. Прямо над моим сердцем, которое беспорядочно бьется, ощущая тепло его плоти.

Что за дурацкие игры он затеял? Сколько лет Киллиан продолжает так себя вести?

Как же я устала.

От всего.

От Киллиана.

Как будто он забавляется тем, что держит меня на привязи. Сколько еще я смогу удерживать ее рядом, прежде чем она сдастся?

Киллиан даже не подозревает, что эти эгоистичные поступки помогают мне изгнать его из своего сердца. И я надеюсь, что дверь хорошенько ударит по его заднице на выходе.

Одним быстрым движением я поднимаю свою руку и отталкиваю ладонь мужчины прочь.

— Время вышло.

Затем поворачиваюсь и практически убегаю прочь, мысленно пытаюсь растворить тот узел, который насколько глубоко во мне засел. Интересно, когда мне, наконец, станет легче?

Я решаю не возвращаться обратно в кабинку. А вместо этого смотрю прямо, из опасения, что меня выдаст мое покрасневшее лицо.

В баре «У Пеппи» уже полно народа. В воздухе гудит предвкушение предстоящей ночи.

Я плетусь, пробираясь сквозь толпу. Извиняясь, когда толкаю плечом людей, я направляюсь прямо к бару. Жду, пока подойдет бармен, когда до меня доходит, что Пол уже начал свое выступление.

Черт.

Это значит, что Кэл и Ларри уже вернулись в кабинку и ждут меня.

Моя грудь вздымается. Голова идет кругом. Сердце колотится так сильно, что кажется, будто от его ударов внутри появляется гематома. Жаль, у меня нет возможности выключить свои эмоции. Каждую боль. Каждое желание. Абсолютно все. Я так запуталась в том, что только что произошло... В том, что почти случилось, и совсем не слышу, как Кэти зовет меня по имени, спрашивая, что я буду заказывать.

— Хосе Сильвер и Спрайт. Сделай двойной. В низком бокале, — рывкаю я, перекрывая шум.

Кэти хмурит брови. Она прекрасно помнит мой обычный заказ. Но дело не в этом. Однако, как хороший бармен, девушка уходит и без всяких вопросов выполняет мой заказ.

Через минуту я уже держу в руке холодный стакан, и половина его содержимого льется мне в горло. Жестом я показываю ей повторить, желая, чтобы заказ был выполнен сиюминутно, а не через четверть часа. И подпрыгиваю от того, что кто-то нежно сжимает пальцами мою шею за секунду до того, как пройтись по щеке щетиной, а затем слегка покусывает зубами мочку моего уха.

— Что случилось, Лебедь?

— Ничего, — хрипло отвечаю я, когда Кэти ставит передо мной еще один прозрачный стакан. Девушка быстро переключает свое внимание на Кэла, прежде чем перейти к следующему клиенту.

— Неужели? А почему ты сразу перешла к тяжелой артиллерии?

— Я... — я замираю. Мне не хочется лгать Кэлу.

Это не лучший способ начать жизнь в браке. Но не желаю, чтобы он знал о моем общении с Киллианом в темноте задней части бара, если конечно Кэл уже об этом не знает. О том, что я почти поцеловала его брата. О том, что я все еще хочу поцеловать Киллиана. И не могу сказать по тону Кэла, знает он об этом или нет.

— Все из-за Мэри-Лу, да?

Я закрываю глаза. Не уверена, из-за чего именно — то ли от облегчения, то ли от чувства вины.

Ты прекрасно знаешь из-за чего, отчитывает меня мое внутреннее «я».

Кэл дает мне выход из ситуации, так что же выбрать? Ответить честно? О черт, нет. Это было бы слишком тяжело. В данный момент я просто не готова к последствиям.

Мне заказана прямая дорога в ад.

Поэтому я принимаю подарок, который мне вручает муж.

Беру его и бегу дальше.

— Ага, — не уверена, что Кэл меня слышит, но он чувствует, как я киваю головой.

Мой муж забирает стакан, за который я цепляюсь, словно за буй, и ставит его на стойку бара, прежде чем мягко развернуть меня к себе.

Завсегдатаи толкаются локтями с обеих сторон в попытке получить очередную дозу алкоголя, но Кэл прикрывает меня от них. Защищает. Как и всегда.

Когда мужчина берет мое лицо в свои ладони, слегка приподнимая его вверх, из уголка моего глаза выскальзывает капелька влаги. И Кэл вытирает ее большим пальцем руки.

— Детка, не плачь.

— Я не плачу. Просто мне...

— Больно? — предполагает Кэл.

— Да, — по факту это даже не ложь. Мне очень больно. Мне и сейчас больно. Только не по тем причинам, о которых думает мой муж.

— Для них это большой шаг. Уверен, Мэри-Лу просто не хочет себя обнадеживать, чтобы потом все узнали, что у них снова не получилось.

— Я знаю, — с трудом выговариваю я.

Мне стоило бы подумать о Мэри-Лу. О Кэле. Обо всех, кроме себя.

Вместо этого я хочу оглянуться. Проверить, может, Киллиан все еще здесь. Наблюдает

за мной. Ждет еще одной возможности нанести удар.

В каком-то смысле я хотела бы, чтобы Кэл знал, что его брат находится здесь.

Возможно, тогда бы Киллиан оставил нас в покое.

Может, стоит рассказать Кэлу?

Будь мужественной. Поступи верно.

Я смотрю в бесхитростные, любящие глаза мужа и понимаю, что меня сейчас прорвет, и я выложу ему все. Мне хочется заслужить взгляд Кэла. И я почти открываю рот, как Джей Тон — он же Джонни Литтлтон — объявляет имя моего мужа.

Толпа просто сходит с ума. И я сейчас серьезно. Люди вскакивают на ноги, хлопают, кричат, громко аплодируют. Этот бар полон сумасшедших.

На лице Кэла появляется мальчишеская улыбка. Освещающая все вокруг. Которая ошеломляет меня, и я забываю обо всем, что происходит всего несколько минут назад.

— Что происходит? — смеюсь я, когда он тащит нас через толпу к крошечной сцене в виде полумесяца.

Когда мы добираемся до сцены, прямо передо мной кто-то ставит стул. Кэл жестом велит мне сесть, затем наклоняется и целует меня крепко, медленно и очень скупулесно. Кошачьи вопли подстегивают моего мужа, и он целует меня еще раз. Я тяжело дышу и становлюсь влажной во всех стратегических местах.

Кэл вскакивает на сцену, где Джей Тон ставит табурет, а затем протягивает Кэлу гитару. Озорной взгляд моего мужа устремляется на меня в тот же миг, как он садится и кладет гитару себе на колени.

Именно так Кэл и поступил в ту ночь, когда попросил меня выйти за него замуж. Он не только умеет играть на гитаре, как настоящий профессионал, но еще и владеет восхитительным глубоким голосом. В тот раз Кэл поднялся на сцену и превратил меня в рыдающую тряпку, когда спел песню Ленни Кравица «Я буду ждать».

Если вы когда-нибудь слушали эту песню, то в курсе, что она начинается с того, как парень поет о том, что кто-то разбил сердце девушки, и он об этом знает. Поет о том, что дает ей время. О том, что он единственный, кто по-настоящему ее любит. И что будет ждать эту девушку, пока та не будет готова.

Все это время Кэл не сводит с меня глаз. Каждая идеально настроенная нота, каждое навязчивое слово спеты только для меня.

Закончив, он спрыгнул вниз, опустился передо мной на колени, достал из кармана бриллиант в три карата и чуть не заплакал, открывая мне свою душу.

— Я знаю, что слишком тороплюсь, Лебедь. Но в то же время — это не так, ведь мы были рядом всю нашу жизнь. Никто не знает тебя лучше, чем я. Ты дышишь, и я дышу. Тебе больно, и я тоже мучаюсь от боли. Когда ты улыбаешься... Меня ослепляют звезды. Каждый раз, когда ты смеешься, я все больше влюбляюсь в тебя, если такое вообще возможно. Мне хочется быть рядом с тобой до тех пор, пока мы не станем седыми и морщинистыми, и плевать, если наши слова оскорбляют людей. Никто не будет любить тебя так, как я, Лебедь. Твоя душа принадлежит мне. Все, что тебе нужно, находится здесь и сейчас. Если ты еще не готова, я пойму. Но знай, что я буду ждать тебя. Столько, сколько потребуется. Столько, сколько тебе нужно. Но если готова... Избавь меня от страданий и стань моей женой. Я обещаю, что ты не пожалеешь ни об одной секунде нашей совместной жизни.

Я смеялась и рыдала, слушая искреннее и трогательное предложение Кэла. Ну какая девушка смогла бы ему отказать? Ни одна в здравом уме.

У всех одиноких женщин и половины мужчин в баре в тот вечер были заплаканные глаза. Мне не удалось заполучить мужчину, которого я желала, зато здесь стоял тот, кто желал именно меня. Кэл любил меня так сильно, что я практически осызала его любовь.

В общем, я согласилась за него выйти.

Имя Кэла уже стало нарицательным, и после той ночи люди из соседних городков начали приезжать на пятничные вечера караоке только для того, чтобы посмотреть, выступит ли он повторно.

Наверное, Кэл решает сделать это сегодня. Я задаюсь вопросом, совпадение ли это или нет?

Подмигнув и ухмыльнувшись, Кэл перебирает струны, возвращая меня из прошлого в настоящее. Он прочищает горло и объявляет:

— Эта песня посвящается моей безумно сексуальной жене, Маверик Шепард. Нет никого, с кем я предпочел бы тратить время впустую, кроме тебя, Лебедь.

Его последние слова звучат низко и знойно, с обещанием продолжения чувственного вечера.

Все женщины млеют. Включая меня.

А затем мой муж начинает петь.

— О черт, — бормочу я, прежде чем прикрыть рот рукой. Вздрагиваю, когда раздается хриплый голос Кэла, решившего спеть балладу Saint Asonia «Впустую трачу свое время». Толпа уже тихо гудит в предвкушении.

Текст песни мягкий и красивый. И снова наш мир сужается.

Здесь только я и Кэл.

Мой муж говорит мне о том, что я единственная, с кем он хочет лежать в прохладной траве под лунным небом и больше ничего не делать. О том, что такие моменты совершенны. И что лежать вот так — не значит тратить время впустую, а эти мгновения будут жить внутри нас всегда, независимо от того, что происходит вокруг. Потому что рядом с ним тот самый человек. Все просто.

Я всегда чувствую то же самое с Кэлом. С ним мне комфортно, как ни с кем другим. Даже с Киллианом.

При этой мысли трещины, о которых я рассказывала Мэри-Лу, расходятся еще больше. Я чувствую, как они разрывают меня на части. Дух Кэла вливается в меня настолько бурно, что у меня перехватывает дыхание. Я погружаюсь в слова его песни. Ощущаю свет своего мужа. И трещин становится все больше.

Песня заканчивается слишком рано, а в помещении царит тишина. Ни шмыганья носом, ни кашля.

Мы смотрим друг на друга, пока Кэл не признается:

— Я буду любить тебя до самой смерти, Мавс.

Я шепчу ему в ответ то же самое, потому что у меня пропал голос. На моем лице написано волнение. Сердце пытается вырваться из груди.

Однако, наша связь прерывается, когда рядом раздаётся низкий мужской голос:

— Ну, спасибо, что выставил нас всех в плохом свете, чувак.

Бар взрывается смехом, свистом и оглушительной болтовней. Затем кто-то начинает скандировать: «на бис, на бис», и его подхватывают остальные.

Кэл смотрит на меня и вскидывает бровь. Он молча просит разрешения.

В эту секунду единственное, чего мне хочется, так это вывести своего мужа на улицу,

расстегнуть молнию на джинсах и высосать его досуха. Но Кэл является шоуменом, и могу сказать наверняка — ему не терпится выступить на бис.

Поэтому я пожимаю плечами и ухмыляюсь. Поднимаю указательный палец вверх, разрешая спеть еще одну песню.

К Кэлу подходит Джей Тон, и они тихо совещаются. Затем Кэл протягивает ему гитару. Через несколько секунд в динамиках громко звучат знакомые ноты «Я никогда тебя не отпущу» группы «Steelheart» из восьмидесятых. Мой муж снова хватается микрофон и продолжает не только выдавать ещё одно шоу. Он плавит меня своей песней, которую пел, еще когда мы были подростками. Кэл даже падает на колени во время крещендо, как и всегда.

Бар стоит на ушах. Люди вскидывают кулаки в воздух. Машут зажигалками в руках и светят сотовыми телефонами. Подпевают Кэлу.

Все равно что вернуться на десять лет назад. Единственное, чего не хватает моему мужу, так это длинных волос и повязки в красную клетку.

Я смеюсь.

Он тоже смеется.

Вместе мы делаем еще несколько маленьких шажков вперед.

И я не оглядываюсь, чтобы проверить, там ли еще Киллиан.

Мне уже все равно.

Глава 11

Десять месяцев назад

Маверик

— Слышала, ты устроил небольшое представление в пятницу ночью, — сказала Джилли язвительным, как у стервы, тоном.

К черту ее.

К чету меня. Это последнее место, где мне хотелось бы быть. Мы с Кэлом почти не вылезали из спальни, с тех пор как приехали домой в пятницу вечером. По правде говоря, мы даже не добрались до кровати в первый раунд. Как только оказались в машине, я в ту же секунду набросилась на него. Дверца еще даже не захлопнулась, а моя рука уже была в его штанах. Мои губы сжимали его уже твердый член еще до того, как мы выехали с парковки. Я была абсолютно уверена, что он кончит до того, как мы приедем домой. Тем не менее, выносливость парня была выше всех похвал. Наоборот, он заставил объездить его, как только заехал на подъездную дорожку, мы оба не могли дождаться, когда попадем внутрь дома. Без сомнений мои крики доносились до открытых окон Хелен. Ой. Ну да ладно.

Тем не менее, Кэл вполне спокойно реагирует на подстрекание Джилли.

— О, я уверен, что раздули из мухи слона. Там было-то всего пару песен.

Он проводит губами по моему виску, а я улыбаюсь.

— Малыш, они не преувеличивают, — говорю самодовольно, глядя с ликованием на сестру. Интересно, кто ей рассказал об этом? Киллиан? Выходит, он остался и смотрел? Стал ли он свидетелем того, что, по-моему, было явной переменной в наших с Кэлом отношениях? Даже если и так, я не могу прочесть это на его лице. Он избегает меня с тех пор, как мы приехали сюда, а минут десять назад исчез, прижав к уху телефон. Вечно работает. Двадцать четыре на семь. Надо отдать ему должное, но я предполагаю, что он просто избегает жену.

— Он был почти так же великолепен, как и в ночь, когда сделал мне предложение, —

добавляю я. Ночь, за которую я не перестаю его благодарить. Жаль, что ее уже не вернуть.

— Спасибо, Лебедь, — шепчет Кэл напротив мочки моего уха.

Джилли со злостью смотрит в сторону. С завистью, что более вероятно.

Никогда не могла понять причину, но сестра всегда против меня. Если я счастлива, она прилагает все усилия чтобы это испортить. Она увела мужчину, которого я любила, и все же, кажется, ее это не удовлетворяет.

История, которую она рассказывает о том, как Киллиан сделал ей предложение руки и сердца, должно быть, приукрашена или просто-напросто выдумана. Это так убого. Киллиан бы никогда не сделал ничего такого. Нанял мексиканскую группу? Да он их ненавидит. У него изжога от мексиканской кухни. И он не выпендрёжник ни в каком смысле этого слова. Как и не великий деятель. Но он всегда отмалчивается, когда она рассказывает эту байку. Никогда не подтверждает и не опровергает. Просто молчит и гримасничает.

— Итак, Кэл, как дела с контрактом в округе Миллс? — спрашивает мой отец. — Нам нужно получить этот проект, сынок. Потенциальный бонус от него просто огромный.

Кэл слегка замирает рядом. Он никогда не обсуждает работу со мной. Никогда. Это похоже на большую черную дыру, и он не хочет, чтобы я завязла в ней вместе с ним. Мой отец — требовательный, целеустремленный и беспощадный. Иногда я сомневаюсь, что все его дела законны. Я работала на него два года, и не видела откровенно бессовестного поведения с его стороны, но иногда оно не внушало доверия. Правительственные контракты коварны. Вы говорите о миллионах и миллионах долларов налогоплательщиков. Слишком легко перетасовать эти деньги с помощью простой ловкости рук, а финансовым инспекторам понадобятся годы, чтобы обнаружить это, если им вообще удастся.

— Есть пара загвоздок с выполнением требований, но мы работаем над этим, Ричард. Не беспокойтесь. Я всегда довожу дела до конца, — отрезает Кэл, будто говоря отцу, что бы тот не вмешивался.

— А что на счет судебного разбирательства Фриджит Еирвейс? Ты опроверг показания?

Вот, сейчас я его узнаю. Небольшая авиакомпания подала в суд на компанию моего отца, потому что часть взлётно-посадочной полосы была повреждена и Cessna Crusader, на борту которого было 8 пассажиров, потерял управление и попал в аварию. К счастью, серьёзно никто не пострадал, но «ДеСото Констракшин» ответственна за укладку именно той части полосы, которая указывается в иске.

Кэл что-то говорит о юриспруденции и убирает от меня руку, наклоняясь вперед, и я теряю к разговору интерес, мое внимание переключается на мать.

Она взволнована. Это очевидно. Я хочу спросить ее, почему она вообще впускает нас в свое маленькое священное место, если ей нужна целая баночка Ксанакса, чтобы вытерпеть это. Ее внимательный взгляд продолжает скользить по плюшевому белоснежному ковру, покрытому десятками следов. Я надеюсь, что, когда приедут родители Кэла, напряжение хоть немного спадет, но это маловероятно, ведь еще два человека будут топтать ковер.

Роскошная гостиная, в которой мы располагаемся, это святиня, в которую в детстве нам запрещалось заходить под каким-либо предлогом. Никогда не понимала, почему. Это ведь просто комната. Мне всегда интересно, было ли это каким-то святилищем. Может тут хранится чей-то прах? Драгоценные артефакты? Семейные секреты? Нас с Джилли несколько раз ловили, когда мы пытались проскользнуть сюда. Мы пытались замести следы. Но каждая попытка была провальной. Каким-то образом мама всегда узнавала. Ради всего святого, у нее есть гребешок для ковра! Гребешок. Для. Ковра. Кто расчесывает чертов

ковер? Это же ковер.

Пока продолжается скучная дискуссия, я решаю воспользоваться возможностью и на несколько минут сбегаю от семьи. Убедившись, что вдавливаю пальцы в ворс ковра, плетусь на кухню за стаканом холодного чая. Несмотря на все недостатки, она делает отличный сладкий чай. На часах всего 10 утра, но день обещает быть действительно жарким, что довольно необычно для конца сентября. Стакан холодного чая прекрасное спасение от жары.

Я останавливаюсь на полпути к кухне. Киллиан стоит слева от холодильника. Между нами нет и метра. Он пялится на меня. Его глаза горят. Я знаю, это из-за меня. Хочется развернуться и снова броситься в безопасные руки Кэла, но, черт возьми... чая я хочу больше. Меня до боли мучает жажда. И я не позволю его блуждающему по мне взгляду остановить меня. Как бы не хотелось избегать его остаток жизни, но это просто невозможно. Мне нужно просто набраться жестокости, что бы он не смог больше проникать в мою душу.

Ух. Неудачный выбор слов.

— Выглядишь сногшибательно.

— Спасибо, — строго отвечаю, пытаюсь обойти его. Но когда проскакиваю мимо, он нежно обхватывает пальцами мой локоть, останавливая меня.

— Не... — он слегка запинается. — Не уходи пока. Пожалуйста.

«Не делай этого», — наставляю себя. — «Не смотри на него. Не доставляй ему такого удовольствия». К сожалению, всякий раз, когда он прикасается ко мне, любая моя решимость тает, как кубик сахара в воде.

Я оборачиваюсь даже несмотря на то, что приказываю себе смотреть прямо. Когда мои глаза останавливаются на нем, его взгляд пронзает меня насквозь. Я должна чувствовать себя уязвимо. Продолжаю стоять секунды, минуты. Не знаю точно, потому что время кажется сейчас бесполезным.

Впитываю его в себя. Действительно смотрю на него, пронзительно и долго.

В пятницу ночью было темно, но при свете дня он выглядит... разбитым.

У него больше морщин вокруг глаз и на лбу. Складки, что обрамляют его рот, выглядят грубо, врезаюсь в его молодое лицо. Его глаза... скрывают приведения, секреты. Выглядит так, будто он женат уже десять лет. Он заслуживает это, Мавс. Иногда кровать, на которой лежишь, забита осколками стекла и двуличностью, и ночь за ночью на ней чертовски больно спать. Кому, как не мне это знать.

— Я не хочу этого ребенка. Это то, о чем я пытался с тобой поговорить. Просто хотел, чтобы ты знала, — шепчет он.

Я отшатываюсь от зародившейся во мне надежды. Здесь больше нет места для нее, и если я себе позволю хоть один чертов раз ее вдохнуть, то не выживу.

— Так может тогда вам с женой нужно прийти к согласию, — резко возражаю.

— Ты же знаешь свою сестру, когда ей что-то взбредет в голову.

Мальчик, я знаю ее, как никто другой.

— Что ты хочешь, Шеп? — наконец-то заставляю себя спросить.

— Мне не нравится, когда ты меня так называешь, — низко рычит он.

Какого черта? Даже жена зовет его Шеп.

— Почему? Остальные ведь называют.

— Ты — не остальные. Ты — особенная, Маверик.

Наши взгляды продолжают цепляться друг за друга. Они мечутся туда-сюда, оценивая. Однажды, когда он произнес такое, это вызывало во мне глубокий трепет. Я повторяла эти

слова дни напролет, и каждый раз находила новый, поэтический смысл. Теперь все, что я чувствую — смесь замешательства, гнева и сожаления, пока ощущения не становятся похожими на диарею и не начинают пахнуть дерьмом.

Я тяжело вздыхаю, утомленная его долбаным выражением собственного превосходства.

— Вернемся к моему вопросу. Что ты хочешь, Шеп?

Его взгляд ожесточается, когда я выделяю его прозвище, которое используют «остальные». Он наклоняется ко мне до тех пор, пока у меня не возникает мысль, что он собирается меня поцеловать. Все мое тело напрягается, я не уверена, хочу ли, чтобы на его лице осталась моя помада или отпечаток руки.

— Я хочу каждую чертову вещь, которую не смогу иметь, — говорит он страстно.

Отпечаток руки, без сомнений.

— И кто в этом виноват? — спокойно подстрекаю и горжусь собой, что так долго держусь вместе с ним. — Ты бросил меня. Оставил все, что у нас было. Без ответов. Без объяснений. Без сомнений. Вообще ничего. Даже сейчас. Я ничего от тебя не получаю кроме... не-а, ничего. Ты не достоин меня.

— Ты ни хрена не знаешь, — практически гремит он. — Все, что я делаю — ради тебя. Думая о тебе.

Какого? Бл*дь.

— Звучит как какая-то фраза из песни. Или из действительно плохого фильма с Кевином Костнером, — говорю с раздражением.

Его ухмылка полна самоиронии. Удачи в попытках убедить меня, что он переспал с моей сестрой и женился на ней ради меня. Как бы ни так. Но это все и не для него тоже. Я в этом уверена. Но, черт возьми, это не ради меня.

Вырвавшись из его хватки, я отступаю на хороших полметра.

— Перестань вешать мне на уши гребаную лапшу. Ты женат на моей сестре. Я замужем за твоим братом. Тебе нужно отпустить это. Как это сделала я, — добавляю эту ложь с удивительной легкостью.

— Отпустить что? — спрашивает он мрачным голосом, шагая вправо и преодолевая расстояние между нами.

Черт его побери. Почему он продолжает делать это? Я изо всех сил стараюсь забыть эту любовь к нему, что заседает в глубинах души, и мечты, которые он разбивает. Я изо всех сил стараюсь на все сто отдаться браку и полюбить Кэла так, как должна. И все же, Киллиан полон решимости вмешаться при любой возможности.

Почему? Почему сейчас, если я могу бросить все ради него всего несколько недель назад... да еще и в день свадьбы?

Сейчас уже слишком поздно. Я смиряюсь с этим. Ему следует поступить так же.

Мой взгляд размывается. Я борюсь с тем, чтобы сдержать каждую соленую каплю, грозящую сбежать. Если кто и не заслуживает моих слез, так это он.

— Нас, — шепчу, просящим голосом. — Ты должен отпустить нас. Умоляю.

«Позволь мне забыть тебя», — я хочу закричать на весь голос.

— Никогда. Я так близко сейчас.

Близко? К чему?

— Не проси меня бросить тебя. Я сделаю все, что угодно, но, Маверик, это...

Его ласковый, мягкий с придыханием голос, которым он шепчет мое имя, утаскивает меня в неприятное воспоминание, которое я пытаюсь похоронить внутри. Он руками крепко

сжимает меня, стонет мое имя в шею, когда проникает внутрь меня в первый раз. Я тону в тех днях, даже не осознавая, что рука Киллиана на полпути к моему лицу, когда твердый, жесткий голос Кэла рычит позади меня

— Шеп, тебя ищет жена.

Рука Киллиана просто опускается на мою талию, а его взгляд скользит за мое плечо, а затем снова ко мне. Он не выглядит шокированным или раскаивающимся. Он выглядит рассерженным.

— Да. Я как раз прихватил ей бутылку воды из холодильника.

Я отхожу назад, смотрю вниз и вижу, что в другой руке он держит стеклянную бутылку «90H2O».

— «Эвиан» уже не подходит? Ей теперь нужна элитная вода? — фыркает Кэл, также замечая это.

— Ты же знаешь Джилли, — возражает он с горечью. Он больше даже не пытается скрыть свое презрение к собственной жене.

Мой муж тёплой и сильной рукой обвивает мою талию и притягивает меня к груди. Губами прикасается к моему виску, прежде чем начать играть с огнем. Жестко.

— К моему счастью, я женился на правильной сестре. Мавс не такая претенциозная.

Оу. Хорошо сработано.

Лицо Киллиана каменеет. Расширенные зрачки шоколадного цвета теперь заливаются оранжевым пламенем, сверля младшего брата. Вот-вот начнётся драка, и я понесу сопутствующий ущерб.

Когда чувствую, что Кэл напрягается рядом со мной, готовясь к выпадку, то вмешиваюсь, чтобы разрядить ситуацию до того, как она выйдет из-под контроля. Мне не нравится то, что я вбиваю клин между двумя братьями, которые когда-то были близки. По крайней мере, я могу сказать, что неприязнь между мной и сестрой не вызвана тем, что она увела моего будущего мужа. Наша война началась задолго до этого.

— Эй, — говорю, слегка поворачиваясь к мужу, предупреждая какие-либо удары в сторону Киллиана. Обхватываю его лицо руками, наклоняя голову вниз, и заставляю посмотреть мне в глаза. Когда его взгляд останавливается на мне, он несколько смягчается, но все еще наполнен злобой.

— Мне нужно кое о чем с тобой поговорить, — его челюсти сжимаются, и я быстро добавляю. — Наедине.

Я не даю ему шанса ответить. Не оглядываясь на Киллиана, хватаю мужа за руку и тащу его за собой. Мы заходим в прачечную, слева от кухни, и я закрываю за нами двери. Прислоняюсь к толстому дереву, в то время как Кэл гордо идет в противоположную сторону, останавливаясь у окна, выходящего на густой лес позади роскошного поместья моих родителей. Его мускулы напряжены. Дыхание учащенное, если судить по тому, как быстро поднимаются и опускаются лопатки.

Я ненавижу неловкость, которая сейчас висит между нами.

— О чем ты хотела поговорить? — рассеянно спрашивает он и проводит рукой по волосам, заставляя их встать дыбом. Следы гнева делают его и без того хриплый голос еще более хриплым.

Будет ли так каждый раз, когда наши семьи соберутся вместе? Неловко? Неудобно? Напряжение будет таким, что хоть ножом режь?

Да, пока ты любишь его брата, а он любит тебя. Это из-за тебя, Маверик. Если бы ты с

самого начала поступила правильно...

Когда мы одни, только вдвоем, то можем почти притвориться, что вступили в этот брак из благородных побуждений, хотя мы оба знаем, что это не так. Я хотела кое-кого другого. Он хотел меня несмотря ни на что.

Но когда мы перед своими семьями, притворяемся крепкой, безумно влюбленной парой молодоженов — или, может быть, притворяюсь только я. Мы позволяем другим цепляться за наши нити и попробовать разорвать нас по швам. Если мы позволим им, они нас погубят. И я не хочу в конечном итоге быть сломленной, грустной и наполненной ненавистью к тому, кого люблю с рождения.

Я не позволю ни Киллиану, ни сестре, ни даже себе разрушить этот брак.

— Ни о чем, — наконец отвечаю я.

Он поворачивает голову, его напряженный, пламенный взгляд цвета ириски цепляется за меня. Бурлящее сочетание конфликта, которое я вижу — чувствую — почти подгибает мои колени. Ему больно. Я раню его. Так чертовски сильно.

Мы никогда не говорим о чувствах между мной и его братом. Ни разу. И я должна задаваться вопросом, почему он никогда не требует от меня объяснений об этом грязном позоре, особенно перед тем, как делает мне предложение. Раньше я думала, что это либо слепая глупость, либо иррациональное отрицание, но теперь мне кажется, что это потому, что Кэл хороший человек. Возможно, лучше, чем я когда-либо предполагала.

Он безоговорочно любит меня. Ни смотря ни на что. И это всегда будет неизменным.

Эмоции захлестывают меня. Внезапно одолевает ненасытная потребность облегчить его боль, доказать, что я достойна быть той, кого он выбрал в спутницы жизни. Быть той, что ему нужна, ту, которую он хочет, что еще важнее, заслуживает.

Я клянусь усерднее работать над тем, чтобы исправить то, что творится внутри меня. Как бы сильно вы не хотели или не должны были, но вы не можете перестать любить кого-то только потому, что говорите себе это. Хотела бы, чтобы это сработало.

А пока что ему нужно подтверждение, что я привязана к нему и только к нему. Что у меня это всерьез и надолго. Что он принял правильное решение, женившись на мне. И это ему нужно дать сейчас, а не позже.

Протягиваю руку назад и расстегиваю молнию, удерживающую мое платье, позволяя тому растечься по полу. Его глаза следят за каждым моим движением, становясь мутными, когда я расстегиваю бюстгальтер и позволяю ему упасть на руки, оставаясь стоять перед ним в мятно-зеленых трусиках и десятисантиметровых красных шпильках, которые кричат: «Возьми меня».

— Что ты делаешь? — спрашивает он охрипшим голосом.

Я позволяю глазам опуститься на его достоинство, радуясь тому, что его тяжелые очертания теперь выделяются на коричневых классических брюках.

— Я думаю, это довольно очевидно, — дерзко отвечаю я, не двигаясь ни на миллиметр... в предвкушении, что он будет делать дальше.

— Ты хочешь заняться сексом в прачечной своих родителей? — в неверии спрашивает он, морща лоб.

Боже, помоги мне, да. До этой самой секунды я не понимала, как сильно этого хочу. Хочу его. И мне нужно, чтобы он хотел меня, независимо от всего дерьма за пределами этого момента.

— Да, — стараюсь придать уверенности своему ответу, хотя сама ее ни на грамм не

чувствую. Боюсь, что он откажет.

— Любой может оказаться за дверью и услышать, — добавляет он и поднимает голову, подзадоривая меня. Мы оба знаем, кого он имеет в виду.

— И что? — я самодовольно возвращаю его же вызов.

Его глаза вспыхивают, перед тем как закрыться. Я смотрю, как он пытается сглотнуть. Получается со второй попытки. Когда его ненасытный взгляд скользит по моим практически обнаженным изгибам, задерживаясь на долгие секунды на моих напряженных сосках, внутри поднимается трепет. Меня пробирает дрожь от голода по мужу.

— Просунь руку в трусики и проведи пальцем по киске, Мавс. Если ты достаточно мокрая, я тебя трахну. Прямо здесь и сейчас.

Ах... окей. Я чуть не задыхаюсь от переизбытка чувств.

Знаю, что если сделаю это, то получу желаемое, так что подчиняюсь и провожу средним пальцем по изобильному возбуждению, достаю палец наружу и показываю, что действительно отчаянно в нем нуждаюсь.

— Пососи его.

Подождите. Что? Я быстро моргаю, пытаюсь убедиться, что правильно его расслышала. Кэл много раз говорил со мной грязно и раньше, но никогда не был таким доминирующим или властным. И от меня не ускользает тот факт, что он выбирает это место и время, чтобы открыть эту свою сторону.

Он широко расставляет свои мускулистые ноги, прислоняется спиной к подоконнику и скрещивает руки.

— Если ты хочешь, чтобы я нагнул тебя через эту стойку и трахал до тех пор, пока ты не сможешь идти прямо, засунь этот палец в рот, Маверик. Сейчас.

— Дерьмо, — выдыхаю. Я чертовски возбуждена прямо сейчас.

Проходит несколько мгновений, и его бровь изгибается, прежде чем я, наконец, подчиняюсь. Подношу свой блестящий палец ко рту и действительно стону, когда мускус касается моего языка. У меня текут слюнки, но только потому, что первобытный рык, вырывающийся из его горла, — едва ли не самая сексуальная вещь, которую я когда-либо слышала.

— Так чертовски горячо, — бормочет он. Протягивает ладонь и приказывает. — Иди сюда.

Я практически бегу, оставив свое платье «Gar» валяться лужицей у двери. Мне не нужно беспокоиться о складках или пыли на одежде за две тысячи долларов, поэтому, в отличие от моей сестры, я делаю покупки в таких местах, как «Gar».

— Ты так прекрасна, — в ту секунду, когда он заключает меня в свои объятия, осыпает поцелуями мою челюсть, горло и ключицу, прежде чем начать свой путь вниз. — Так чертовски идеальна и прекрасна, Мавс. Я не могу поверить, что ты действительно моя.

— Твоя, — признаюсь, выдыхая, когда его губы смыкаются вокруг дерзкого бутона, посасывая его так сильно, что мне приходится сдерживать стон.

— Никогда не смогу насытиться ими. Они прекрасны, — остается прохладный след, когда он переходит ко второй ноющей груди. Тянусь руками к его затылку, прижимая его к себе, пока он пирует.

Во мне все пульсирует, я корчусь и ерзаю, пытаюсь подобраться к нему поближе. Все тело кажется жидким, невесомым. Окружающая нас энергия бьет мощным электричеством. Так сильно, что я уверена, каждый за пределами этих четырех стен должен будет

почувствовать, что здесь происходит. Я никогда в жизни не чувствовала себя такой раскованной и распутной.

Он натягивает кружева на моих бедрах.

— Я собираюсь испортить их насытится своей женой.

— Боже, да, — молю я, желая этого даже больше, чем кислорода.

Холодный воздух ударяет по моей разгоряченной киске, когда Кэл падает на колени и раздвигает сначала мои ноги, а затем складочки. Без предупреждения подается головой вперед.

При первом толчке его языка я громко стону.

— Черт, Кэл, — мои колени подгибаются под тяжестью удовольствия, давящего на меня, когда ощущения, которые дарит его рот, заставляют меня взлетать. Противоположные чувства сбивают с толку и волнуют. Я слеую за ними, больше всего на свете нуждаясь в этом кайфе.

Когда он пальцем проникает внутрь, я хватаюсь за его короткие волосы, пытаюсь опереться хоть о что-то. Он творит дьявольские вещи с моим клитором этим языком прямо в центре комнаты, и мне больше не за что держаться, кроме него.

Как будто чувствуя мое затруднительное положение, он крепче сжимает мои бедра другой рукой и бормочет:

— Я тебя поймал, Маверик. Всегда это делаю. Отпусти, — говорит он, прежде чем вернуться и закончить начатое.

Я задыхаюсь. Извиваюсь. Тихо вскрикиваю, когда он толкает меня туда, куда я хочу. Когда он погружает второй палец внутрь и сгибает их, я вскрикиваю. Пронзительно и громко.

Я почти кончаю, когда Кэл тянется себе за спину и несколько секунд с чем-то возится, прежде чем включается жужжание сушилки.

— Что ты делаешь? — тяжело дышу, затаив дыхание, и теперь мой оргазм начинает отступать.

Он останавливается и смотрит на меня. Губы влажные. Глаза дикие. Черт, он такой сексуальный.

— Меня не волнует, знают ли они, что мы делаем, но я не хочу, чтобы это слышали. Звук того, что ты кончаешь, принадлежит мне. Только мне.

— Ох, — я слышу скрытый подтекст. — Хорошо.

— А теперь будь хорошей девочкой и кончи мне на лицо, Мавс, чтобы я мог жестко трахнуть тебя.

Изгибаю губы в улыбке, обожая эту сквернословную, грязную сторону моего мужа.

— Чтобы это произошло, твое лицо должно быть похоронено в моей киске, Кэл.

Я смеюсь. Но недолго, потому что моя провокация делает свое дело. Рот Кэла возвращается ко мне, и, если раньше я думала, что он сосредоточен, то теперь он абсолютно беспощаден. С целеустремленным намерением он поглощает меня. Нет других слов, чтобы описать это.

А затем я кончаю. Мощно. Долго. И, наверное, так громко, что могу разбудить мертвых, если бы сушилка не гудела на заднем плане. Раскаленный добела жар устремляется от моей киски вверх по позвоночнику, вниз по рукам и ногам. Я гонюсь за ним, пока он распространяется и проходит через каждую клетку, пока я не превращаюсь в жидкую массу абсолютного, пресыщенного блаженства.

— Боже мой! — выдыхаю, пытаюсь вдохнуть свежий воздух в легкие.

Я сижу на мраморной столешнице, холодный камень пытается украсть тепло, все еще текущее через мою кровь. Кэл яростно снимает с себя одежду, не заботясь, что она сомнется или испачкается, когда бросает ее на пол.

Мои мышцы напряжены, и я думаю, это из-за ужасно прекрасной кульминации, которая только что проходит сквозь меня. Но нет. Причина — это откровенный голод на лице Кэла. Это так грубо, что заставляет нервничать.

— Я думала, ты собирался меня нагнуть, — фыркаю я, пытаюсь облегчить давящую атмосферу. Он наступает на меня, хватая за бедра и стаскивает вниз, так что я сижу прямо на краю. Нужно напрячь мышцы живота, чтобы удержаться.

— Предпочитаю смотреть, как засияет твое лицо, когда я заставлю тебя кончить снова.

— Да? — я задыхаюсь, когда он проводит головкой члена сквозь влагу между моими ногами, слегка подаваясь внутрь. Член у Кэла мощный и толстый. Каждый раз, когда он внутри меня, то растягивает до предела.

— Бл*дь, да, — самодовольно отвечает он, входя на еще пару дразнящих сантиметров.

Черт подери, он так хорошо ощущается.

Я провожу пальцами по небольшой полоске волос на его обнаженной, накаченной груди. Его пресс дрожит, когда я спускаюсь пальцами мимо него, чтобы схватить основание его члена.

— Это довольно благородная цель, мой муж, но я не уверена...

Его ноздри раздуваются. Не уверена, из-за того, что я употребляю слово муж, или из-за того, что видит брошенный ему вызов, который он подхватит или нет. Вообще, я не отношусь к девушкам, испытывающих множественные оргазмы, как бы партнер ни старался. Я не тот тип. Он, наверное, думает иначе. Вот так я устроена. Но Кэл любит сложные вызовы. И принимает этот. Наклонившись так, что его губы оказываются в миллиметре от моих, он шепчет:

— Уверен. И я определенно щедрый, моя жена.

Пообещав это и прижавшись к моему рту, Кэл входит в меня. Грубо и резко. Я чертовски мокрая и готова к этому, так что он легко скользит внутрь. Он трахает меня быстрыми, уверенными движениями, прежде чем переключиться на длинные, неторопливые. Он плавно чередует их, удерживая меня на острие ножа, независимо от того, куда он меня ведет. За последние пару месяцев я начинаю ценить Кэла не только как замечательного друга, но и как любовника. Чем больше он во мне, тем больше кажется, что я все время что-то упускаю.

Сколько бы места в моем сердце все еще не занимал Киллиан, Кэл быстро его вытесняет. Я действительно верю, что на самом деле влюбляюсь в своего мужа, медленно, но совершенно точно.

— Ты чувствуешь феноменально, — тихо хвалит он. — Такая скользкая, горячая и чертовски нереальная. И такая моя.

— Не останавливайся, — молю я. — Никогда, черт, не останавливайся.

Он только начинает показывать, что собирается подарить мне второй оргазм, когда мы слышим шаги, приближающиеся к двери. Он останавливается на полпути и закрывает мне рот рукой, прежде чем я успеваю возразить.

Легкий стук сопровождается низким голосом:

— Дорогая, все в порядке?

Вот дерьмо. Я чувствую себя шестнадцатилетней девчонкой, которая целуется с Джей

Си Феррера на качелях на заднем крыльце. За исключением того, что вместо руки Джей Си тянущейся к моей блузке, на этот раз я с голой задницей, внутри меня член мужа, а между нами и главой дома лишь хлипкая незапертая дверь. Я не делаю ничего аморального, но, наверное, считается неприличным заниматься сексом посреди дня в родительском доме, когда они дома. Даже для женатых людей.

— Избавься от него, или он все увидит, — протягивает Кэл с насмешкой.

Кэл убирает руку и ухмыляется, возобновляя свои толчки, но на этот раз они мучительно медленные, глубокие и кажутся такими умопомрачительно хорошими, что я почти стону, отвечая отцу.

— Ты не серьезно, — шиплю я, желая быть более скромной. Его ухмылка только шире, и он как-то поворачивает бедра, как не делал раньше, заставляя меня стонать. — Стоп, — хватаю его ягодицы и пытаюсь прекратить движения, но все, что он делает, это сжимает мои запястья пальцами и заводит их за мою спину, не давая мне ни секунды перевести дыхание.

— Маверик, все в порядке? — звучит озабоченный голос моего отца.

Дерьмо. Узнаю этот тон. Через две секунды он откроет дверь. Живя в доме с тремя женщинами, мой папа довольно быстро научился не врываться просто так. Мои две минуты почти истекают.

— Да, папочка. Все в порядке, — с трудом удается произнести мне.

— Уверена? Голос звучит... расстроено.

Расстроено? Я очень далека от грусти, это прям смешно.

— Пожалуйста, остановись. Просто на секунду, — молю Кэла.

К счастью, он дает мне передышку. Но лишь незначительную. Интересно, где все это время был этот негодяй, который теперь лениво раскачивает бедрами взад и вперед.

Я ломаю голову, как безобидно солгать, но звук сушилки дает мне необходимое оправдание.

— Кел пролил воду на рубашку. Мы просто бросили ее в сушилку, — кричу я, надеясь, что это звучит убедительно.

— Ой. Что ж, Арни и Эйлиш только что приехали, и твоя мать объявила пятнадцатиминутное предупреждение, так что...

Я закатываю глаза на ее глупый ритуал. В течение следующих пятнадцати минут нам всем лучше сидеть за столом в назначенных местах, сложив ладони, закрыв глаза, и готовыми читать молитву перед едой.

Я сдерживаю в стон, когда Кэл пальцем касается моего сверхчувствительного клитора и начинает тереть его круговыми движениями. Я не могу ничего сделать, чтобы остановить его, потому что мои собственные руки все еще в заточении, поэтому я изо всех сил стараюсь снова не обращать внимания на накапливающийся во мне жар, но, черт возьми, это так хорошо.

— Эм, без проблем. Мы почти закончили.

— Тогда хорошо. Поторопитесь.

— Ты слышала своего отца. Нам лучше поторопиться, — тихо посмеивается Кэл мне в ухо.

Мы все еще слышим удаляющиеся шаги, когда Кэл накрывает мой рот своим и начинает безжалостно трахать, беря меня так, как будто он владеет мной. И он это делает. Я чувствую, что становлюсь его, кусочек за кусочком. Я думаю только о нем и о грехах, которые он делает со мной, заставляя их прочувствовать.

— Моя грязная девочка, — бормочет он. — Позволила мне угоститься тобой, затем трахнуть прямо под носом у семьи. Тебя это возбуждает, не так ли?

Да, Боже, да. Миллион чертовых да.

Киваю, не в силах отыскать свои голосовые связки в данный момент, не говоря уже о том, чтобы воспользоваться ими.

У Кэла перехватывает дыхание; его хватка усиливается. Он близок. Я знаю признаки. И чувствую, как набухает его член. Слышу паузы между его вдохами.

— Тебе нравится, когда я так говорю с тобой, Лебедь.

Это не вопрос, но я в любом случае отвечаю:

— Да.

— Я знаю, — выдыхает мне в ухо. — Твоя маленькая киска так восхитительно сжимается вокруг меня.

Мои внутренние мышцы реагируют, и он издает низкий, похожий на волчий стон. Боже всемогущий, этот звук горяч.

Несколько секунд спустя, мы оба на пике и готовы кончить. На местах, где Кэл меня держит, останутся синяки. Его большой палец яростно и безжалостно трет мой клитор. Мастерски. Все это время он трахает меня, как будто мы одни в этом большом доме.

— Ты близко, Лебедь, — так близко. Так чертовски близко, что я могу представить это. — Кончи для меня. Кончи со мной. Прямо, бл*дь, сейчас.

Его пристальный взгляд уговаривает. Но его член, его прикосновение убеждают. Опаляющий огонь накапливается, пока не взрывается. Тогда я падаю. Кончаю, а он следом за мной. Все, что я могу сделать, это держать глаза открытыми и смотреть на него, когда волна за волной эйфория накатывает на меня.

Мой муж с точеной челюстью и полными губами более чем красив. Он великолепен. Я завидую большинству одиноких — и некоторых замужних — женщин в Дасте Фаллс, но в этот особенный момент, когда он запрокидывает голову и стонет от блаженного освобождения, от него просто захватывает дух.

И он принадлежит мне.

И когда он открывает глаза, прижимая меня к себе с удовлетворенной, грешной, радостной улыбкой, которая без слов говорит мне, что я его все, я вижу совершенно другого человека.

Того, которого я всегда знала, но никогда не впускала.

Того, кто отдает мне всего себя, пока я торможу.

Того, с чьей потерей я не смирюсь. Никогда.

Он тот, кто всегда идет со мной рука об руку. Молча. Стойко. Без исключений. Без ожиданий.

Все еще переводя дыхание, он признается:

— Я люблю тебя, Лебедь, — прижимается полными губами к моему лбу, крепко обнимая меня. — Не думаю, что ты понимаешь, насколько глубока моя любовь к тебе.

— Думаю, понимаю, — шепчу в его потную грудь, и действительно понимаю.

Нет никакой ошибки, когда он вошел на кухню. Два человека, которые все еще слишком заботятся друг о друге, учитывая тот факт, что они оба женаты на других. Эта связь была моим предложением ему. Моя самоотверженность. Но опять же, с моей стороны все было не так. Для меня это было не меньше, чем для него. Может быть, даже больше. Это был еще один способ искоренить этот яд, заражающий наши отношения, наше будущее. Чтобы

освободить место для нашей любви. Он дает мне то, о чем я не имею права просить у него. Он дает это бесплатно. И я чертовски люблю его за это.

— Я люблю тебя, Кэл.

И я имею это ввиду. Действительно люблю его. И хотя я говорю ему эти слова бесчисленное количество раз на протяжении многих лет, то, как сказала их сейчас, не похоже на то, как я произносила их когда-либо раньше.

И по реакции Кэла это заметно.

— Боже, Маверик, — его голос надламывается. Его руки сжимают меня, пока мне не становится нечем дышать. Клянусь, его тело дрожит.

— Я... — хочу сказать, что мне жаль. За все. За потерянные годы. За то, что ранила его. За то, что любила Киллиана. За все мои неудачи и недостатки как друга, как жены. Но я не хочу испортить нежный момент, который мы еще не пережили как настоящая пара, поэтому довольствуюсь еще одним «Я люблю тебя» и надеюсь, что он услышит слабое скрытое извинение, которое я ему вместо этого приношу.

Когда Кэл отступает, обнимает мое лицо и наклоняется к моему рту, я вижу все, что он хочет, чтобы я увидела.

Понимание.

Преданность.

Прощение.

Нас: навсегда.

Так было всегда.

Когда его губы сливаются с моими губами, я почти не сомневаюсь, что это бешено бьется в центре моей груди. В глубине живота.

Я влюбляюсь в своего мужа.

Глава 12

Маверик

Десять месяцев назад

В какой-то момент своей жизни я была увлечена, охвачена похотью, влюблена или просто одержима Киллианом Шепардом. Сложно объяснить, как трудно отключить чувства, которые испытываешь к одному и тому же человеку в течение двадцати с лишним лет. Это похоже на кран, который не можешь закрыть. И, даже если ты попытаешься, все равно останется эта медленная струйка, которую ты не сможешь перекрыть. Он там, постоянно на заднем плане. В конце концов, я думаю, ты просто учишься отключаться от медленного, раздражающего капания. По крайней мере, по большей части. Но иногда звук капель — все, что ты слышишь. Все, на чем ты можешь сосредоточиться. Это все поглощает, пока не сделает тебя невротиком.

Как сейчас.

Кэл уехал из города по делам, и я остаюсь одна, чтобы предаться воспоминаниям. И по какой-то причине я возвращаюсь к тому времени, когда Киллиан находит меня в грузовике Робби Римса. Насколько я знаю, Кэл так ничего и не узнал, и за это я благодарна. Это был не мой звездный час.

Мой семнадцатый день рождения. Кэл учился в колледже, а Киллиан работал у моего отца. За две недели до начала занятий мои друзья по своей бесконечной мудрости решили устроить мне вечеринку с пивом, чтобы отпраздновать не только мой день рождения, но и начало нашего выпускного года.

Отец Кимми Римс был фермером, и она имела доступ к нескольким заброшенным зерновым бункерам в сельской местности, а также к старшему брату Робби, который был слишком счастлив заполучить группу несовершеннолетних с тринадцатью галлонами самого дешевого пива, известного человечеству. Тем более, что он был влюблен в меня.

— Какую специализацию ты будешь изучать в следующем году? — невинно спрашивает Робби, протягивая мне бутылку воды. Я открываю ее и делаю глоток, прежде чем ответить.

— Двойную. Бизнес и финансы.

Он вытирает несколько случайных капель, упавших мне на ногу. Его большой палец задерживается. Я позволяю этому случиться, приоткрыв губы, чтобы глотнуть воздуха. Он подбирается к моей короткой юбке и проводит по коже прямо под подолом. Я вздрагиваю, когда он приближается к внутренней стороне моего бедра.

Прикрыв глаза, он берет у меня воду, закрывает ее крышкой и отставляет в сторону. Мы ложимся на траву. Небо темное. Звезды начинают появляться одна за другой. А Робби Римс просто вкладывает свою руку в мою. У меня гудит голова. Мой разум затуманен от всего выпитого пива. Я слышу, как он поворачивает ко мне голову и делаю то же самое. Его глаза сверкают в лунном свете. Они красивые.

— Я всегда знал, что ты умная, Маверик.

Я позволяю себе улыбнуться.

— Спасибо, Робби.

Время идет. Мы пьем еще. Говорим. Флиртуем. Люди начинают объединяться в пары и исчезать. Толпа редет. Мой желудок сводит. В ушах звенит. Затем Робби губами касается моих, и я целую его в ответ. Он рукой обхватывает мою грудь, и я позволяю ему. Следующее, что помню, это то, что я нахожусь в грузовике Робби. Шорты расстегнуты. Бюстгальтер тоже и задрался. Его голодный рот ласкает мою грудь, а нетерпеливые пальцы двигаются между моих ног.

Я не уверена, что, черт возьми, делаю, но знаю, что это не должно быть так. Почему мне кажется, что я иду по улице с односторонним движением, из которой на многие мили нет выходов?

Я нахожусь на грани нерешительности, но колеблюсь всего несколько секунд, прежде чем мой мозг затуманивается от невероятного удовольствия, которое Робби заставляет меня чувствовать. Я погружаюсь в это, а потом, в одну минуту Робби рядом, доводя мое тело до новых высот, а в следующую его уже нет.

А затем меня поднимают сильные руки. Я замечаю, что Робби Римс лежит на земле, из его носа и рта течет кровь. Ошеломленный. Злой. Но он не делает ни малейшего движения, чтобы заполучить меня. Говнюк.

Клянусь, чей-то голос бормочет:

— Я держу тебя.

Меня осторожно опускают в машину. Я чувствую, как мои шорты снова застегиваются, блузка стягивается вниз. Ремень безопасности застегивается на моей груди. Мне требуется еще пара секунд, чтобы стряхнуть с себя пелену похоти и алкоголя, но в ту минуту, когда мы едем по темной пыльной дороге, я понимаю.

— Какого черта, Киллиан.

— Ничего. Не. Говори. Прямо. Сейчас. — Его команда ровная, обдуманная.

Бескомпромиссная. Я открываю рот, чтобы сказать что-то еще, но, когда он поворачивает ко мне голову и пронзает меня взглядом, который выражает не что иное, как ярость, я закрываю его.

Думаю, сейчас не время.

Двадцать минут спустя мы тормозим и сворачиваем на парковку начальной школы. Уже темно. Безлюдно. Жутко.

— Что мы здесь делаем?

— Вопросы задаю я, — цедит он сквозь зубы.

— Как ты меня нашел? — он игнорирует меня весь день, именно в мой день рождения из всех дней, но возникает из ниоткуда, когда я с другим парнем? Какого черта?

— Я сказал, — он поворачивается на своем месте, — я задаю вопросы.

— Ты мне не отец, Киллиан. Я могу о себе позаботиться.

— В смысле забеременеть? — рычит он. Глаза у него дикие. Он крепко сжимает челюсти. Я никогда не видела его таким сердитым. Никогда.

Меня охватывает стыд, и мой кайф начинает ослабевать. Начинается головная боль. Желудок скручивается. Я никак не могу объяснить ему, почему позволяю Робби Римсу оказаться на ничейной территории моего тела. Что мне больно, и я веду себя так, потому что он еще не позвонил мне сегодня. Что все это время я представляю себе, что это был он.

Я тянусь к дверной ручке, покончив с ним. И с этим разговором. Я пройду полмили домой пешком, даже если будет темно и страшно, а животные могут выбежать из канавы. Половина меня снаружи машины, а другая половина все еще внутри, когда меня отбрасывает назад и перекидывает через консоль его салона. Мое бедро задевает переключатель скоростей. Затем я оказываюсь у него на коленях, растянувшись на нем, его эрекция упирается в мой центр.

— Скажи мне, какого черта ты делала, — требует он, грудь вздымается, тон жесткий, а в глазах... не знаю. Может быть, желание?

Мы так близко, дышим воздухом друг друга. Может быть, думаем о том же самом. Киллиан и раньше обнимал меня, но никогда так. Никогда собственнически, как будто я принадлежу ему.

Ничего не могу с собой поделат. Не знаю, то ли от алкоголя, то ли от феромонов, но я двигаю тазом взад-вперед, потираясь о что-то толстое и длинное. Он стонет. Его глаза закрываются, словно от боли. Он делает глубокий вдох и задерживает дыхание, прежде чем выдохнуть. Когда его ладони опускаются на мои бедра, они твердые, но не останавливают меня, поэтому я продолжаю.

Затем его глаза открываются, ловя мои. И когда они это делают, я знаю, что мне ничего не мерещится. Он хочет меня. Святые блинчики, меня хочет Киллиан Шепард. И когда он выдыхает мое имя, как будто возносит молитву во время воскресной мессы, я совершенно теряю голову. Все мои подростковые гормоны выходят на волю.

Я прижимаюсь своим ртом к его. Он мне позволяет. Застонав, он разрешает своему языку познакомиться с моим. Интимно. Основательно. Он сладкий на вкус. Как бренди моего отца. Теплая рука касается моей щеки, и я теряюсь. Думаю, что он теряет вместе со мной, потому что его таз движется вместе с моим. Я уже приближаюсь к оргазму... реальному, намного лучше воображаемого. Но затем его рот замедляется. И он отстраняется. Выглядит измученным. Разбитым. Может быть, раскаявшимся. Рука,

обжигаящая мое бедро, сжимается, сигнализируя мне остановиться.

Я перестану дышать. И он тоже.

— Что случилось? — спрашиваю я. Больше похоже на писк.

Его руки обхватывают меня и крепко сжимают, так что я вынуждена либо уткнуться лицом в изгиб его шеи, либо задохнуться в подголовнике. Это очевидный выбор.

— Что случилось? — снова бормочу я, смущенная тем, почему моя одежда еще не наполовину снята.

Не говоря ни слова, он открывает дверь и высовывает ноги. Затем встает, и я цепляюсь за него, не готовая к тому, что это закончится. Он обходит машину, открывает дверцу и сажает меня на пассажирское сиденье. После того, как он пристегивает меня и закрывает дверь, стоит там, наверное, целую минуту, прежде чем врезать кулаком в сталь надо мной, заставляя меня подпрыгнуть.

А потом он снова внутри, заводит машину, а я сижу ошеломленная. Он едет медленно, осторожно. В полном контрасте с напряжением, которое я сейчас чувствую, обрушивающимся на меня с его стороны машины. Подъезжая к моему дому, он оставляет двигатель включенным и ровным голосом говорит:

— Прими аспирин и выпей стакан воды перед сном. Гаторейд утром. Я уже говорил с твоим отцом. Он прикроет...

— Что ты сделал?

— Маверик, — отчитывает он. — Ты понятия не имеешь...

— Ты не имел права, Киллиан.

— Я имею полное право! — его рев пугает меня, и я вжимаюсь в дверцу, впервые в жизни испугавшись его. — Ты чуть не позволила этому ублюдку... — он останавливается, берет себя в руки и хрипло произносит. — Тебе семнадцать гребаных подростковых лет, Маверик. Ты эмоционально незрелая и понятия не имеешь, чего хочешь.

Он часто дышит. Костяшки его пальцев, обхвативших руль, побелели, как воск, расплавленный на солнце.

— Ты ошибаешься, — тихо говорю я ему. — Я точно знаю, чего хочу. — Когда он ничего не говорит, я добавляю. — Тебя, Киллиан. Я хочу тебя.

Он не смотрит на меня. Долгое время смотрит прямо перед собой, медленно моргая. Его грудь расширяется и сжимается, но дыхание меняется. Оно все еще быстрое, хотя уже не от гнева. Это от желания. Может быть, мне всего семнадцать гребаных подростковых лет, но даже я знаю разницу. Вот каким он был всего несколько минут назад, когда его язык был у меня в горле.

Наконец, он смотрит на меня. Мы просто смотрим друг на друга. Я жду, что он что-нибудь сделает, скажет, но он просто сглатывает. Когда Киллиан открывает рот, то только для того, чтобы уничтожить меня.

— Ты слишком молода, Маверик.

Я бросаю свой вызывающий взгляд на его джинсы, которые все еще натянуты.

— Ты хочешь меня.

Он убирает руку с руля на колени, прикрывая улики.

— Иди спать, — прямо отвечает он, как будто только его мнение имеет значение. Наше противостояние длится так много ударов сердца, что я сбиваюсь со счета. И я знаю, что теряю его еще до того, как он у меня появился.

— Тебе следовало оставить меня с Робби Римсом. По крайней мере, у него хватило

смелости взять то, что он хотел.

Потом я открываю дверь и не оборачиваюсь, даже когда он кричит:

— Если Робби Римс еще раз тронет тебя хоть пальцем, то умрет. Помни об этом в следующий раз, когда напьешься и захочешь вести себя как ребенок.

В ту ночь я чуть не приняла худшее решение в своей жизни, позволив Робби забрать у меня то, что я отчаянно хотела подарить Киллиану. Но я была пьяна. Робби хотел меня. Киллиан — нет. По крайней мере, так я думала в то время.

Но на следующее утро, справляясь с похмельем, я осознала, что какой бы безумной, униженной и растерянной я ни была той ночью, Киллиан спас меня от огромной ошибки.

Киллиан должен был стать моим первым. Моим единственным. Вместо этого, после той ночи он отказывался даже признавать мое существование, пока годы спустя мы не стали слишком большим, чтобы это игнорировать.

Проклятый подтекающий кран, который является постоянным эхом, становится все громче и раздражает, и, прежде чем я понимаю, что делаю, стою на коленях в своем шкафу, волокна ковра впиваются в мои голые колени. Коробка, к которой я поклялась никогда больше не прикасаться, у меня в руке. Крышка снята. Содержимое прошлого смотрит на меня.

Поздравительные открытки. Рисунок «Выздоровливай», когда я сломала ногу. Одинокая барабанная палочка времен «ДеШепса», подписанная всеми нами четверыми.

Из-под всего этого выглядывает простой гладкий черный камень, который он подарил мне после смерти моей песчанки. И сказал мне, что не хочет видеть, как я плачу над еще одним потерянным домашним животным. Он заставил меня назвать его Уилсоном, в честь дурацкого волейбольного мяча бренда «Cast Away». Я держала его у кровати до дня объявления о своей помолвке с Джилли.

Я легонько касаюсь пальцами короны из одуванчиков, лежащей сверху, увядшей и ломкой. Высохшие, почерневшие стебли, корни и листья отламываются и разлетаются повсюду. Голос Киллиана доносится из глубины лет, как будто этот момент происходит заново в реальном времени.

— Для тебя, Мелкая. — Его низкий голос скользит по мне, заставляя мой живот чувствовать себя странно.

— А это что такое? — я верчу в руках плетеную корону. Она оставляет на моих пальцах тот острый запах травы, который большинство людей ненавидят. Только не я. Мне это нравится.

— Подарок на день рождения, конечно.

Это был мой тринадцатый день рождения. Помню, поначалу я расстроилась, что он сделал мне корону из одуванчиков. Это был детский подарок, не для подростка, но каким-то образом тот факт, что он сделал его своими руками, думая обо мне, потому что знал, как сильно я люблю одуванчики, избавил меня от этого расстройства.

Пожелтевший, скрученный листок бумаги привлекает мое внимание. Я осторожно отодвигаю содержимое, чтобы захватить кончик предсказания, которое Киллиан дал мне перед самым отъездом в колледж: **«Тот, кого ты любишь, ближе, чем ты думаешь».**

В то время я думала, что это знак того, что мы созданы друг для друга, он и я. Что он любит меня так же сильно, как я люблю его, но он просто еще не мог мне этого сказать. Теперь я задаюсь вопросом, не было ли это пророчеством в совершенно странном смысле.

Что тот, кого я действительно должна любить, всегда прятался на виду. *Ближе, чем ты думаешь.*

Кэл.

Я смотрю на коробку с древней историей о другом человеке. Воспоминания обрушиваются на меня черным дождем. Часть меня оплакивает множество планов, потерянных сейчас в этом крошечном картонном убежище размером пятнадцать на тридцать семь сантиметров. Остальная часть меня почти апатична, наконец принимая, что будущее никогда не было нашим.

Звонок мобильного переносит меня, брыкающуюся и кричащую, из прошлого в настоящее. Это мой муж. Человек, о котором я *должна* думать, а не тот, кто продолжает мучить меня.

Кап.

Кап.

Гребанный кран.

На втором звонке я снова закрываю крышку, удивляясь, почему не могу просто отпустить эти болезненные воспоминания. Я знаю, что мне нужно это сделать. Это приведет к разрыву еще одной нити, связывающей нас с Киллианом. Но мысль о том, чтобы навсегда избавиться от остатков нашей истории, которая была хорошей, ранит мое сердце до боли. Поэтому я прячу своих призраков обратно и спешу схватить телефон в самый последний момент.

— Ты, кажется, запыхалась, — раздается хриплый голос Кэла на другом конце провода.

— Да, я была в ванной. Извини. — Моя совесть грызет меня за ложь. Одна из причин, по которой я не хотела, чтобы Кэл уезжал из города, заключается в том, что слишком много времени в одиночестве, не самое подходящее для меня сейчас. Это заставляет меня слишком много думать... вспоминать вещи, которые я должна забыть вместо этого.

— Не страшно. Как прошел твой день?

Я снова устраиваюсь на кровати, кладу голову на подушку.

— Ты уверен, что хочешь знать?

— Не спрашивал бы, если бы не хотел, детка.

Постепенно я позволяю своим мышцам расслабиться, желая, чтобы мой разум вернулся в настоящее. Прежде чем начать, я делаю глубокий вдох.

— Ну, коровы Уэсли Харви каким-то образом вырвались на свободу. Перекрыли шоссе № 28 на три часа, пока их всех не удалось снова собрать.

Он усмехается. Это успокаивает. Просто звук его голоса, кажется, исправляет ошибки внутри меня.

— Жаль, что я это пропустил. Что еще.

— Я слышала, что Абигейл Лемонт перевезли в хоспис. — Эбигейл, мать-одиночка троих детей, у которой всего три месяца назад обнаружили рак поджелудочной железы. Она умрет, оставив троих подростков без родителей. Это трагично.

— О, мне очень жаль это слышать, Лебедь. Я знаю, как она тебе нравится.

— Ненавижу, когда плохие вещи случаются с хорошими людьми.

— Вот почему мы должны жить настоящим моментом, верно?

— Да, — тихо соглашаюсь я.

Я пытаюсь, хочется сказать ему. Это трудно, и иногда я соскальзываю назад, но пытаюсь. Пожалуйста, не отказывайся от меня.

— Итак, как я могу подбодрить тебя? Сегодня случилось что-нибудь хорошее?

Боже, я так сильно люблю этого человека. Он неустанно работает над тем, чтобы я была только счастлива. Хотела бы я его заслужить. Накручивая нитку на кончик пальца, я отвечаю.

— Хм... Я выиграла пять долларов в лотерею.

Я слышу улыбку на его лице, когда он поддразнивает.

— Ты азартный игрок. Не трать все это в одном месте.

И вот так он заставляет меня чувствовать себя лучше.

— Жаль, что «У Тасты» не работает. Мы могли бы потратить все это на пончики. Ели бы до тошноты.

Поскольку сейчас середина октября, наше любимое детское убежище закрыто.

— У меня из-за тебя слюнки текут, — стонет он.

— В самом деле? — я понижаю голос, надеюсь, что это звучит знойно. — Что еще я могу сделать, чтобы у тебя потекли слюнки?

— Черт, Лебедь. Даже не представляешь, как сильно ты меня только что завела.

Я смеюсь, глубже зарываясь головой в подушку.

— Расскажи мне.

— Зачем? Ты хочешь, чтобы я кончил, пока ты слушаешь?

Фух. Здесь вдруг стало жарко?

Я дергаю себя за футболку, чтобы немного проветрить.

— Нет. Я бы хотела посмотреть, — парирую я. Это звучит немного хрипло. Ладно, очень хрипло.

— Значит, ты хочешь, чтобы я переключил разговор на ФейсТайм?

— А ты бы это сделал?

Он издает длинное, глубокое рычание, которое заставило бы меня раздеться, если бы он был дома.

— Ты очень непослушная девочка, знаешь это?

Да, здесь определенно жарко.

Моя кожа покраснела, и я очень влажная между бедер.

— Думала, что тебе это нравится, — поддразниваю я.

— Не нравится. — Я уже готова бросить ему вызов, когда он добавляет. — Я это чертовски люблю. — Небольшая пауза, прежде чем он говорит. — Господи, я скучаю по тебе, Мавс.

Мягкость этих последних слов отрезвляет меня.

— Я тоже скучаю по тебе, Кэл, — шепчу я искренне.

Потребовались недели, чтобы привыкнуть к тому, что он здесь изо дня в день. А теперь его нет всего на одну ночь, и в этом старом доме сквозит холодом и одиночеством. Он уехал только сегодня утром, но я уже скучаю по нему. Больше, чем могу предположить.

— В котором часу ты завтра будешь дома?

— Я приеду домой сразу после совещания. Буду там к тому времени, как ты закончишь в пекарне. Как это звучит?

— Тебе не нужно сначала заехать в офис?

— Имел я этот офис.

— Лучше бы ты поймел меня, — возражаю я.

Его смешок мрачный. Даже немного злой.

— Думаю, это можно устроить.

— Ты будешь голый, готовый и ожидающий, чтобы я оседлала тебя, когда войду в парадную дверь?

— Черт, Мавс, — тяжело дышит он. — Если миледи хочет именно этого, то с моей стороны было бы не слишком по-рыцарски отказать ей, не так ли?

Я улыбаюсь.

— Мой рыцарь в сияющих доспехах?

— В начищенных до блеска и все такое.

Мы смеемся и разговариваем еще несколько минут, прежде чем он говорит мне.

— Как бы сильно я этого не хотел, но должен бежать, детка. Через тридцать минут у меня деловой ужин, а мне еще нужно быстро принять душ.

Звонок в дверь раздается как раз в тот момент, когда я неохотно говорю.

— Ладно.

— Я напишу тебе позже, хорошо?

— Ты сделаешь это грязно? — спрашиваю я.

Он заливается смехом.

— О да. Это будет так грязно, что тебе потом понадобится душ.

Это сексуальное обещание разжигает небольшой огонь между моими бедрами. Позже не может наступить достаточно скоро.

— Не могу дождаться. Я люблю тебя, Кэл.

— И я никогда не приму этот дар как должное, Маверик. Никогда. Ты ведь знаешь, что дала мне все, о чем я когда-либо мечтал?

Чувство вины колет меня. Я смиряюсь с тем, что так может быть всегда.

— Знаю, — тихо отвечаю я.

Я чувствую себя на расстоянии светового года от того места, где была совсем недавно. Мне хорошо и тепло во всем теле, и я не хочу, чтобы это чувство заканчивалось. Хочу умолять его отмахнуться от ужина и провести остаток ночи на телефоне, как мы привыкли, чтобы я оставалась заземленной в сегодняшнем дне, а не потерялась в прошлом. Но у него есть обязательства, и я должна их уважать.

— Увидимся завтра.

— Отсчитываю секунды, Лебедь.

— Я тоже.

Я нажимаю кнопку отбоя, когда нетерпеливый звонок во второй раз разносится по дому. Сев, я рассматриваю свою потрепанную футболку «Соколиный глаз» и черные хлопчатобумажные шорты, знававшие лучшие дни. Я подумываю не отвечать. Я не очень общительна. Все, чего я хочу — это свернуться калачиком с бокалом вина и хорошей книгой и позволить этому чувству удовлетворения остаться. Я лежу еще несколько секунд, думая, что мой незванный гость, должно быть, понимает намек, когда звонок звонит в третий раз.

— Черт возьми, — бормочу я, спрыгивая с кровати и направляясь к лестнице. Двадцать секунд спустя, чувствуя себя немного угрюмой, я распахиваю дверь, даже не потрудившись проверить, кто находится по другую сторону. Грубая ошибка, осознаю я, когда мои глаза останавливаются на слишком хорошо знакомых. Тех, которые Кэл мастерски заставил меня забыть за последние тридцать минут.

— Привет, — говорит Киллиан. Его улыбка легкая и искренняя. Мой живот трепещет. Я снова возвращаюсь во времена, когда мне было тринадцать и он дал мне эти дурацкие

одуванчики.

Блядь.

Дерьмо.

Один крошечный шаг вперед, пять гигантских назад.

Черт возьми... почему он здесь?

— Привет, — спокойно отвечаю я.

Я не двигаюсь. Не предлагаю ему войти. Просто стою и жду. Он смотрит мимо меня, потом обратно.

— Можно мне войти? У меня есть кое-что для Кэла. — В поле моего зрения попадает конверт из плотной бумаги, когда он поднимает его и встряхивает, словно доказывая, что не лжет.

— Его нет в городе.

Его брови на мгновение хмурятся, прежде чем снова разглаживаются. Я изучаю его. *Неужели он действительно не знает, что Кэл уехал по делам?* Они работают в одном и том же месте, через несколько дверей друг от друга.

Нет. Конечно, он знает. Это еще одна из его уловок. Саботаж Маверик, пока Кэла нет.

Мой гнев вспыхивает.

Эгоистичный, гребанный ублюдок.

— А где он сейчас? — спрашивает он, проскальзывая мимо меня, не дожидаясь приглашения.

— Конечно, не стесняйся, — бормочу я себе под нос.

Оглядываясь через плечо, он приподнимает уголок рта.

Он услышал меня. Неважно.

Я следую за ним за угол на кухню. Неохотно. Искренне желая, чтобы его здесь не было. И просто слегка волнуюсь, что он здесь. И что мы одни. И можем быть одни... всю... ночь... если этого хотим.

Святая Мария... Ему нужно уйти.

— Отдай мне, — язвительно говорю я, протягивая руку. — Я отнесу его в кабинет. Что-нибудь еще?

Его глаза скользят между моими и раскрытой ладонью. Он сжимает конверт, возможно, думая, что если отдаст его, то потеряет свою козырную карту. Так что он этого не делает. Он не скрывает, что осматривает каждый дюйм моего тела. Это медленное, обдуманное чтение. От растрепанных волос до бледно-розовых покрашенных ногтей на ногах. Когда его взгляд, теперь горячий и страстный, снова возвращается к моему, его голос звучит как чистый гравий.

— Ты не ответила на мой вопрос.

Я скрещиваю руки на груди, пытаюсь спрятать свои затвердевшие соски и унять разливающийся по мне румянец. Я начинаю жевать губу, беспокойно постукивая ногой.

— Он в Миннеаполисе. А что?

— Миннеаполис, — повторяет он, скорее обращаясь к самому себе. Его глаза на несколько секунд теряют фокус, прежде чем он качает головой.

— Что такое? — спрашиваю я, мгновенно волнуясь.

— Ничего. — Он отвечает быстро, но интонация выдает его.

Он действительно не знал.

— Ты не знал об этой поездке?

Покачивая головой, он отвечает.

— Наверное, твой отец послал его сделать что-то. — Он в замешательстве и изо всех сил старается это скрыть.

А теперь все, что я хочу сделать, это перезвонить Кэлу и разузнать, чем он на самом деле занимается. Он сказал мне, что собирается проработать детали контракта Национальной гвардии Миннесоты. Сказал что-то о государственном финансировании сноса нескольких старых зданий, находящихся в аварийном состоянии, и восстановлении инфраструктуры. Мне эта поездка изначально кажется странной, так как он редко ездит по работе, но он сказал, что есть некоторые тонкости, с которыми им нужно разобраться лично, а не по телефону. Но если бы это было так, Киллиан бы знал. Киллиан участвует в каждой сделке, как и Кэл.

А он явно не знает.

Я решаю разобраться с Кэлом отдельно, не давая Киллиану знать, что Кэл очевидно держит что-то в секрете от нас обоих. Последнее, что мне нужно, это чтобы Киллиан ухватился за это и использовал как клин между нами, делая из мухи слона из чего-то, что наверняка имеет разумное объяснение.

— Наверное. Так ты все еще хочешь оставить это? — я указываю на бумаги, которые он держит в заложниках.

Эта чертова ухмылка возвращается.

— Ты пытаешься выпроводить меня отсюда, Мелкая?

Мои плечи, брови и уголки рта приподнимаются одновременно.

— А ты догадливый.

Когда он смеется, я не могу не присоединиться к нему. Нарастающее напряжение спадает. В основном. Я решаю, что между нами всегда будет немного неловкости. Из-за того, что когда-то было, но больше нет, и никогда не может быть снова.

— Пиво есть?

Я напрягаюсь. Он замечает.

— Это всего лишь пиво, Маверик. Просто пиво.

Я стою в нерешительности. Быть с ним здесь, когда Кэла нет, не очень хорошая идея. Не сейчас. Наверное, никогда. Но, с другой стороны, глупо думать, что в нашей жизни никогда не будет времени, когда мы не будем наедине. Мы должны начать с этим бороться. По-взрослому. Без искушения согрешить.

Так что это тест, который я планирую пройти.

— Ладно. — Я достаю из холодильника две «Микелоб Ультра» и протягиваю ему одну, осторожно выпуская бутылку, прежде чем его пальцы успевают коснуться моих. Из-за спешки она чуть не падает на пол, но Киллиан вовремя ее ловит. Он ухмыляется, точно зная, что я делаю. Я снова пожимаю плечами и улыбаюсь в ответ.

— Можно мне присесть, или нужно выпить и уйти? — дразняще спрашивает он.

— Зависит от того, насколько ты хочешь пить, — мягко поддразниваю я.

Он не садится. Вместо этого откручивает крышку и подносит бутылку к губам, делая большой глоток. Он наблюдает за мной, и я пытаюсь заставить себя не замечать, как двигается его горло, когда он глотает. Или как мне вдруг становится жарко. Я беру свой напиток и делаю глоток, разрывая зрительный контакт.

— Это то, о чем я думаю? — его взгляд блуждает по стойке, где стоит тарелка печенья с

орехом макадамия. Это любимое блюдо Кэла. И Киллиана тоже.

— Да, сэр.

Его глаза вспыхивают. *Дерьмо*. Неудачный выбор слов. Ясно, что я отстой в тестах.

Собравшись с духом, я делаю мысленную пометку воздержаться от повторения этих слов, когда поворачиваюсь. Не сводя глаз с бутылки пива, я протягиваю ему печенье, которое он молча берет. Он ставит тарелку на кухонный стол и хватает одну.

Никто из нас не произносит ни слова. Кажется, что это минуты, но, вероятно, всего несколько секунд.

— Между нами всегда будет такая неловкость? — нарушает тишину Киллиан.

Смирение.

Я слышу это. Оно слабое, но есть. Это первый раз, когда он признает, что между нами все кончено, и, хотя я знаю это и даже хочу этого большую часть времени, это больше, чем я думаю.

— Надеюсь, что нет, — с трудом выговариваю я.

— Ненавижу это.

— Я тоже.

Киллиан зажимает печенье зубами и выходит из кухни. Я думаю, что, может быть, он уходит, не попрощавшись, но он идет через гостиную к большому эркеру, который выходит на задний двор и круглое крыльцо.

Пока он стоит там, наслаждаясь своим угощением, я не могу удержаться от воспоминания, что фантазировала именно об этом моменте, когда покупала этот дом. Когда увидела это место у окна, куда проникает раннее утреннее солнце и обеспечивает почти полное уединение от наших соседей, я представляла себе Киллиана, читающего мне там. Занимающегося со мной любовью там. Нас, создающих нашего первого ребенка поверх этих толстых подушек.

Но этого не произойдет. В глубине души я знала, что этого не случится, когда покупала дом. Киллиан тогда уже был женат на Джилли. Мне кажется, что за полтора года, прошедшие с тех пор, как я впервые вошла в эту парадную дверь, я постарела на целую жизнь. И теперь, увидев там Киллиана, я понимаю, как далеко удалось зайти за последние несколько месяцев, потому что вместо того, чтобы желать, чтобы он был тем, кто исполнит мои фантазии, я теперь думаю о том, чтобы это сделал Кэл.

Я делаю еще одну мысленную пометку.

Заставить Кэла трахнуть меня именно на том месте, где сейчас стоит Киллиан. Мне нужно стереть его из каждой части меня, включая мои угасающие сны.

— Помнишь тот вечер, когда я застал тебя с Робби Римсом?

Какого черта?

— Как я могла забыть? — и я на самом деле не забыла. *Как раз* думала об этом меньше часа назад.

— Я хотел убить его, — продолжает он, все еще глядя в окно. — За то, что его гребаный рот был на тебе. За то, что прикоснулся к тому, что является моим.

— Я не была твоей. — Ненавижу тот факт, что мой голос срывается. — Ты даже сказал это той ночью. Я была *слишком молода*, помнишь?

Он смотрит на меня. Заглядывает в меня. Глубоко внутрь, где я не могу скрыть чувства к нему, которые тщетно пытаюсь спрятать подальше.

— Ты *была* слишком молода. Всегда слишком чертовски молода.

Мой рот опускается.

— Думаю, мы — классическая романтическая трагедия. — Это звучит так, как будто я принижаю то, что у нас было. Это не так, но я не знаю, что еще сказать. Облизываю губы. Его взгляд следует за этим движением. — Киллиан, — выдыхаю я, внезапно чувствуя себя неуютно оттого, что мы одни. — Это бессмысленно. Что сделано, то сделано.

Он поворачивается ко мне, но не приближается. Печенье исчезает. Как и пиво. Словно готовясь к битве, он встает во весь рост и спрашивает меня.

— Что, если все это, — он обводит рукой комнату, — можно отменить?

Я устала. Так чертовски устала от этого, снова и снова. Это вызывает у меня головокружение и тошноту. У меня подгибаются колени, и я прислоняюсь задом к спинке дивана. Смотрю в пол, изучая истертый паркет под босыми ногами. Он оригинальный. Ему почти сто лет. Потертый, но в хорошем состоянии. Однако его нужно перекрасить. Я поговорю об этом с Кэлом, когда он вернется домой. Я должна сделать это до того, как переехала сюда, но мне не терпелось вырваться из-под отцовского каблука.

— Маверик, посмотри на меня.

Я отказываюсь повиноваться. Не в этот раз. Мне не следовало впускать его. Давать ему пиво. Нужно сказать ему, чтобы он подавился этой гребаной печенькой. *Черт.*

— А что, если я не хочу, чтобы это было отменено? — спрашиваю я, не глядя на него.

Если бы прямо сейчас мне было дано одно желание, использовала бы я его для этого? Вернулась бы и сделала бы Киллиана своим, стерев все страдания, через которые мы оба прошли? Неужели я предпочту оставить то, что строю вместе с Кэлом, ему? Три месяца назад я бы сказала «да». Однозначно. А сейчас? Этот ответ не так очевиден.

— Ты не это имеешь в виду.

Я перевожу взгляд на него.

— Почему ты женился на Джиллиан? И на этот раз никакого дерьма. Все, что ты когда-либо давал мне — это дерьмовые ответы. Я хочу настоящего. Правду. Ты ее любишь? Всегда любил ее? То, что у нас было — было реальным?

На его лице появляется ироничное выражение. Всякий раз, когда я спрашивала его об этом раньше, он оставался совершенно бесстрастным. Как гребаный резной кусок мрамора. Но теперь он действительно позволяет эмоциям просачиваться наружу.

— У меня никогда не было ничего более реального, чем то, что происходило с тобой. Ты настолько реальна, насколько это возможно, Маверик.

— Тогда почему? — я умоляю. — Почему ты бросил меня? Ради *нее*, из всех людей? — меня бы убило, если бы я увидела, как он разгуливает с кем-то другим, с кем угодно, но я бы скорее отгрызла себе руку, чем позволила ему быть с *ней*.

Он садится.

— Не надо, — рявкаю я. — Не садись. Не устраивайся поудобнее. Не делай ничего, только ответь. Блять. На вопрос.

— Который из них? — его рот дергается.

Он хочет выкрутиться. Что ж, он этого не получит. У него было более двух с половиной лет на это.

— На все. — Он не отвечает. Как и каждый раз раньше. Я уже вижу это в его глазах.

Он поднимает конверт, который бросил ранее на каминную полку. Тот немного сминается, когда он сжимает кулак.

— Не все так, как кажется, Маверик.

Еще больше вонючего бычьего дерьма. Я толкаюсь, чтобы встать и покончить с ним.

— Тебе нужно уйти, Шеп.

Он прожигает меня глазами.

— Я серьезно. Ты думаешь, что хочешь получить ответы, но иногда именно правда уничтожает, Мелкая, а не ложь. Я пытался защитить тебя всю свою жизнь, и это... Мне жаль, что я не смог защитить тебя от этого.

— Это ложь. Ты водил меня за нос всю мою жизнь. Держал на своем крючке, пока трахал других женщин, включая мою сестру. Ты сказал, что покончил с моим отцом, но вернулся из Флориды помолвленный и на две ступеньки выше по служебной лестнице. Господи, какой же я была наивной, когда не понимала, что ты делаешь. Ты не мог получить от меня то, что хотел, потому что мой отец не одобрил бы этого, поэтому ты перешел к дочери, которая могла бы это сделать.

Его челюсть напрягается вместе с каждым мускулом тела.

— Ты глубоко ошибаешься.

— Скажи мне, что ты не трахал нас с Джилли одновременно?

— Маверик...

Да... Именно так я и думала.

— Скажи мне, что я ошибаюсь, — требую я, чувствуя, как мое лицо краснеет от унижения. — Скажи... мне... что... я... ошибаюсь.

Его голова падает. Теперь он тяжело дышит. У меня болит грудь. Мне хочется плакать.

— Уйди. Пожалуйста. И больше так не делай. Я больше не могу этого делать. Если все так, как ты утверждаешь, то ты меня отпустишь.

Также, как я делаю с тобой.

Наши глаза встречаются, и мои колени слабеют от горя, которое я наблюдаю прямо перед собой, но не могу... просто не могу. Я нахожусь за пределами своей критической точки. По правде говоря, я уже сломлена. Мне нужен кто-то, кто снова соберет меня воедино, а не разорвет на неузнаваемые клочья.

— Пожалуйста, — прошу я, мои глаза наполняются слезами. Его тоже. — Ради меня, Киллиан.

Он сглатывает, долго и тяжело. Если комок в его горле похож на мой, я понимаю. Когда он проходит мимо, то хватает меня за руку и нежно говорит мне в щеку.

— Он никогда не будет любить тебя так, как я.

Его губы прижимаются к моей коже. Они теплые, мягкие. Они задерживаются. По моему лицу катится слеза. Я чувствую еще одну и думаю, что это может быть его. Он отпускает меня и идет к входной двери.

— Ты ошибаешься, — с болью говорю я его удаляющейся спине. — Он любит меня больше, чем себя. Хотела бы я сказать то же самое о тебе.

Это обидно. Но так и должно было быть. Мне больно. Ему тоже нужно причинить боль.

Он останавливается. Остается застывшим на несколько долгих мгновений. Его плечи опускаются, но он не оборачивается. Не спорит и не отрицает. Не знаю, как я к этому отношусь. А потом он исчезает. За его спиной тихо щелкает дверь, и не имеет значения, что сейчас только половина девятого. Я поднимаюсь наверх, снимаю с себя одежду и заползаю в постель, слезы текут по моему лицу, сопли забивают нос.

Веревка, которой он привязывает меня, распутывается, нить за нитью. Я слышу, как они рвутся, все быстрее и быстрее. Чувствую жгучий укус каждой из них на моей нежной плоти,

пока они разрываются на части.

Завтра я разорву еще одну. Сожгу эту чертову коробку. Завтра я уничтожу еще больше воспоминаний, притворяясь, что их не существует. Завтра я отпущу еще одну его драгоценную частичку.

Но сегодня... Сегодня я позволяю себе оплакивать завтрашний день.

Глава 13

Девять месяцев и одна неделя назад

Маверик

Я чувствую жадный взгляд с другого конца переполненной комнаты. Его взгляд прожигает, делая меня разгоряченной и нуждающейся. Я прислоняюсь к ближайшей стене, скрещиваю ноги в лодыжках и смотрю на своего мужа. Откровенная манера, с которой он пробирается вверх по моим изгибам, опьяняет. Моя кровь уже гудит не от алкоголя. Только от него. Уголки его губ приподнимаются с обеих сторон в понимающей улыбке, а золотистые глаза сверкают.

— Я хочу тебя, — произносит он одними губами.

— Ты можешь взять меня, — отвечаю я также.

— Господи Иисусе, почему ты не трахнешь его где-нибудь? — Мэри-Лу растягивает слова, садясь рядом со мной. — Он возбуждает даже *меня*, глядя на тебя вот так.

Я подношу коктейль к губам, делая большой глоток.

— Если бы это зависело от меня, мы бы остались дома и смотрели хэллоуинский марафон на ТНТ, как обычно. Но Кэл захотел прийти.

Сегодня Джаред и Марта Маккуин устраивают ежегодную вечеринку в честь Хэллоуина. Кэл — один из ближайших друзей Джареда, а также его личный адвокат. А Джаред — один из немногих в городе, кто не владеет замком или ложей. Это потому, что в свои двадцать девять Маккуины одни из немногих, кому не нужны деньги.

Джареду принадлежит немногим более десяти тысяч акров сельскохозяйственных угодий, которые он унаследовал в возрасте девятнадцати лет после того, как оба его родителя погибли в авиакатастрофе. Он полностью владеет ею. Никаких кредитов. Никаких залогов. Никаких корпоративных конгломератов. А при текущей стоимости земли в 13 000 долларов за акр это делает его самым богатым независимым фермером во всей Айове. Возможно, даже на всем Среднем Западе.

Но кроме совершенно нового дома площадью 650 квадратных метров, в котором мы празднуем в этом году, Маккуины — практичные люди. Джаред до сих пор водит фермерский грузовик своего отца: мятно-зеленую американскую красавицу 1979 года, которую он назвал в честь своей сестры Гейл, которая тоже умерла слишком рано в возрасте одиннадцати лет. Она утонула всего на глубине полуметра, когда нырнула в мелкое озеро и сломала себе шею. Это было ужасно. Гейл была всего на два года моложе меня, когда умерла.

— Спасибо за прошлую неделю, — говорю я, зная, что она понимает, о чем я говорю.

Мэри-Лу берет меня за руку и успокаивающе сжимает ее.

— Не за что.

Она стояла рядом со мной, как обычно, не осуждая, а я смотрела на горящую бочку на ее заднем дворе и трусила. Каждый раз, когда я пытаюсь разорвать прошлое, меня поражает приступ тревоги. Мои отношения с Киллианом, может быть, и разладились, но я просто не могла этого сделать. Еще нет. У меня еще слишком много хороших воспоминаний, которые я

не совсем готова отпустить. Я должна верить, что однажды они перевесят плохие.

Было ли это еще одним неверным решением? Не знаю.

— Ты спрашивала Кэла о Миннеаполисе?

— Нет, — рассеянно говорю я.

Внимание Кэла привлекает Ванесса Хаммер, которая сегодня одета в банальный костюм кролика из Playboy. Уши, хвост и глубокий вырез, демонстрирующий все ее достоинства, кричит: *обрати на меня внимание*. Я слышала истории о том, как она и Кэл встречались. Когда я рассказала об этом Кэлу, его бровь изогнулась, и он спросил, действительно ли мы начинаем эту дискуссию.

— *Встречный удар — это честная игра, Лебедь*, — мрачно произносит он. Я сразу меняю тему.

За все эти годы я никогда не ревновала ни к одной женщине, когда дело касается Кэла. Может быть, не все они мне нравились, но это никогда не было ревностью.

До этой самой секунды.

Хм.

Словно почувствовав, о чем я думаю, Мэри-Лу объявляет громко, чтобы все вокруг могли услышать:

— Я слышала, что в прошлом месяце она сделала неудачную операцию по увеличению груди. Посмотрите на правую по сравнению с левой.

— Мэри-Лу, — отчитываю я, отворачиваясь от Ванессы Хаммер из-за страха, что теперь она смотрит на нас сверху вниз.

— О, перестань.

Она поворачивает мое лицо назад, к Кэлу и Ванессе, удерживая его там. Внимание Ванессы по-прежнему полностью сосредоточено на Кэле. Я сдерживаю желание прокрасться туда и заявить о своих правах, хотя не знаю, зачем.

— Ты видишь это? — шепчет она мне на ухо. Подавив ревность, я сосредотачиваюсь на ее груди. Мне странно любоваться грудью другой женщины, но чем больше мои глаза бегают туда-сюда, тем яснее это становится.

— Боже мой. Вижу.

— Хорошо, теперь, когда мы с этим покончили, почему ты не спросила его?

— Спросила кого? — рассеянно спрашиваю я, полностью поглощенная деформированной левой грудью, к которой теперь прикованы мои глаза. Я наклоняю голову, пытаюсь лучше рассмотреть. Бедная Ванесса Хаммер. Отвлечемся от очевидного. Декольте у нее фантастическое, но посмотри немного ниже и... черт. Даже мягкий бюстгальтер, который она носит, не может сгладить это дерьмо.

— Кэла, — нетерпеливо отвечает она. — И перестань пялиться. Господи.

— Это ты сказала мне посмотреть. — шепчу я.

— Я сказала посмотри, а не пялься. Теперь, в третий раз... почему ты не спросила Кэла о Миннеаполисе?

В конце концов я отрываю свое внимание от груди Ванессы, которая выглядит как неудачный научный эксперимент, и смотрю на Мэри-Лу.

Когда он вернулся на днях домой, я собиралась расспросить Кэла о его путешествии, но он отвлек меня тем, что растянулся на нашей деревянной лестнице. Он небрежно оперся на локти. Ноги расслабленно взгромоздились на две ступеньки ниже.

И он был потрясающе голый. Фантазии каждой девушки воплотились в жизнь прямо

здесь.

Дерзкая ухмылка тронула его губы, когда он поманил меня указательным пальцем. Что остается делать девушке, кроме как воспользоваться этой ситуацией? Мои колени до сих пор покрыты слабыми синяками от того, как сильно я скакала на нем прямо на том месте. Затем он взбил нам яичницу-болтунью с беконом и накормил меня в постели. Все было настолько идеально, что я не хотела все портить. Упоминание Киллиана взорвало бы все на хрен.

— Я решила не делать этого.

— Что? Почему?

Я глубоко дышу. *Как на это ответить?* Мэри-Лу знает, как я расстраиваюсь из-за этого.

— Потому что. Тогда мне придется сказать ему, что пришел Киллиан, и я не знаю, как он отреагирует.

— Но ничего не произошло. — Она щурится. — Или произошло?

— Нет, — быстро отвечаю я. — Ничего не произошло. — Я не сказала ей с двусмысленных замечаниях Киллиана. — Кроме того, я доверяю Кэлу. Если он сказал, что у него деловая встреча, так и было. Если я начну задавать двадцать вопросов, как какая-то параноидальная жена, будет казаться, что я ему не доверяю, а он единственный человек, которому я верю на сто процентов.

— Ауч, — шутит она, толкаясь своим плечом в мое.

— Ты знаешь, что я имею в виду, Мэри-Лу.

— Знаю. И рада. Вы, ребята, продвинулись довольно далеко за короткий промежуток времени. Ты действительно влюбляешься в него, не так ли?

Я снова нахожу Кэла. Теперь его окружают трое парней, он смеется, запрокинув голову, с полупустым пивом в руке. И выглядит великолепно, даже в этих нелепых выбеленных джинсах и золотых цепях. Простая белая футболка, которая на два размера меньше, обтягивает его мускулы как раз таким образом, чтобы подчеркнуть их тонус и рельеф. Он неплохо справляется с образом восьмидесятых. У меня аж слюнки текут.

С каждым днем я понимаю, что это всегда находилось прямо передо мной, и, несмотря на сбивающие с толку чувства к Киллиану, которые все еще гремят вокруг, я влюбляюсь в Кэла все больше и больше.

— Влюбляюсь, — говорю я ей тихим голосом.

— Знаешь, я помню, как в ту ночь он ворвался в «Пеппи». Тогда я поняла, что у тебя большие проблемы.

Я смеюсь.

— Ты имеешь в виду ту ночь, когда он схватил меня и поцеловал на глазах у всех?

В ту же ночь он потребовал, чтобы я пошла с ним на свидание.

— Ту самую.

Я возвращаюсь к этому воспоминанию и улыбаюсь.

Йен проводит пальцем по моей руке. Его лицо так близко к моему, что я вижу каждую черную точку в его кристально чистых глазах. Всякий раз, когда он говорит, между нами витает кислый запах его виски.

— Так что... может быть, мы с тобой могли бы...

Громкий грохот перед баром прерывает предложение Йена. За его плечом я замечаю пылающего Кэла, сканирующего это место. Я расправляю плечи, когда он нацеливается на

меня. Его взволнованный взгляд то и дело переключается на Йена Саммерфилда, который флиртует со мной всю ночь.

Кэл ненавидит Йена. И это чувство взаимное. Мне не очень нравится Йен. Во всяком случае, не таким образом. Я поцеловала его однажды, когда мне было пятнадцать. Это было небрежно, и он использовал свои зубы способом, противоположным сексуальности. Но я надеялась, что смогу проверить, набрался ли он опыта за это время. Приятно получить немного внимания от мужчины, который явно хочет меня. Тот, кто доступен. Тот, кто не женат на моей сестре.

Я смотрю, как Кэл наблюдает за мной, его темп ускоряется. Чем ближе он подходит, тем больше я вижу. Едва сдерживаемую ярость. Затем он оказывается передо мной, его грудь вздымается в быстром темпе. Его обычно полные губы сжаты в тонкую линию. Глаза, которые обычно напоминают мне манящий стакан виски, больше похожи на карамель, которая затвердела после слишком долгого нагревания в микроволновой печи.

— Проваливай. — Он отдает команду Йену даже без вежливого взгляда.

Оооо... он взбешен.

Кто, черт возьми, ему вообще позвонил?

Йен что-то бормочет, но, видимо, решает, что я не достойна того, чтобы разъяренный медведь почти в два раза больше выбил из него все дерьмо. Неважно. Я могу найти кого-то еще, чтобы унять мое уязвленное эго. Сейчас ему нужно много внимания. Желательно между ног.

— Что ты здесь делаешь, Кэл?

Я пытаюсь перекричать песню 5 °Cent «Совсем чуть-чуть», но мне кажется, что мои слова сливаются в одно целое. Совсем чуть-чуть. Я смеюсь над собственной шуткой, которую только я слышала. И смеюсь так сильно, что начинаю соскальзывать со стула.

Скользкий ублюдок.

— Из-за тебя мое имя звучит как ругательство, — рявкает он, хватая меня за локоть своей непреклонной хваткой, чтобы удержаться. Я понятия не имею, почему он так зол. Девушке позволено спокойно надраться и потрахать, не так ли?

— Кто тебе позвонил? — я пытаюсь вырваться из хватки Кэла, намереваясь заказать еще «Джека» с колой и отстраняюсь так сильно, что снова чуть не падаю, но его кошачьи рефлексии снова проявляются, и он поддерживает меня.

Я поднимаю глаза и вижу, как он сердито смотрит на меня.

— Почему ты здесь? — требую я, хватаясь за липкую стойку бара, как за спасательный круг. — Я не готова уйти.

— Я здесь, потому что нужен тебе. И, да, — он вырывает мою кунг-фу хватку от побитого дерева, — ты готова.

— Думаю, я знаю, когда готова, а когда нет...

Это происходит так быстро, что я не замечаю этого. Оглядываясь назад, это, вероятно, и было его намерением. Я ошеломленно замираю, когда прямо посреди бара, посреди города, перед десятками людей, которых мы оба знаем, он кладет ладонь мне на затылок и прижимается к моему рту.

Это не поцелуй лучшего друга. Это не спокойно и мило. Это даже отдаленно не намекает на платонические чувства. Это поцелуй обладания и желания. Это грубая, чистая потребность. И я хочу быть востребованной. Мне нужно быть воздухом, которым кто-то дышит. Даже если он испорчен.

Я перестаю дышать, а Кэл погружает свой язык мне в рот. Он ищущий и уверенный. Сражается с моим. Я сопротивляюсь, чтобы посмотреть, что он будет делать. В ответ он сжимает кулак в моих волосах и стонет. Это неожиданно, но так чертовски сексуально, что мои пальцы погружаются в его куртку, и я притягиваю его ближе, жадно глотая его эротические звуки. Его рука скользит по моей поясице, и когда он прижимает меня к себе, я чувствую, как набухает его член.

Слишком рано его губы исчезают, но я чувствую тяжесть его дыхания на моем лице с каждым выдохом.

— Теперь ты готова, Лебедь? — шепчет он в мои дрожащие губы. Или, может быть, это он дрожит. Трудно сказать. Мои глаза закрыты, когда я киваю утвердительно.

— Хорошо.

Он засовывает мои руки в зимнее пальто и застегивает молнию до подбородка. Переплетя наши пальцы, он выводит меня наружу. Холодная январская ночь высасывает из меня кислород, но Кэл не замечает, что я задыхаюсь, и не замедляет движения, таща меня за собой к своему черному Форду F-150.

После того, как он усаживает меня, «Пеппи» остается позади. Он не отрывает глаз от дороги. Его челюсть сжимается и разжимается. Он злится? Раскаивается? Боже... он возбужден?

Я сижу молча. Мой пьяный разум переполнен. Я хочу что-то сказать. О поцелуе. С том, как он ведет себя так, как будто я наступила на него или что-то в этом роде. Я знаю, что у Кэла есть чувства ко мне. Знаю, что они выходят за рамки дружбы. Но за все годы, что я его знаю, он ни разу не переступает черту и не намекает, что мы не такие, какие мы есть, не после того, как я заткнула его на выпускном, сказав, что мы никогда не будем ничем иным, как друзьями, потому что я была влюблена в кое-кого другого.

В бесконечной десятиминутной поездке напряжение нарастает. Так что я ерзаю. Вычищаю свою сумочку. Крашу губы вишневым бальзамом. Считаю свою сдачу. Раскладываю свои наличные, следя за тем, чтобы все президенты смотрели одинаково, а купюры менялись от единицы до двадцатки.

Я делаю все, что в моих силах, чтобы не смотреть на моего лучшего друга, который только что играл с моими миндалинами. Но я также не могу перестать думать о том, как его губы ощущались на моих. Их еще немного покалывает. Я упираюсь локтем в окно и небрежно упираюсь в них пальцем, пытаюсь заставить это чувство прекратиться.

Наконец мы подъезжаем к дому, который я купила прошлым летом. Тот самый, который Кэл пришел помочь мне починить. Он его покрасил. Вырвал пол и положил новый. Заменял всю мебель на кухне, чтобы она выглядела более современно. Затем, после долгого дня, пропитанного потом, а иногда и кровью (его) и слезами (моими), мы сидели перед телевизором, заказывали китайскую еду и засыпали в море одеял и подушек, как в старые добрые времена.

Не говоря ни слова, Кэл оставляет машину заведенной, но я слышу безмолвное требование оставаться на месте, пока он выходит и оббегает вокруг. Открывает дверь, протягивает руку, которую я беру, и помогает мне встать на землю.

Он по-прежнему не смотрит на меня.

Хочу ли я этого?

Мне не нравится эта неловкость, которая сейчас висит здесь. Я не хочу, чтобы между нами что-то изменилось. Я планирую сказать ему, чтобы он забыл о том, что произошло, и

я тоже это сделаю.

Он проводит меня несколько шагов до входной двери, берет мою сумку и достает ключи. Он вставляет ключ в замок и поворачивает его. Отпирает замок, но не открывает дверь. Вместо этого он поворачивается ко мне.

— Кэл...

Остановись. Что бы это ни было, пожалуйста, останови это.

Он смотрит мне прямо в глаза.

— Я хочу тебя, Маверик ДеСото.

— Кэл, — на этот раз я пытаюсь сказать более решительно. — То, что только что произошло, было...

— Не ошибкой. И если ты, блядь, скажешь это, я сорвусь. Просто слушай. — Когда он видит, что я буду молчать, то продолжает. — Я хочу тебя. Чертовски устал притворяться, что не хочу. И я почувствовал это в ответ от тебя. Прямо сейчас. С нашим смешивающимся дыханием и твоим стоном на моих губах. Я почувствовал это. — Он трижды ударяет себя в грудь указательным пальцем, чтобы акцентировать внимание на последних трех словах.

Я тоже что-то почувствовала. Не уверена, что это было, но знаю, что этого никогда не может быть. Независимо от того, было что-то или нет, я все еще люблю его брата.

— Я пьяна, — объявляю я, как будто он не знает.

Уголок его рта приподнимается. Это восхитительно. И очень сексуально.

Перестань, Мавс. Он твой лучший друг.

— Да. Это так. Но даже пьяной нельзя подделывать то, что мы только что почувствовали.

— Кэл, — протягиваю я. Как будто произнесение его имени достаточное количество раз, поможет донести мое сообщение. Или удержат мои мысли от опасного отклонения.

Он захватывает мое лицо своими замерзающими руками, и пространство между нами исчезает в одно мгновение. Теперь мы соприкасаемся. Он проводит пальцем по моей нижней губе. Она влажная от бальзама для губ, который я нанесла несколько минут назад. Его глаза следят за движениями, которые теперь почти гипнотизируют. Его следующее заявление звучит грубо и хрипло, от него у меня в животе порхают тысячи бабочек.

— Я хочу поцеловать эти чертовы губы, Маверик. И не как целует мальчик, который дружит с девочкой почти тридцать лет. А как любовник. Я хочу кусать и сосать, владеть и пожирать. Когда захочу. Как захочу.

Я не хочу этого... не так ли? Каково это, полностью принадлежать моему самому лучшему другу?

Губы Кэла прикасаются к моему лбу, как они делали это уже бесчисленное количество раз. Только на этот раз я чувствую вырвавшуюся на свободу манию его голода. Как мужчина хочет женщину.

Я стону. Он тоже стонет.

— О, черт возьми, Мавс. У меня столько мыслей о том, что я хочу сделать с тобой.

— И какие же мысли? — спрашиваю я, умирая от желания узнать. Зная, что не должна.

— Они грязные. И грешные. Черт, они такие плохие, что ты будешь просить еще.

— Кэл. — На этот раз произношу его имя с мольбой. О чем, пока не знаю. Остановиться? Уйти? Замедлиться? Я не знаю. Если скажу «да», если я хотя бы намекну

на «да», все между нами изменится. Все. Я также не могу смириться с его потерей. Я не выживу, потеряв обоих Шепардов.

Дрожь сотрясает все мое тело. Его руки напрягаются.

— Пойдем со мной на свидание, — требует он мне на ухо.

Я прячу руки под его курткой. Мое тело растворяется в его тепле.

— Мы постоянно куда-то ходим.

— Не так. Я хочу ухаживать за тобой.

Я смеюсь. Это звучит так забавно из уст мальчика, которого я знала, у которого была ветряная оспа на языке и в интимных местах. Но когда он вдавликает мне в низ живота толстый намек на правду, я останавливаюсь. На этот раз я подавляю стон.

— Я... я не думаю, что нам следует, — возражаю я.

— Одно свидание. — Я ничего не говорю, и он снова требует. — Одно свидание, Лебедь. Это все, о чем я прошу.

— Почему? Почему сейчас? После всего этого времени? — мне больно, когда я глотаю. Больно думать. Как-то больно надеяться.

— Ты не была готова.

— Что, если я и сейчас не готова?

— Ты готова, Мавс.

Его ответ такой уверенный, что ему даже удалось убедить меня. Он заводит руки под мою куртку. Его прикосновения приятны. Слишком хороши.

— Хорошо, — говорю я наконец.

Его мышцы напрягаются.

— Да?

Я киваю, мой нос трется о его куртку. Затем мое лицо снова оказывается в его руках. На этот раз его губы просто призрак на моих. В нем есть сдержанная страсть, но безоговорочное обещание. Это приятно. Может быть, более чем приятно. Думаю, я хочу большего.

— В субботу вечером, — кричит он через плечо, направляясь к своей машине бегом, как подросток.

— Это целая неделя, — стону я, просто желая покончить с этим свиданием. Я уверена, что это будет, как и каждый раз, когда мы встречались, и он увидит, что его чувства ко мне на самом деле не такие, как он думает. И я буду убеждать себя, что вихри в моем животе вызваны пятью выпитыми коктейлями, а не разворачивающимся желанием. Тогда мы сможем вернуться к тому, чтобы быть просто собой.

— Мне нужно время, чтобы спланировать, Лебедь.

— Спланировать что? — кричу я. Сейчас он в своей машине, и его улыбка заразительна.

— Увидишь, — бормочет он.

Мы пошли на это свидание. А потом еще на одно. И еще, и еще, пока почти не расставались, что не сильно отличалось от того, что было раньше, за исключением того, что Кэл Шепард «ухаживал» за мной, чего я никогда раньше не испытывала. И я попала на это. Может быть, я всегда чувствовала к нему больше, чем думала. Он просто был погребен под непроницаемым плащом другого человека.

Внезапно я кое-что вспоминаю о той первой ночи, когда наша дружба изменилась. Что-

то, о чем я совсем забываю. Мне кажется, что я видела Мэри-Лу через плечо Йена, но, когда я снова посмотрела, ее там не было. Я думала, что это плод моего затуманенного воображения, но теперь...

— Это была ты, не так ли?

— Ты о чем?

— Не прикидывайся душой, Мэри-Лу Колинда Джеймс. — Она ненавидит свое второе имя. Плюется огнем, когда я его использую. — Это ты позвонила Кэлу в тот вечер, когда я была с Йеном в «Пеппи», не так ли?

Она выпрямляется и наклоняется так близко, что наши носы соприкасаются. В ее зеленом взгляде танцуют танго дым и огонь. Пламя обрушивается на меня, когда она без сожаления выплевывает:

— Ты чертовски права, так оно и было.

Положив руку между нами, я упираюсь ей в грудь и толкаю.

— Почему ты так поступила?

— Серьезно, Маверик? Ты занималась самоуничтожением. Тосковала по человеку, который выбросил тебя, как мусор, в то время как Кэл всегда стоял в стороне и восхищался тобой как сокровищем.

Я ошеломлена. И чувствую себя обманутой. И, может быть, немного благодарной. Я все еще сортирую эти конфликтующие эмоции, решая, какую из них выбрать, когда замечаю их у нее за плечом.

— О, черт, — бормочу я, делая шаг назад.

Ее взгляд следует за моим, и Мэри-Лу отпускает ряд ругательств, которые поставили бы в неловкое положение монахиню.

— Что они здесь делают?

И это еще одна причина, по которой я не хотела приходить сегодня вечером. Когда-то Джилли и Марта Маккуин были лучшими подругами. Потом они поссорились. Никто не скажет почему, но ходят слухи, что Марта не одобряла то, что она сделала у меня под носом с Киллианом. Я видела их в городе несколько раз в последнее время, мне было интересно, наладили ли они мосты. Думаю, тот факт, что она здесь, отвечает на это.

Джилли останавливается, чтобы поговорить с Мартой, целуя ее в обе щеки, как будто она выросла в Европе или что-то в этом роде, а Киллиан мчит за пивом к холодильнику. Он стоит в стороне, один, наблюдая за ходом вечеринки.

Я вижу момент, когда он замечает Кэла, потому что все в нем меняется. Его поза. Манера поведения. Лицо. Он начинает искать меня. Когда его взгляд, наконец, встречается с моим, он выглядит... на мгновение счастливым. Но затем его рот опускается, и он прислоняется к столбу, который подпирает. Подносит банку к губам, но не отводит от меня взгляда.

— К черту это дерьмо, — бормочет Мэри-Лу, прежде чем завопить:

— Эй, Ларри, Кэл! — наши мужья слышат ее гулкий голос даже сквозь шум, и когда их головы поворачиваются в нашу сторону, она продолжает. — Время светящихся надгробий!

— О боже, — бормочу я себе под нос.

Светящееся надгробие — традиция Дасти Фаллс. Есть небольшой городок в двадцати пяти километрах отсюда, на шоссе 169, который вы бы пропустили, если бы моргнули, проезжая через него. Он называется Сент-Питерс. В Сент-Питерсе есть четыре старых дома и небольшая католическая церковь, как вы уже догадались, церковь Святого Петра. А на

холме за собором Святого Петра находится старое кладбище, насчитывающее около сотни участков. В безоблачную ночь, когда луна светит как надо, одно из надгробий на самом деле светится с дороги. Это жутко и красиво.

Я точно знаю, что делает Мэри-Лу, и люблю ее за это.

На секунду мне кажется, что Кэл собирается протестовать. Он ненавидит пьяные прогулки по светящимся надгробиям, но потом замечает Джилли. Двумя секундами позже он видит Киллиана. Наблюдающего за нами.

— О, черт возьми, да. Мы в деле, — кричит он.

Прежде чем я успеваю осознать это, он оказывается рядом со мной, ладонями берет меня за затылок и захватывает мои губы в жадный, собственнический поцелуй. Ларри берет еще две пары, а это все, что может поместиться в их минивэн, и вскоре мы уже выходим с пивом в руках. Кэл ловит Джареда, когда мы проходим мимо, и мы прощаемся. Кэл говорит, что мы можем вернуться, но оба знаем, что не вернемся.

— Я не буду совать свою голую задницу в это надгробие, — объявляет Ларри, когда мы идем к задней двери.

— Твоя чертова трусливая задница отшлепает Лейлу сегодня вечером, — плавно отвечает Кэл.

Лейла Голдинг. Возраст 29 лет. Умерла в 1849 году.

— Бьюсь об заклад, Лейла видела больше задниц, чем мой гинеколог, — говорит Мэри-Лу, обнимая мужа.

— И видела больше мужских шаров, это точно. — Ларри ласкает задницу Мэри-Лу. — Клянусь, мои шары покалывает в течение нескольких дней после того, как они коснутся этого осыпающегося песчаника.

— Может быть, это зажжет твоих пловцов. — Фыркает Кэл, а Ларри игриво пихает его в грудь.

Смеясь и подшучивая, мы все уходим, оставляя вечеринку Маккуинов в полном разгаре позади. И хотя я не оглядываюсь назад, мне это не нужно. Я ощущаю взгляд Киллиана в этот момент. Он тяжелый и жгучий.

И все еще желанный.

Глава 14

Одиннадцать лет назад

Кэл

— УХОДИ, — коротко требует она сквозь стиснутые зубы.

— Нет.

Мне насрать, хочет она меня здесь видеть или нет. Я прогуляю занятия ради нее. Она нуждается во мне. И, как обычно, не признается.

Упрямая, упрямая девчонка. Господи Иисусе, она просто иногда бесит меня.

— Я устала, Кэл.

— Тогда я лягу с тобой. Подвинься.

Она не двигается. Скрещивает руки, и уголки ее пухлых губ опускаются вниз. Как будто это может что-то сделать, кроме как разжечь меня еще больше. Так что я низко наклоняюсь, поднимаю ее, несмотря на слабые протесты, и осторожно перекладываваю. Затем устраиваюсь поудобнее, притягивая ее в свои объятия.

О, черт.

Моя душа вздыхает долго и громко. Я удивлен, что она этого не слышит. Я абсолютно

счастлив из-за этой крошечной, но могущественной девушки, которую я, наконец, снова держу рядом. Последний год в колледже, вдали от нее, был мучительным. Вечеринки. Девушки. Интрижки. Мне ничего из этого не нужно. Единственное, чего я сейчас хочу, так это вести себя как избалованный мальчишка, когда она хватается меня за футболку и дергает.

— Эй, — кричу я, разжимая пальцы, которыми она теперь крепко вцепилась мне в волосы на груди.

— Что? Ты такой ребенок.

Сначала я растираю сосок, а затем переплетаю наши пальцы, чтобы она не могла сделать это снова.

— Позволь тогда мне добраться до твоего центра и пару раз быстро подергать ковер. Посмотрим, не заслезятся ли у тебя глаза.

— Кэл. — Она шлепает меня. Сильно, но я смеюсь. — Это мерзко.

Иисус.

Если она думает, что это мерзко, то она не захочет заглянуть во внутреннюю работу моего грязного разума. С ее задорными сиськами, прижатыми к моей груди, и теплом ее киски, прожигающей дыру в моих джинсах, она является воплощением невежества.

Я и мой член? Да... у меня с ним было немного разговоров по душам с тех пор, как я вошел в эту комнату и увидел ее, разложенную на кровати в коротких шортах и едва заметной майке. Белой. Без бюстгалтера. Даже сейчас я его уговариваю.

Она извивается напротив меня.

Я стону.

— Не двигайся, — отчитываю я, протягивая руку вниз, чтобы остановить ногу, которая подкралась слишком близко к моему твердеющему стволу.

Бля, чувак. Работай со мной.

— Почему? — она запрокидывает голову, эта милая невинность написана на ней. Она понятия не имеет.

Невежественная.

Такая чертовски невежественная.

— Я думал, ты устала.

— Устала, — парирует она, прежде чем тут же закрыть глаза.

Она кладет руку мне на сердце и притворяется, что спит, а я притворяюсь, что не смотрю прямо в вырез ее майки.

Трахни. Меня.

Я вижу намек на тугие бутоны коричневого цвета. У меня текут слюнки. Я заставляю себя смотреть куда угодно, но только *не туда*, когда все, что я действительно хочу сделать, это снять с нее эту майку, пробраться языком вниз по ее шее и сосать эти идеальные соски, пока она не начнет извиваться подо мной.

Есть так много развратных вещей, которые я хочу сделать с ее почти шестнадцатилетним убийственным телом. Но я повторяю слова, которые покончат со мной и моими многообещающими юридическими стремлениями: *несовершеннолетняя, несовершеннолетняя, несовершеннолетняя...*

В штате Айова в девятнадцать лет меня технически могут обвинить в изнасиловании, если я хоть пальцем трону ее до ее шестнадцатилетия, которое наступит через три недели.

Но даже тогда она не позволит мне прикоснуться к ней. Она не думает обо мне *так*. Никогда не думала. У нее подростковая «влюбленность» в моего брата, а я официально «во

френдзоне». И это раздражает больше, чем любые волосы, которые дергают на моем теле. Черт, я бы сам их вырвал, один за другим, если бы она смотрела на *меня* так, как смотрит на Киллиана. Дерьмо в том, что... Киллиан отвечает на некоторые ее чувства. Я вижу, как он смотрит, когда думает, что никто не видит. Меня ждет пожизненная пытка, если эти двое сойдутся. Это, черт возьми, прикончит меня.

Но я никогда не перестану бороться за нее. Никогда. Киллиан не знает Мавс так, как знаю я. И никогда не узнает. Он не знает, что она прыгает в свою кровать с расстояния в метр после того, как выключает свет. Или что она ест стручковую фасоль прямо из банки, холодной, не потому, что ей не терпится, а потому, что она любит ее такой. Или что у нее чуть-чуть дергается правый глаз, когда она готовится извергнуть свой сарказм.

Нет. Она моя. И точка. Он не сможет получить ее.

Изо всех сил пытаюсь игнорировать этот черный камень от него, который она держит на своей тумбочке, я слушаю приглушенное шоу на TV Land. Боже, как же я люблю причуды этой девушки. Старые шоу. Старые фильмы. Старая музыка. Старая одежда. Она пропитана классикой насквозь. Такая полная противоположность ее снобистской семье.

— Как рот, Лебедь?

— А как ты думаешь? — огрызается она, все еще зажмурив глаза.

— Я думаю, тебе нужно еще немного обезболивающего, чтобы обуздать эту дерзость.

Вот что я думаю.

Блестящие глаза цвета травинки после сильного дождя распахиваются и впиваются в меня.

— Ты не должен быть груб с пациентом после операции. Это против правил, — саркастически отвечает она. Я могу сказать, что ей трудно говорить.

— Тебе не делали операцию, Мавс. Тебе вырвали два зуба мудрости.

— Ну, они сделали мне анестезию, и каждый раз, когда тебе делают анестезию, технически это считается операцией.

Я не спорю. Это бессмысленно.

— Что я могу сделать?

— Ничего, — тихо говорит она. Я заправляю ей за ухо прядь этих густых блестящих шоколадных волос, которые так люблю. На этот раз ее глаза закрываются. Она выглядит счастливой и умиротворенной. Она выглядит так правильно рядом со мной. *Боже мой, я люблю ее.* Она взрослеет и становится изысканной женщиной.

— Голодна?

Плечо, на котором она не лежит, поднимается. Это значит «да».

— Я не могу есть твердую пищу еще три дня, — бормочет она.

Челюсть моей девочки опухла и начала желтеть с одной стороны, где у нее явно будет синяк. Если бы я мог забрать себе всю ее боль, то сделал бы это. За один удар сердца.

— Тогда хорошо, что я принес твое любимое нетвердое лакомство.

Она вскакивает, используя мой живот как рычаг. Практически выталкивая весь воздух из моих легких.

— Ты не сделал этого!

Ее глаза блестят. Буквально. Как звездная пыль или лазерные лучи. А ее улыбка? *Иисус.* Это заставило бы любого здравомыслящего человека делать глупые вещи, чтобы удержать ее. Она выглядит такой чертовски взволнованной, что мне хочется поцеловать ее, прижаться к ее губам, выплеснуть все, что я сдерживаю все эти годы. Вместо этого я кладу руку себе под

голову и ухмыляюсь.

— Я сделал.

Она встает на колени, ее усталость и операция почти забыты. Прямо сейчас она выглядит до последней унции на пятнадцать, подтверждая, что я не могу ее ни к чему подтолкнуть. Она не готова.

Мавс прыгает на меня сверху, опуская руки по обе стороны от моей головы. Теперь она красиво располагает свой обжигающий центр всего в нескольких сантиметрах от моего быстро твердеющего члена.

Вот... бля.

Дыши, извращенец. Просто дыши.

Затем она наклоняется, ее нос касается моего.

— Где? — игриво спрашивает она и снова начинает шевелиться.

Я больше не могу этого выносить.

Если она сдвинется еще на чуть-чуть, то больше не будет оставаться в неведении.

Я сжимаю руками ее талию, стараясь не представлять ее обнаженной... скачущей на мне... эти удивительные, подпрыгивающие сиськи... ее голову, запрокинутую назад в экстазе... тугую киску, всасывающую меня...

Святой живой Боже, я хочу ее.

— В морозилке, — задыхаюсь я.

Я даже не успеваю произнести еще хоть слово, как дверь распаивается, и она уже несетя по коридору, сбегая по ступенькам на кухню. У меня есть примерно сорок пять секунд, прежде чем она вернется. Я использую это время, чтобы отругать непослушного подростка в моих джинсах, который отказывается подчиняться. Я жесткий, как долбанное бревно. Достаточно двух ударов, и я выстрелю на ее девственно-белые простыни.

Медленно вдыхаю. Выдыхаю. Повторяю. Еще раз.

Это бесполезно. С каждым вдохом я чувствую ее запах. Она вокруг меня. Жимолость. Розы. Тюльпаны. Я понятия не имею, каким цветком она пахнет, но навсегда ассоциирую это с ней.

Я прислоняюсь к спинке кровати и бросаю подушку себе на колени в ту же секунду, когда Мавс входит обратно. В блаженном неведении она усаживается рядом со мной, протягивает мне ложку и включает звук телевизора.

Мы едим ее любимое мороженое «Клубничный взрыв», сливочную смесь, которая может похвастаться шоколадными конфетками в тишине. Довольно скоро мы оба смеемся над Мэри Энн, которая сейчас пытается спеть «Я хочу быть любимой тобой», но постоянно забывает слова. Я люблю этот эпизод. Тот, где Мэри Энн бьется головой и думает, что она Джинджер.

Через некоторое время Мавс ставит миску с тающим мороженым на тумбочку и кладет голову мне на плечо.

— Спасибо, Кэл.

— За что, Лебедь?

Я обнимаю ее и сдерживаю стон, когда она прижимается.

— За то, что пришел. Знаю, что ты должен быть на занятиях.

— Если это выбор между тобой и статистикой, ты выигрываешь всегда.

Она вытягивает шею, глядя на меня. Улыбается. Продвигается на несколько сантиметров, чтобы невинно поцеловать меня в щеку. Ее губы мягкие. Упругие. Прохладные

от мороженого, но они так чертовски хороши. Моя свободная рука невольно запуталась в ее волосах. Я откидываю ее голову назад. Ее глаза немного расширяются.

Я хочу попробовать ее. Боже всемогущий, как я хочу, чтобы мой рот был на ее губах.

— У меня есть для тебя еще один сюрприз.

Ее ухмылка выворачивает меня наизнанку. Завораживает меня.

— Это не может быть лучше, чем мороженое.

— О, но это так, — поддразниваю я, чмокая ее в нос.

Эта улыбка становится шире.

— Что может быть лучше, чем это?

Мне показалось, или она звучала с придыханием? Ее глаза расширились? Расслабились ли ее мышцы?

— «К северу через северо-запад».

— Иди ты! — визжит она, обвивая меня за шею и пряча лицо в изгибе.

Пожалуйста, не садись на меня снова. Я не уверен, что смогу принять это, не попав в тюрьму.

— Где?

— На сиденье моей машины, — говорю я ей.

Как идиот или, может быть, это было благословением, я забыл DVD, когда приехал. Меня больше беспокоило то, что мороженое тает.

— Как насчет того, чтобы посмотреть еще одну серию «Острова Гиллигана», и я пойду возьму диск. То есть... если ты не слишком устала.

— Я не слишком устала.

Но она устала. Она как будто угасает.

Мои губы находят путь к ее лбу и задерживаются слишком долго.

— Время принять обезболивающее?

Она колеблется.

— Может быть.

— Хорошо. Оставайся здесь и отдыхай. Я принесу тебе воды.

Я только соскальзываю с кровати, когда она хватает меня за руку и дергает, пока я не оглядываюсь на нее. Время останавливается, когда она просто смотрит на меня и дышит. Кажется, будто она хочет что-то сказать, но не может.

— Что случилось? — спрашиваю я, не зная, что делать. Мое сердце вырывается из груди.

— Ничего. Я просто... — она останавливается. Облизывает свои розовые губы. Мой член снова начинает расти. — На сколько ты планируешь остаться?

Я останусь до тех пор, пока она просит.

— Выходные подходят?

Я горю изнутри, когда она сияет. Ее улыбка ненормальная, широкая из-за припухлости, но она все равно захватывающая. Она сияет. Ее глаза сверкают, и я клянусь, что она светится, как полная луна в ясную ночь, когда она так смотрит на меня. Это то, что мне нужно. Чего мне не хватает.

Она медленно и вяло моргает.

— Это идеально. Люблю тебя, Кэл.

Мои глаза на мгновение закрываются, желая, чтобы ее слова значили больше, чем есть на самом деле.

— Я тоже люблю тебя, Лебедь.

Больше, чем ты думаешь.

Я хочу поцеловать ее. Почувствовать, как ее губы впервые прикасаются к моим. Убедиться, что она знает, что должна быть моей. Но когда я это сделаю... когда мои губы наконец сольются с ее губами... это будет последний первый поцелуй в моей жизни. Я планирую целовать одну женщину до конца своей жизни. Единственную. Маверик ДеСото.

Глядя в невинные глаза, я напоминаю себе, что она совершенно не готова к этому.

Я нежно улыбаюсь и сжимаю ее руку, беру воду, а потом обнимаю ее, пока она дрейфует между сном и бодрствованием в моих руках.

Мы смотрим Кэри Гранта «*К северу через северо-запад*» четыре раза в эти выходные.

Блаженное совершенство.

Глава 15

Семь месяцев и одна неделя назад

Маверик

— Куда мы идем? — спрашиваю я в восьмой раз.

И в восьмой раз Кэл терпеливо отвечает точно так же, как и в предыдущие семь.

— Это сюрприз, Лебедь.

Но я уже знаю. Как только мы выехали на I-35, я все поняла. Между Канадой и нами мало что есть, кроме десяти тысяч озер.

Кэл забирает меня на «длинные выходные». Сегодня исполняется четыре с половиной месяца со дня нашей свадьбы. Он все делает нестандартно. Это одно из самых привлекательных качеств в нем. Поэтому он берет выходной. Договаривается с людьми о работе в пекарне на все выходные, пока меня не будет. Он даже собирает для меня вещи, говоря, что точно знает, что мне нужно.

Он берет мою руку, целует ладонь и кладет наши переплетенные пальцы себе на колени. Рядом с его членом. Членом, более талантливым, чем я могу себе представить.

Да...возможно, я представляла. Раз или два.

Никогда не забуду, как впервые почувствовала, как он прижимается ко мне. Я была молода, незрела, неопытна. Понятия не имела, что девушка могла сделать, чтобы возбудить парня так сильно, что его член из вялого превратился в твердый менее чем за пять секунд.

У меня было четыре дня на восстановление после удаления зубов мудрости. Я помню, как проснулась от сна, вызванного обезболивающими. Кэл прижимался ко мне сзади. Мы были в моей спальне с закрытой дверью, на заднем плане крутился повтор «*Острова Гиллигана*». Мои родители безоговорочно доверяли Кэлу, хотя ни одному другому мальчику не могло сойти с рук присутствие даже кончика пальца на ноге в моей комнате без сопровождающего, Кэлу всегда сходило.

Кэл рукой прижал меня к своему телу. Его нога была перекинута через мою. Наши тела были прижаты друг к другу от плеча до голени. Его размеренное, ровное дыхание щекотало мне ухо. Лежа в его объятиях, я чувствовала себя иначе, чем когда-либо прежде. Я разгорячилась. И покраснела. Тепло его тела заставило меня загореться с головы до ног. Я извивалась, пытаюсь устроиться поудобнее, когда почувствовала *его*. Он был твердым. Таким чертовски твердым, толстым и длинным. Когда я извивалась, чтобы убедить свой неопытный почти шестнадцатилетний мозг, что я не чувствую то, что думаю, Кэл простонал мое имя, но при этом не проснулся.

Я лежала неподвижно, как раненое животное, не зная, что делать дальше. Это тепло,

растекающееся по мне, становилось все жарче с каждой секундой. Особенно между ног, где начало болеть и желать чего-то, чего никогда раньше не желало. Я все еще была влюблена в Киллиана, но впервые представила, каково это — поцеловать моего лучшего друга. *По-настоящему* поцеловать его. Не чмокнуть в щеку, как в тот раз, когда он пытался меня поцеловать, когда мне было десять. А настоящий поцелуй с языком, тяжелым дыханием и страстью.

— Ты проснулась, Лебедь? — прошептал он мне на ухо через несколько секунд. Я притворилась, что это не так. Затем он встал, пошел в ванную и пробыл там добрых десять минут. Дверь никак не могла скрыть происходящее по ту сторону. Его быстрое дыхание и низкое ворчание быстро выдали его.

Это было мое первое подозрение. Кэл испытывал ко мне чувства. Настоящие, помимо поедания мороженого и совместного просмотра старых фильмов. Вожделение было очевидным, но, когда я вспоминаю, как он держал меня, думаю, я всегда знала, что это глубже, чем безудержные подростковые гормоны.

Он проводил со мной каждую минуту в течение четырех дней. Я не понимала, как сильно скучала по нему в тот год, пока он не лег в мою постель, не посмотрел телевизор и не поухаживал за мной, как будто это было единственное, чем он хотел заниматься. Мы построили крепость из одеял и провели под ней весь субботний день, играя в глупые игры, болтая и дремля, когда мне нужно было принять обезболивающее. Он сделал мне виноградное желе, мое любимое. Позаботился о том, чтобы у меня была Китти МакГу, мягкая кошка, которую он подарил мне, когда мне удалили миндалины в семь лет. И мы съели целых два литра мороженого за четыре дня. Он заботился обо мне, как будто я уже была его.

Может быть, я и была.

— Ты такая ужасно тихая. О чем думаешь, детка?

Я позволяю своим глазам пробежаться по его профилю. Мощная челюсть. Аристократический нос. Пухлые, соблазнительные губы. Волнистые волосы, мягкие и густые. *Потрясающий*. Когда он расплывается в ухмылке, на моем лице она тоже появляется. Он знает, что я смотрю.

— Помнишь, когда мне вырвали зубы мудрости?

Он смеется. Мне очень нравится смешить его.

— Это было совершенно незабываемо, Лебедь.

— Почему ты так говоришь? — спрашиваю я, поворачиваясь к нему лицом. Я подтягиваю ногу к себе и кладу подбородок на согнутое колено.

— Как?

— Я не знаю. С этой ухмылкой?

— Какой ухмылкой? — спрашивает он, уголки его рта приподнимаются.

— Что ты мне не договариваешь?

Я хихикаю, тыкая его в руку. И вижу, как он поправляет свое достоинство.

— Знаешь, сколько раз я дрочил в те выходные, Лебедь? — он хватается меня за запястье и тянет мою ладонь к своему члену. Он уже твердый. Двадцать сантиметров совершенного великолепия. И такой толстый, что я не смогла бы полностью обхватить его, даже если бы захотела. Я сжимаю его пальцами, ногти царапают джинсовую ткань. Мои девичьи части начинают пульсировать.

Его собственная ладонь согревает верхнюю часть моей руки, когда он начинает вести

меня вверх и вниз.

— О, черт возьми, Маверик. Ты даже не представляешь.

Думаю, я имею представление.

Когда он смотрит на меня, его зрачки расширяются. Темнеют.

— Я потерял счет после десяти.

— Правда? — спрашиваю я, задыхаясь от смеха. Я наклоняюсь и кусаю его за шею. Он стонет. Мои пальцы напрягаются. — Ты прав. Не имела представления.

Ну, понятия не имела, что он столько раз позаботился о себе.

— Почему... ох, проклятье, — хрипло выдыхает он, когда мой большой палец ласкает кончик его члена. — Как ты думаешь, почему я все время носил подушку как щит?

Я это очень хорошо помню.

Посмеиваясь над его ухом, я беру мочку зубами. Металл его молнии находится между моими пальцами. И я начинаю тянуть вниз, но он останавливает меня.

— В чем дело, детка? — шепчу я. — Не готов сегодня к небольшому дорожному приключению?

Рука, крепко держащая мою, взметнулась вверх и запутывается в моих волосах, откидывая мою голову назад, чтобы он мог украсть у меня мучительный поцелуй, не сводя глаз с дороги. Его язык ныряет внутрь, нанося длинные, одурманивающие удары. Я чувствую, как машина смещается вправо. Мы начинаем замедляться, прежде чем он позволяет мне снова отдышаться.

Мы поворачиваем направо. Снова правильно. Я понятия не имею, что мы делаем, пока мой рот движется вверх и вниз по его шее, под челюстью. Наши пальцы снова сражаются за его джинсы. Мои ведут на юг, его на север. Он выигрывает, черт возьми. Затем отпускает меня и переводит машину в режим парковки. Я моргаю несколько раз, чтобы прогнать дымку, понимая, что мы находимся в круглосуточном магазине рядом с шоссе.

Кэл выскакивает и открывает мою дверь. Я улыбаюсь ему, когда он берет мою руку в свою.

— В горле пересохло? — поддразниваю я со смехом. Когда он отвозил нас в школу, мы всегда успевали заехать на местную заправку, чтобы выпить «Бигги», наполненную наполовину колой, наполовину «Доктором Пеппером».

— Чертовски пересохло, — бормочет он.

Очень серьезно, могу добавить. Переплетя наши пальцы, он тащит меня за собой внутрь, петляя между проходами, пока мы не добираемся до туалетов в задней части. Сначала он пробует мужскую дверь. Заблокировано. Он ругается. Следующей он пробует женскую. Она легко распахивается.

Он вводит меня в одноместный блок и закрывает нас. Когда он поворачивает замок, я спрашиваю.

— Что происходит?

— Дорожное приключение, — просто отвечает он.

— О, — это все, что я могу придумать, чтобы сказать.

Затем он прижимается ко мне. Губы сливаются с моими. Руки обшаривают мои изгибы. Расстегивают мои джинсы. Стягивают их вниз вместе с нижним бельем. Меня поднимают в воздух, и моя задница ударяется о холодную керамику, но это никак не охлаждает пылающий внутри меня огонь.

После того, как я обхватываю раковину руками, Кэл широко раздвигает мои ноги,

опускается на корточки и с озорством, написанным на его лице, и не сводя с меня глаз, начинает пожирать меня прямо здесь, в женском туалете. В течение нескольких секунд он заставляет меня извиваться. Через несколько минут я разрываюсь на части.

Я получаю бескостное удовлетворение. И все еще выкрикиваю его имя, когда он вторгается и покоряет. Рычание в глубине его горла, когда он впервые толкается в меня, настолько чертовски сексуально, что я почти сразу же взрываюсь снова.

— Мне этого никогда не будет достаточно, Лебедь. Никогда, блядь, — ворчит он мне в ухо. — Я так долго ждал тебя.

— О, Боже, — тяжело дышу я, когда его большой палец пробирается между нами. Это заставляет мое тело гудеть, а кровь бурлить. Его зубы царапают натянутое сухожилие на моей шее, и когда он посасывает это место прямо под моим ухом, я чувствую, как сжимаюсь вокруг него.

— Да, вот так. Кончи еще, Мавс.

Раньше я никогда не могла испытать оргазм больше одного раза, если вообще могла, но Кэл просто творит магию. Он мастерски управляет со мной. Каждый. Раз. Как будто он открывает какой-то шлюз, сексуальный ящик Пандоры, и я не могу это остановить. Кстати, это не жалоба. Просто наблюдение. Я начинаю ценить то, как он тонко контролирует как мои желания, так и мою реакцию на них.

Мои ногти впиваются в его плечи. Я держусь изо всех сил, сидя на краю раковины и на грани здравого смысла от того, что он делает со мной.

— О да, — хвалит он, когда я наконец свободно падаю. Он кончает вместе со мной. Мне нравится, когда Кэл кончает, еще одна вещь, которую я начинаю ценить за последние несколько месяцев. Его тело сжимается. Он рычит и сексуально ворчит. Сжимает меня с нужной жесткостью. Это граничит с синяками, но не совсем. Этого достаточно, чтобы отметить его тонкое доминирование, но недостаточно, чтобы оставить клеймо.

Он замирает и поднимает руки, чтобы коснуться моих щек. Дыхание все еще резкое, он сладко целует меня, а затем отстраняется и смотрит мне в глаза. Он пока не пытается выйти из меня, хотя мы оба только что услышали стук в дверь и настоятельную просьбу поторопиться.

— Что? — спрашиваю я.

Его улыбка нежна. Я слегка вздрагиваю, когда он убирает выбившиеся волосы за мои уши.

— Мне жаль.

Жаль? Какого черта? Это было горячо.

— Почему?

— Потому что не контролировал себя. Мне нужно было быть внутри тебя.

Боже. То, что он говорит, иногда до смешного романтично.

Я обнимаю его за талию, притягивая ближе. Он смягчается и выскользывает при резком движении. Теперь прохладный воздух смешивается с месивом между моими ногами, но меня это ничуть не волнует.

— А мне не жаль. И ты тоже не должен жалеть. — Я сокращаю расстояние между нами, прижимая свои губы к его. — Мне понравилось.

— Да? Даже... — он обращает внимание на наши антисанитарные условия, — здесь?

— Ты издеваешься? Бьюсь об заклад, эта раковина повидала больше экшена, чем Сильвестр Сталлоне.

Его смех согревает меня.

— Держу пари, ты права. Мы должны где-то оставить нашу зарубку.

— Давай сделаем! — я хлопаю в ладоши от волнения.

Стук становится все более настойчивым, поэтому я слегка отталкиваю его, соскальзывая с края раковины. Моя задница онемела. Кэл не просто тянется за бумажными полотенцами, что было бы самым удобным вариантом. Нет... вместо этого он спешит принести большую пачку туалетной бумаги.

— Она мягче, — говорит он, подмигивая.

И именно поэтому я должна была все время любить этого человека, а не Киллиана. Это не грандиозные жесты, а маленькие вещи, которые кажутся такими обыденными и несущественными, но навсегда остаются в нашей памяти. Когда все остальное со временем тускнеет, *это* то, что сияет ярко и неугасимо. В этом суть Кэла. Мои потребности на первом месте. Мой комфорт. Он хочет лучшего для меня. Всегда хотел. Почему я не видела этого раньше?

— Кэл?

Он останавливает свою уборку, глядя на меня.

— Лебедь? — выражение его лица чистое, полное блаженство. Чувствуя, как мои глаза начинают гореть, я обхватываю его руками. Крепко. Сильно.

— Я люблю тебя.

Он нежно проводит руками по моим волосам, приглаживая их. Его прикосновения медленные и целеустремленные. Благоговение — вот слово, которое приходит на ум. Прижавшись губами к моему виску, он со вздохом шепчет.

— Я люблю тебя больше.

Не сомневаюсь в этом.

Это должно заставить меня чувствовать себя плохо, но вместо этого я чувствую себя пьяной от него.

Мы спешим собраться, и Кэл царапает грубую метку на персиковой краске стены своими ключами. Он настаивает на том, чтобы сделать селфи на память, а затем распахивает дверь и выводит нас, взявшись за руки, не обращая внимания на то, что прямо там стоит женщина средних лет с молодой девушкой. Она выглядит совершенно пораженной, что мы имели наглость быть замеченными вместе среди бела дня только что после, ну, назовем это как есть — послеобеденного траха в общественном туалете.

— Мужской туалет не работает, — спокойно объявляет Кэл, когда мы проходим мимо. Не прошло и двух секунд, не шучу, как дверь мужского туалета распахивается. И из нее выходит мужчина, который явно наслаждался своим одиночеством. Рот женщины опускается еще ниже, прежде чем она толкает девушку в туалет и приказывает ей ничего не трогать. Мы хихикаем, как подростки, убегая от ее осуждающего взгляда.

— Давай перекусим, пока мы здесь. — Говорит Кэл.

Еще один важный пункт дорожного приключения. Вредная еда.

— О, черт возьми, да.

Через несколько минут у нас полные руки газированных напитков, шоколадных батончиков, орехов и крекеров, мы бросаем их на прилавок и ждем, пока кассир пробьет их. Я смеюсь, когда вижу, что выбрал Кэл. Несколько плоских полосок ирисок. Именно такие летом продавали в нашем бассейне. Со вкусом банана. Он больше любит клубнику, но берет банан. *Мой* любимый. А потом я вижу их. Поп-рок. Три пачки.

— Поп-рок? — дразню я. Не ела эти конфеты с семнадцати лет.

Он обвиняет рукой мою талию, притягивая к себе.

— Я думал, ты их любишь.

— Люблю. В «клубничном взрыве».

Кэл наклоняется так низко, словно собирается перекинуть меня через прилавок и трахнуть прямо перед кассиром и посетителями позади нас, а затем непристойно шепчет.

— Мы можем сделать с ними наш собственный взрыв.

Мой взгляд перемещается на большого мужчину, стоящего позади нас. Он смеется, даже не удосужившись отвести глаза.

— Хорошо, — сбивчиво отвечаю я, не понимая, что он имеет в виду.

Тогда Кэл целует меня. И делает из этого большое шоу. Язык. Стоны. Даже немного наклоняет меня назад. Я слышу несколько вздохов и шепотов, но держу глаза плотно закрытыми. Когда он отпускает меня, мое лицо пылает. Кэл ухмыляется. Кассир зажмуривается. Парень позади нас всюду смеется.

— Молодожены, — громко озвучивает Кэл. Краем глаза я замечаю женщину, которая стояла возле туалета и с пренебрежением смотрела на нас, обнимая свою дочь.

— Поздравляю. Счастливчик, — говорит здоровяк позади нас.

Хватка Кэла крепчает.

— Как будто я этого не знаю. — Но он сказал это не ему. Он сказал это мне. Мягко и сексуально, и с такой любовью, что я растекаюсь. Моя улыбка такая широкая, и мне кажется, что лицо вот-вот расколется надвое.

Боже, кто знал, что я могу быть такой счастливой после того, как несколько месяцев назад была раздавлена? Но я счастлива. Чем больше времени провожу в качестве жены Кэла Шепарда, тем легче и счастливее себя чувствую. И все больше думаю, что, возможно, так и должно было получиться.

Мы собираем наши вкусности и отправляемся в путь. Два часа спустя мы подъезжаем к причудливому полностью кирпичному викторианскому особняку, гостинице, всего в нескольких кварталах от центра города Сент-Пол, штат Миннесота. Круглое крыльцо с коваными светильниками через каждый метр и большой удобной мебелью вызывает зависть.

Кэл выключает двигатель и скользит взглядом по мне, его улыбка остается неизменной.

— Я знаю, как ты их любишь.

Я люблю. Мне нравится интимность такой маленькой обстановки. Это индивидуальное внимание, которое вы получаете от владельцев. Невероятный, превосходный завтрак, который они готовят. Домашний комфорт вдали от собственной кровати.

Я наклоняюсь через салон и целую его в щеку.

— Спасибо. Это потрясающе.

В этот момент нет абсолютно ничего, что могло бы превзойти это. Уехать подальше от Дасти Фаллс и того дерьма, которое мы там оставляем — это именно то, что нужно нам обоим.

Глава 16

Семь месяцев и одна неделя назад

Маверик

— Чем ты хочешь заняться сегодня? — мягкое прикосновение пальцев Кэла к моей голой руке вызывает у меня мурашки по коже. Я вздрагиваю, и он усмехается, прижимая меня ближе.

— Не останавливайся, — тихо говорю я ему, когда он просто обнимает меня за талию.

— Твое желание для меня закон, Лебедь, — дерзко отвечает он, уже снова проводя пальцами по моей плоти.

Я вздыхаю, совершенно удовлетворенная.

Мы в постели. Голые. Насытившиеся.

Мы приехали вчера днем, нас встретила Шейла — пухленькая хозяйка гостиницы, которая рассказала нам все о своих пяти взрослых детях (все девочки) и шести внуках (все мальчики). Она также сообщила нам, что, если мы услышим какие-либо необычные звуки, то это всего лишь Пьер ЛеМарс, первый домовладелец, который повесился на чердаке после того, как его жена и дочь утонули на лодке в результате несчастного случая. По ее словам, он является дружелюбным призраком. Кэл только пожал плечами, но я немного занервничала, когда она повела нас вверх по широкой, величественной, двухъярусной лестнице. Энергия изменилась. Невидимые глаза смотрели на меня. Я была убеждена, что прошла через очаг холодного воздуха.

Я так сильно сжала руку Кэла, что он вздрогнул. Однако вся эта нервозность испарилась, как только она открыла дверь в королевские апартаменты, одну из четырех спален в старом особняке, и поселила нас в очень просторной комнате.

Посередине стоит огромная антикварная кровать-сани, покрытая одеялом цвета слоновой кости и грудой декоративных подушек нейтрального цвета. В ванной комнате находится стеклянная душевая кабина и джакузи, в которой могут поместиться четыре человека. Слева от нас находится обширная мансарда с потолком в виде купола. Небольшой стол и два стула стоят в центре застекленной зоны. Это прекрасно подходит для уютной чашки кофе утром или коктейля вечером. А вид с мансарды просто потрясающий.

Но что притягивает меня, как магнит, так это стены. Над побеленными панелями наклеены самые необычные обои, которые я когда-либо видела. На них были написаны секреты. Я чувствую призрачную боль, исходящую от иностранных слов, еще до того, как Шейла заговорила. У меня перехватывает дыхание, когда она произносит, что это копия любовного письма, написанного молодой итальянкой, которая влюбилась в американского солдата во время Второй мировой войны.

— *Предположительно, это письмо было найдено в кармане молодого солдата его братом. Солдат умер у него на руках от нескольких огнестрельных ранений в грудь. И, по слухам, при странном повороте событий молодая леди вышла замуж за брата, — шепчет мне Шейла, пока Кэл осматривает ванную.*

Она вышла замуж за его брата? Мое сердце колотится. Это какое-то странное совпадение, или мне суждено быть здесь и услышать ее историю? Видеть ее слова? Чувствовать ее боль?

— *Была ли она счастлива? — спрашиваю я рассеянно, проводя пальцами по мягким приглушенным оттилкам.*

Любила ли она второго так же сильно, как первого?

— *Мне нравится думать, что все мы в конце концов оказываемся там, где должны быть, — с тоской отвечает Шейла. — Выбор суммируется и приводит нас к нашей судьбе.*

Так ли это, интересно? Или этот выбор действительно меняет наше будущее? Я хочу верить ей. Хочу верить, что стою здесь, в этой комнате, по какой-то другой причине, а не из-за стопки плохих решений, которые я приняла.

— Вы так думаете?

Я поворачиваюсь и смотрю на эту женщину, которую совсем не знаю, но она излучает врожденную чистоту, которой можно позавидовать. Может быть, она может смыть все мои грехи. Может быть, именно поэтому я здесь. Она смотрит мне в глаза, как будто точно знает, о чем я думаю. Что я сделала. Может ли она увидеть внутри мое чувство вины и освободить меня?

Она протягивает руку, чтобы нежно обхватить мою руку пальцами, и тепло улыбается.

— Да.

До этого момента я никогда не жалела, что не могу говорить на другом языке. Я задаюсь вопросом о ней. Этой женщине. Хотя я не могу прочесть слов, они выглядят несчастными, задумчивыми. Были ли слухи правдой? Прожили ли они долгую и полноценную совместную жизнь? Или она смотрела на него и всегда думала о том, кого потеряла? Возможно ли потерять любовь всей своей жизни, а затем снова найти ее в самых неожиданных местах?

Четыре месяца назад я бы сказала «нет». Но теперь склоняюсь к ответу «может быть».

Даже сейчас, когда я лежу в объятиях Кэла, все еще думаю о ней. Надеюсь, что она получила свое «долго и счастливо». Чувствуя, что я действительно могу получить свое, когда не так давно, чувствовала себя безнадежно. Думаю, именно так она себя чувствовала, когда узнала, что ее американский любовник умер.

— Земля вызывает Маверик.

— Хммм, — рассеянно бормочу я ему в грудь. Я накручиваю на свой указательный палец немногочисленные волоски, торчащие между его грудными мышцами.

— Не хочешь одеться и заняться чем-нибудь, или хочешь лежать в постели голой весь день?

Голой звучит как хороший план для меня.

Я запрокидываю голову.

— Ты имеешь в виду, что у тебя нет плана на все выходные, минута за минутой?

Он смеется. Кэл может делать что-то не нестандартное, но он планировщик, в то время как мне удобнее действовать наобум. Не уверена, то ли я такая назло моей матери, которая является полной противоположностью спонтанности, или родилась такой. И хотя мои импульсивные наклонности не раз приводят меня к беспорядку, я чувствую, что они также могут привести меня к моей истинной судьбе.

Кэлу.

— Выходные, свободные от одежды?

Да... голые.

— М-м-м. Мне нравится, как это звучит, — усмехаюсь я. Провожу рукой под простынями, но не достигаю намеченной цели.

— Как бы мне ни хотелось, чтобы твоя рука обхватила мой член, Лебедь, но ты не хочешь выйти и увидеть исторический город Сент-Пол?

Я провожу языком по его горлу, шепча ему на ухо.

— Мне понравилось предложение выходных без одежды. — Я пытаюсь вырваться из его хватки, но безрезультатно.

— Мы могли сделать это и дома, — говорит он. — Давай же детка. Я хочу показать тебе

город. Тебе понравится.

Сколько раз я была в Миннеаполисе, но никогда не проводила время здесь. Но сейчас я не хочу вставать с постели. Хочу жить в этом пузыре, который мы создали, как можно дольше, прежде чем нам придется вернуться домой и столкнуться с нашей реальной жизнью. Как бы я ни продвинулась в искоренении Киллиана из своей души, это трудоемкий процесс. Каким-то образом, когда я знаю, что он не в десяти минутах ходьбы и не находится рядом, становится легче забыть о нем.

— Холодно, — хнычу я, прижимаясь ближе. В Миннесоте декабрь. Снега еще нет, но температура здесь примерно на десять градусов ниже, чем в Дасте Фаллс.

— Вот почему я взял твой любимый свитер. Слышал, что собор Святого Павла считается одним из самых изысканных во всей стране. Знаю, как ты любишь старые церкви.

Я приподнимаюсь на локте и кладу голову на ладонь. Провожу другой рукой, которую он теперь освободил, по своей груди, вниз по животу и скольжу по своей заднице, прежде чем вернуться наверх и, используя большой и указательный пальцы, сжимаю сосок, пока он не затвердевает.

Он стонет, протяжно и жадно.

— Ты действительно хочешь куда-то пойти?

А потом я лежу на спине, руки вытянуты над головой. Он идеально располагается между моими ногами. Я уже чувствую, как быстро он утолщается. Его дыхание участилось, а глаза потемнели.

Да.

Я выиграла.

Только он не пытается использовать впечатляющее оборудование, которым благословлен.

— Как бы мне ни хотелось сказать обратное, и как бы ни противоречили мне твои любовные романы, я физически не могу трахать тебя весь день. Ты понимаешь это, верно?

У нас был секс уже трижды с тех пор, как мы покинули Дасту Фаллс менее суток назад. Быстрый секс в грязном общественном туалете. Томное занятие любовью прошлой ночью после интимного итальянского ужина в бистро дальше по улице. И грубый и грязный раунд этим утром, когда Кэл прошептал все греховные вещи, которые он мечтает сделать с моим телом, заставляя меня кончить сначала ртом, а затем своим талантливым членом. Почти уверена, что выкрикивала его имя не раз. Бьюсь об заклад, я кричала так громко, что меня слышал даже Пьер ЛеМарс.

Одна только мысль об этом заставляет меня снова возбудиться. Я извиваюсь, пытаюсь выровнять его так, как мне нужно.

— Не хочешь проверить эту теорию? — насмехаюсь я, мое дыхание теперь идет короткими выдохами. Я двигаю бедрами вверх и вниз.

Почти готово...

Кэл наклоняется, пока не касается своим ртом моего, когда говорит.

— Нет. Я хочу показать свою чертовски сексуальную жену в городе, а потом вернуться сюда и трахать ее всю ночь на каждой поверхности этой комнаты.

Я перестаю двигаться.

— О? Всю ночь, говоришь?

Он смеется, хотя теперь его губы накрывают мои. Я высвобождаю руки, чтобы обвить их вокруг его шеи и зарыться пальцами ему в волосы. Провожу ногтями по его голове, пока он

целует меня медленно и уверенно.

— А теперь пошли, — говорит он мне, слишком быстро отстраняясь. — Если мне придется лежать здесь дольше и вдыхать запах свежих булочек с корицей и кофе с фундуком, я начну есть свои конечности.

Я ухмыляюсь.

— Можешь вместо этого съесть меня, — предлагаю я.

Бескорыстно, конечно.

Посмеиваясь, он качает головой и отталкивается от меня. Он тверд как камень. Я прикусываю нижнюю губу, позволяя глазам упиваться эротическим видом моего мужа, совершенно голого.

— Ты — злая искусительница, знаешь это?

— Знаю. — Я приподнимаюсь на локтях, остро осознавая, что мои тугие соски указывают в его сторону. — Но, видимо, недостаточно искусительная или злобная.

— О, поверь мне, Лебедь. Ты такая, — хрипит он. — У меня просто потрясающее самообладание. — После быстрого, жесткого поцелуя, я смотрю, как его красивая, тугая, как у бегуна задница неторопливо уходит прочь. Я вздыхаю, когда он исчезает в ванной, откидываясь назад. Все мое тело пульсирует от неудовлетворенной потребности.

— Душ, Мавс, — кричит Кэл из другой комнаты.

— Душ, Мавс, — тихо передразниваю я.

— Я слышал это, сопливая девчонка. — Он высовывает голову из-за угла и протягивает руку. — Как насчет того, что я предложу потерять тебе спинку?

Меня это воодушевляет.

— Только мою спинку? — спрашиваю я, соскальзывая с мягких простыней и направляясь к нему. Плитка холодит мои ноги, как только я перехожу с ковра в ванную.

Прижимая меня к своей мужской наготы, он шепчет:

— Будь хорошей девочкой, и ты сможешь заставить меня сделать для тебя все что угодно.

Моя кожа покрывается мурашками.

— Что угодно? — я смотрю в его сияющие карие глаза, на моем лице широкая улыбка.

— Ага, — мягко отвечает он, заправляя мне за уши непослушные волосы. Это мягкий ход. Тот, который он, вероятно, делает уже больше сотни раз, но теперь он кажется другим. По крайней мере для меня. Я понимаю, что это всегда значит для него что-то большее. — Что угодно.

То, как он произносит это, звучит зловеще. Как будто он будет убивать, лгать, обманывать и воровать ради меня.

— Не думаю, что ты имеешь это в виду.

Момент мгновенно превращается из игривого в серьезный.

— Я всегда имел в виду именно это.

Спустя мгновение, прежде, чем я снова успеваю моргнуть, он снова светлеет и становится добродушным.

Менее чем через сорок пять минут и еще два оргазма (моих) спустя мы спускаемся. Я с облегчением отмечаю, что не чувствую ни холодного воздуха, ни ощущения невидимого преследования. Мы пробираемся через большую гостиную, где сидят двое гостей, читают газету и пьют кофе. Мы вежливо здороваемся, но продолжаем идти.

— Завтрак закончился? — шепчу я Кэлу, отмечая, что уже почти 10:00.

— Все под контролем, Лебедь, — шепчет он в ответ.

— Ах, молодожены. — Шейла сияет, когда мы заходим в роскошную столовую. Темные дамасские стены прекрасны, наряду с богато украшенным кленовым обеденным столом на десять персон, но который накрыт только на две.

— Надеюсь, мы не доставили Вам слишком много хлопот своим опозданием, — извиняюсь я, садясь.

— О, пффф. Никаких проблем, дорогая. Может я и стара, но помню, каково быть молодоженом. — Она заговорщически подмигивает, прежде чем пройти через вращающуюся дверь, предположительно, на кухню.

— Почему ты не сказал мне, что мы должны быть здесь в определенное время? — отчитываю я Кэла, прекрасно зная, что завтрак, должно быть, был подан довольно давно.

Он наклоняется, беря мой подбородок между большим и указательным пальцами.

— Потому что это не так. Я хочу, чтобы эти выходные были веселыми и расслабляющими, и не по чьему-либо расписанию, а по нашему собственному. Хорошо?

— Хорошо, — говорю я, немного запыхавшись. Он целомудренно прижимается губами к моим, когда Шейла возвращается с подносом, набитым пирогом с заварным кремом, колбасой для завтрака, жареным картофелем, фруктами, стопкой французских тостов, посыпанных сахарной пудрой, и булочками с корицей, о которых говорил Кэл ранее.

— Это выглядит невероятно. Спасибо, Шейла, — говорит Кэл нашей хозяйке.

— Не за что. И я позаботилась обо всем, как Вы и просили. — Подмигнув, она возвращается на кухню. Не говоря ни слова, Кэл берет мою тарелку и начинает наполнять ее всякой всячиной. Он убирает кусочки ананаса из вазы с фруктами, потому что знает, что они мне не нравятся.

Я просто смотрю на него, ожидая.

Когда он протягивает мне тарелку и берет свою, ничего не объясняя, я смеюсь.

— Выходные свободные от одежды, как же.

Он смотрит на меня, его рот и брови одновременно изгибаются.

— Я сейчас без белья. Это достаточно близко?

Уголки моего рта растягиваются в гигантской ухмылке.

— Ни одна женщина в здравом уме не стала бы жаловаться на то, что ее мужчина без белья.

— Хорошо. — Он игриво подмигивает, затем садится с такой грацией, что я вздыхаю.

Мы едим в тишине несколько минут, прежде чем меня кое-что осеняет. Я должна держать рот на замке. Я говорю своим голосовым связкам не пропускать через себя воздух. Но это не работает. Меня тошнит от вопроса, на который я ждала ответа уже почти месяц.

— Итак, как дела с этим контрактом с Национальной гвардией? — спрашиваю я, стараясь быть небрежной.

Кэл проницательно смотрит на меня.

— Почему ты спрашиваешь? Ты никогда не интересовалась моей работой.

Полный провал.

— Нет причин. Просто мы приехали сюда, и я подумала об этом.

Быстро соображаешь, Мавс. Так держать.

Он удерживает мой взгляд и отвечает мне прямо, без колебаний. Ничего, что заставляло бы меня думать, что он лжет.

— Задерживается. — Но есть что-то в том, как он произносит свою речь, как будто это

было гладко отрепетировано, что заставляет мои красные флаги развеяться на ветру.

— Что случилось? — я нажимаю, желая увидеть, что он скажет.

Его плечо поднимается и опускается.

— Ты знаешь правительство, — его единственный ответ. Он возвращается к своему завтраку, показывая, что наш разговор окончен.

Я не хочу, чтобы это было так. А хочу задать больше вопросов. Выведать, что он скрывает, потому что теперь я уверена в этом. При любых нормальных обстоятельствах я бы на этом закончила. Федеральные контракты — это самое худшее. На них большая конкуренция, и они затянуты, и мы теряем гораздо больше, чем выигрываем. Мы оба знаем это.

Но я не могу игнорировать это чувство внутри себя. То, которое кричит, что он что-то скрывает от меня. Что-то важное. Я открываю рот, чтобы поднять тему, но вместо этого вылетает одно слово, когда Кэл начинает ухмыляться в свою тарелку.

— Что?

— Что, что? — спрашивает он, глядя на меня из-под смехотворно длинных ресниц, которым я завидую с каждым годом все больше.

— Почему ты так улыбаешься?

Он откладывает вилку, уделяя мне все свое внимание.

— Как, Лебедь?

Его ухмылка — это эпидемия, заражающая воздух.

— Вот так. — Я машу ему двумя пальцами. Когда он изгибает одну бровь, то добавляю. — Как будто... как будто ты только что проглотил солнечные лучи. — Он выглядит... почти ликующим.

— Ты у меня как на ладони.

Я откидываюсь назад и скрещиваю руки. Немного угрюмо.

— Ты и сам много времени проводишь в своей ладони, не так ли? — бросаю я ворчливо в ответ.

Он смеется, а затем качает головой.

— О, да. Моя ладонь очень хорошо знает каждую бороздку и жилку на моем члене. Мы стали почти неразлучны, пока я все эти годы доил себя в фантазиях о тебе.

Мой рот открывается. Я задыхаюсь, когда слышу позади себя резкое: «О, Боже» Шейлы. Кэл ничуть не смущен. Он продолжает ухмыляться, как Чеширский Кот. Внезапный звук раскачивающейся двери, ударяющейся о дверную коробку взад и вперед, свидетельствует о том, что Шейла быстро выходит, поскольку наш разговор принимает восхитительно пикантный оборот.

— Ты сделал это нарочно, — отчитываю я. — Ты видел ее там.

Он имеет отличный обзор на кухню.

— Понятия не имею, о чем ты говоришь. — Кэл отодвигает свой стул и подходит, чтобы выдвинуть мой. Он хватает меня за руки и помогает встать, заключая меня в свои объятия. — Теперь я хочу вывести свою жену на свидание, чтобы каждый мужчина, которого мы встречаем, завидовал мне.

Я нелепо ухмыляюсь, забывая обо всем остальном.

Он хватает мое пальто, которое я повесила на спинку стула, и надевает его. Застегивает меня. Залезает в мой карман, достает пушистые белые перчатки и одну за другой надевает их на мои руки. Его нежная забота обо мне сладка и мила. Заканчивая, он надевает собственное

зимнее облачение.

Обхватывает мои щеки своими теперь уже обтянутыми кожей руками и целует меня в губы.

— Готова?

— Готова.

Только когда мы выходим из парадной двери, держась за руки, в холодный зимний день, я понимаю, что он незаметно перенаправляет весь наш разговор.

Глава 17

Семь месяцев и одна неделя назад

Маверик

Мы проводим утро, гуляя по оживленному центру Сент-Пола. И пьем самый божественный кофе в местной кондитерской. Я разговорилась с хозяйкой о том, что ее партнер переезжает в Лондон, и она размышляет, сдать ее или продать. В конце концов Кэл утаскивает меня, но не раньше, чем я получаю от нее рецепт лучшего сырno-виноградного пирога, который у меня когда-либо был. Мы обмениваемся адресами электронной почты, обещая поддерживать связь.

Затем мы попадаем в причудливый магазин подержанных книг, где Кэл дает мне время побродить по переполненным полкам и выбрать, там есть все, от триллеров, вышедших в прошлом году, до первых изданий классики восемнадцатого века. Которые находятся под замком, конечно. Еще одно место, откуда ему приходится меня вытаскивать.

Наконец, после нетрадиционного обеда с мороженым, мы прибываем в собор Святого Павла. Когда подъезжаем к парковке, я замечаю все автомобили и ленты темно-синего цвета и цвета слоновой кости, свисающие с великолепных высоких красных дверей.

Дерьмо. Субботний день в католической церкви. Конечно.

— Идет свадьба. Мы не можем войти.

Кэл усмехается, выключая двигатель.

— Конечно, можем, Лебедь. Свадьба — это праздник.

— Да, тот, на который принято приглашать, — кричу я, когда он выходит из машины и закрывает дверь. Затем вынуждает выйти и меня, хватая за колени и начиная щекотать, пока я не оказываюсь в его руках. Через несколько минут Кэл одной рукой обнимает меня за плечи, а другой надежно сжимает мою руку.

Мы официально становимся гостями на свадьбе, сидя в джинсах и свитерах в нескольких рядах от элегантно одетых приглашенных гостей в этой захватывающей дух церкви и наблюдая за душераздирающей церемонией.

Слезы балансируют на моих ресницах. Жених в полном беспорядке. Невеста в шаге от потери своего дерьма. И я едва сдерживаюсь, когда первая капля стекает по моей щеке.

Я не знаю эту пару. Не знаю их жизни, истории или того, как тяжело им пришлось работать, чтобы добраться до этого момента. Но точно знаю, что, когда я сижу здесь и наблюдаю, как два явно влюбленных человека навсегда связывают свои жизни воедино, меня переполняет горячее сожаление.

Я растратила свой день.

Стояла перед Кэлом, повторяя те же клятвы, которые сейчас произносит эта пара, и желала того, чего никогда не должна была желать.

Теперь я хочу совсем другого. Хотела бы я иметь возможность заглянуть глубоко в душу Кэла, говоря истинные слова любви и преданности. Хотела бы, чтобы он понял, как

кропотливо собирал мои сломанные части вместе. Хотела бы, чтобы он знал, что я буду вечно благодарна за неожиданный подарок, который он мне преподнес. *Нам* преподнес. Мечтаю все переделать. Наши свидания, день нашей свадьбы, наш медовый месяц, наш первый раз. Всю нашу совместную жизнь.

Я быстро стираю раскаяние с лица, пока толпа встает и приветствует мистера и миссис Стэнли Нидлмейер. Когда счастливая пара скользит мимо нас, они так теряются в своем собственном пузыре, что мы можем быть четырёхговыми инопланетянами, и они даже не заметят. Мы остаемся на месте, когда мимо нас проходит толпа, за которой следует самая симпатичная маленькая девочка в самом очаровательном темно-синем платье и лакированных туфлях в тон. Лепестки от маленького букета, которым она машет туда-сюда, падают на землю позади нее. Она визжит и мчится по длинному проходу, а за ней гонится мальчик на несколько лет старше в элегантном темно-синем костюме. За ними по пятам следует обезумевшая женщина, предположительно мать.

— Кэсси, Эйден! — кричит она. — Остановитесь сейчас же.

Кэсси ловко пробирается между скамьями, Эйден спешит за ней по пятам. Ни один из них не замедляет шаг.

Кэл сжимает мою руку, и когда мои глаза находят его, они светятся... предвкушением? наших детей? Эта мысль привела бы меня в оцепенение еще несколько месяцев назад. И не потому, что я не хочу детей. Я всегда хотела свою семью. А потому, что я всегда представляла их с Киллианом. А теперь... теперь моя картина начинает медленно трансформироваться.

Когда Кэл прикасается губами к моему виску, я выдыхаю от полного удовлетворения. Боже, как я могла не знать, что раньше испытывала к нему эти сумасшедшие чувства? Столько лет потрачено впустую.

— Хорошая идея у меня была, да?

— В этом мне придется уступить тебе, да, — соглашаюсь я с улыбкой.

— Пойдем. Мы можем прокрасться через заднюю дверь незамеченными. — Он тянет меня за руку. Однако я останавливаю его.

— Нет. Давай поздравим счастливую пару.

Он моргает пару раз, прежде чем на его лице появляется широкая ухмылка. Он кивает.

— Мне нравится ход твоих мыслей.

Подвигав бровями, я взволнованно говорю:

— Может, нам удастся раздобыть приглашение на прием? Я могу надеть то сексуальное черное платье, которое ты подарил, и пусть все мужчины завидуют тебе.

Он заключает меня в свои объятия.

— Ах да, но тогда ты затмишь невесту. А каждая невеста заслуживает того, чтобы быть в центре внимания в свой особенный день. — Быстро поцеловав меня в губы, он продолжает низким, многообещающим тоном. — Кроме того, у меня кое-что запланировано на сегодняшний вечер с тобой в этом сексуальном маленьком черном платье.

— Сюрприз Шейлы?

— Нет. Это *м о й* сюрприз. Шейла только что помогла мне с несколькими незавершенными делами.

Этот мужчина. Он так добр ко мне. Слишком хорош.

Я полностью обхватываю руками талию Кэла и крепко сжимаю. Уткнувшись головой в его грудь, я вдыхаю мужской аромат и пряный одеколон, удивляясь, как, черт возьми, мне

так повезло.

— Кэл?

— Мавс?

— Может быть, ты когда-нибудь захочешь возобновить наши клятвы? — это не компенсирует того, что я отняла у нас в первый раз, но, может быть, это даст мне второй шанс сделать все правильно.

Он замолкает. Большинство гостей уже выходят из церкви или толпятся у входа. Так что вокруг никого нет, когда он немного отстраняется и обхватывает мои щеки своими большими ладонями. Когда я вижу слезы в его глазах, мой взгляд затуманивается.

— Ты хочешь возобновить наши клятвы?

Удивление в его голосе убивает меня.

Внезапно я чувствую, что краснею. Мой желудок переворачивается. Я не могу говорить, поэтому вместо этого киваю, проливая все капли, скопившиеся в моих глазах.

— Мавс. — Его голос ломается. Он останавливается и сглатывает. На короткое время закрывая глаза. — Я бы обновлял свои клятвы с тобой каждый божий день до конца моей жизни, если бы ты этого хотела. Моя жизнь *всегда* была посвящена тебе.

Я кусаю губу, изо всех сил пытаюсь сдержать рыдание.

— Я хочу, — хрипло шепчу я.

Хочу больше всего на свете.

Кэл нежно прижимается своим лбом к моему. Его веки закрываются. Он глубоко вдыхает.

— Просто назови дату и время, Лебедь.

Мне легче взять себя в руки, когда он не смотрит на меня с такой любовью, которую я до сих пор не чувствую, что заслуживаю.

— Знаю, что ты любишь нестандартные решения, но я хотела бы сделать это на нашу годовщину. Я хочу скромно и интимно. Может быть, даже только мы.

Не хочу, чтобы драма и прошлое смотрели мне в лицо.

— Мне бы этого хотелось. — Он должно быть чувствует то же самое.

— Хорошо. Тогда это свидание.

— Свидание, — повторяет он с придыханием и сладостью. — То, которое я бы не пропустил ни за что в своей жизни.

Позже тем же вечером мы заходим в «Баррингтон», шикарный бар, расположенный всего в нескольких кварталах от нашей гостиницы. От сильного холода снаружи по моей спине пробегают мурашки. Думаю, с сегодняшнего дня температура упала на пятнадцать градусов. В воздухе летает несколько хлопьев снега и, хотя мне нужно вернуться в пекарню, я не буду возражать, если мы проснемся, а свежевывпавший метр снега подарит нам лишний день в этом месте. Я не тороплюсь возвращаться в Дасты Фаллс и ко всему, что нас там ждет. Проводить время с Кэлом вдали от всего этого, давайте будем предельно честными, вдали от Киллиана — как будто огромный груз сваливается с моей груди.

Я не вижу никого, кроме Кэла. Как и должно быть.

— О, смотри, там есть хороший уединенный столик. — Идеальное место, чтобы снять ботинок и провести босой ногой по бедру Кэла, пока он не распахнёт свои глаза, а потом не зажмурит их. Пока его член не станет таким чертовски твердым, что он заставит меня прочить ему руками под столом.

Он отказался прикасаться ко мне ранее, заставив меня принимать душ в одиночестве. Я все еще немного сержусь по этому поводу. Он сказал:

— *Предвкушение обостряет чувства, Лебедь. И я хочу, чтобы все твои чувства были натянуты, как тетива лука, к тому времени, когда мы вернемся в нашу комнату.*

Ну, я тоже могу связать его чувства в узлы.

— Давай сначала закажем выпивку, — шепчет он мне в щеку. Кладя руку мне на поясницу, Кэл ведет нас к дальней стороне длинной гранитной стойки бара и делает заказ.

— Я буду «Малыша Нельсона».

— «Малыш Нельсон»? Что это такое? — спрашиваю я, глядя на него. Эта сексуальная ямочка на его щеке появляется, когда он одновременно изгибает уголки губ и подмигивает.

Бармен кивает и тянется за бутылкой «Джека Дениелса». Я морщусь лоб. Кэл даже не любит «Джека». Но он не берет ее с полки. Вместо этого бармен дергает ее вперед, как рычаг или переключатель, и стена слева от нас, выкрашенная полностью в черный цвет, тихо открывается.

— Спасибо, чувак, — говорит Кэл.

— Боже мой. Что это? — удивленно спрашиваю я, глядя на открытую лестницу перед нами.

Кэл подталкивает меня вперед, теперь моя рука зажата в его руке. Когда мы идем по открытому пространству, дверь захлопывается, закрывая нас и приглушая шум. Мы сейчас на площадке тускло освещенной узкой деревянной лестницы. Ступени старые и изношенные. Из-за стольких лет использования, немного просевшие посередине.

— Где мы? — шепчу я.

— Ворота в рай, — медленно отвечает Кэл.

Я поворачиваюсь и хватаю лацканы его пиджака. Поднявшись на цыпочки, я соблазнительно хлопаю глазами.

— Ты сказал мне сегодня утром, что это место между моими красивыми бедрами.

Грозовые тучи накатывают на его карие глаза, делая их черными. Он делает шаг ко мне. Я отступаю. Он снова подходит, но мне некуда идти, потому что спиной упираюсь в кирпичную стену. Опуская ладони по обе стороны от моей головы, он полностью прижимается ко мне нижней половиной. Он чертовски тверд. У меня перехватывает дыхание.

— Я так сильно хочу трахнуть тебя прямо сейчас, — говорит он мне. Его тон низкий и грубый. Гортанный. Да, гортанный и грешный, как ад.

— Здесь? — я задыхаюсь.

Его стальные, решительные темные водоемы похоти смотрят на меня.

— Да.

Температура моего тела взлетает. Мне сейчас так чертовски жарко и беспокояно, что я чувствую, будто таю. Мои глаза устремляются к дверям по обе стороны от нас.

— Прямо здесь? На этой лестнице?

— Да, — уверенно шепчет он своим хриплым голосом мне в ухо. Мои веки закрываются. Одна из его рук скользнула по моему бедру. Обнаружив голую кожу, он проводит по ней вверх. Довольно скоро он обнаружит сюрприз, который я приберегаю на потом.

— О, блядь, Лебедь, — протяжно и низко рычит он, ударяя мою голую, неприкрытую киску.

Мою голую, неприкрытую, *мокрую* киску.

Теперь я та, кто ругается, когда он проталкивает два жадных пальца внутрь меня. И я хрипло выдыхаю его имя, когда он начинает трахать меня пальцами с чистой, сосредоточенной преданностью моему удовольствию.

Мне так хорошо, что все, что я могу сделать, это держаться.

Я полностью осознаю, что мы рискуем. Мое платье задрано до талии, а интимные места выставлены на всеобщее обозрение, пока мой муж трахает меня пальцами в общественном месте. Кто угодно может пройти через любую дверь. В любой момент. Но это только усиливает мою потребность...

— Такая мокрая, — бормочет он, словно от боли. — Такая безбожно мокрая, Мавс.

Боже, это так.

Я протягиваю руку между нами, чтобы схватить его член поверх брюк. Он стонет и пульсирует два раза подряд, когда я пальцами обхватываю его член. Глажу его вверх и вниз. Он набухает больше с каждым разом.

— Я должен был перегнуть тебя через кровать и трахнуть перед зеркалом в пол перед тем, как мы ушли, — бормочет он в мой безвольный рот.

— Должен был, — умудряюсь собраться я.

Я так растворяюсь в нас, в том месте, куда он меня толкает, что действую, не задумываясь. Свободной рукой развязываю единственную завязку на боку, скрепляющую две половинки моего платья. Раздвигаю ткань, обнажая свой прозрачный черный лифчик. Он едва прикрывает мои украшенные стразами соски.

— Святое дерьмо, Лебедь.

Каждый нерв покалывает невообразимой чувствительностью, когда он концентрируется на моей груди. То, как он смотрит на меня, возбуждает. Как будто я последняя еда на Земле, которую он съест, поэтому он собирается максимально использовать каждый кусочек.

Не прекращая своей дьявольской внутренней ласки, Кэл опускается и зажимает выступающий бутон между зубами. Я кричу, мое болезненное удовольствие короткими волнами эха достигает ушей. Затем он сильно сосет, смачивая ткань.

Моя киска сжимается, напрягается, так что я чувствую каждый толчок и прикосновение его пальцев к моим стенкам. Этого недостаточно. Ничего недостаточно.

Обвивая ногу вокруг него, я открываюсь ему еще больше. Он пользуется моим новым положением, добавляя третий палец. Как только его большой палец начинает касаться моего клитора, я начинаю дрожать.

— Кэл, Боже. Я сейчас взорвусь.

— И ты заставишь меня испортить эти штаны, если будешь продолжать в том же духе. — С каждым движением вверх я двигаюсь прямо под его чувствительной головкой. Боже мой, если бы мой рот был на нем прямо сейчас. — Маверик, черт возьми, это приятно.

Я чувствую себя пьяной прямо сейчас.

Высоко, свободно, головокружительно. Так чертовски дерзко, что я хочу, чтобы он вгонял в меня член вместо руки. Без его возражений я расстегиваю пуговицу на его брюках и наполовину расстегиваю молнию. Внезапно до наших ушей доносится скрежет металла по бетону. Мы оба замираем.

— Дерьмо, — бормочет Кэл.

Я чувствую пустоту, когда он быстро убирает пальцы и снова натягивает мое платье. Но он не отступает. Вместо этого хватает мое лицо ладонями, влага стекает на мою щеку, и

прижимается губами к моим. Он целует меня со страстью, желанием и серьезным разочарованием. Ноги стучат по дереву. Голоса становятся ближе. Слышен свист. Нацеленный на нас, я уверена. И *все же* Кэл продолжает меня целовать. Он останавливается только тогда, когда мы слышим, как закрывается потайная дверь, снова оставляя нас одних.

Прижимая наши лбы друг к другу, он ворчит.

— Я чуть не трахнул тебя прямо сейчас. И к черту последствия.

Воздух заряжен, трещит. Манит меня быть ужасно плохой.

— Трахни, — нажимаю я на него, затаив дыхание.

Иисус, что я говорю? Публичный секс?

Он слегка отклоняется назад, его взгляд захватывает мой. Его янтарные глаза горят. Так жарко, что все мое существо горит. Не говоря ни слова, он опускает руку. Когда я слышу, как расстегивается его молния, то позволяю моему платью снова расстегнуться. Я чувствую его член, твердый и бархатистый, у моего живота всего за секунду до того, как он проводит своей толстой головкой по моей влажности. Обхватывает ладонью мое бедро и обвивает моей ногой свою, так что моя пятка касается его голени. У меня перехватывает дыхание, когда он, не отрывая от меня глаз, ныряет внутрь одним яростным толчком.

— О, Боже.

Мой оргазм, ослабевший после того, как мы его прервали, возвращается. Он резкий, мгновенный. Меня это так удивляет, что Кэлу приходится захватить мой рот, чтобы проглотить мои вопли.

Он жестко, почти бессердечно трахает меня. Его бедра шлепают, безжалостно и болезненно, его лобковые кости врезаются в мои с каждым грубым толчком.

— Черт возьми, Мавс, — выдыхает он, пронзая меня еще дважды, прежде чем издать долгий прерывистый стон. Его измученное тело обмякает рядом с моим. Его вес заставляет мои лопатки впиваться в углубления в стене позади меня. Тем не менее, он ощущается хорошо, поэтому я не отталкиваю его. Мы должны двигаться. Но мы не двигаемся.

— Это было...

— Ага, — выдыхаю я в знак согласия. Мои глаза зажмурены. Моя кожа блестит от пота. Мое сердце колотится о ребра. Аромат секса, витающий в воздухе, безошибочен.

— Это было.

— Не пользуйся туалетом, — говорит он, кряхтя. — Я хочу, чтобы моя сперма стекала по твоим бедрам. — Он толкает эти грязные слова мне в ухо.

Святое дерьмо, какие вещи он иногда говорит.

— Ты как пещерный человек, — поддразниваю я, пока он нежно, но умело завязывает мое платье. Даже красиво завязывает бант, прежде чем снова застегнуть штаны.

Он откидывается назад и нежно прижимается своими губами к моим.

— Виновен. Ты сводишь меня с ума, Маверик. Всегда.

Я ухмыляюсь, сияя. Определенно переполненная чувствами к нему.

— Итак, ах... куда ты вел меня, муж, до того, как трахнул до полусмерти на потайной лестнице?

Он выпускает поток воздуха, который обдувает мое лицо. Кэл до сих пор пахнет мятой, которую съел после ужина.

— Мне нравится это слышать, знаешь ли.

— Что? — я протягиваю руку и провожу пальцем по его сильной линии подбородка, наслаждаясь ощущением щетины под подушечкой.

— Муж. Мне *нравится* быть твоим мужем, Маверик. Я всегда этого хотел, и было время, когда... — он замолкает. Быстро переводит взгляд в пол. Возвращает обратно к моему. Жар, который был в них раньше, сменился какой-то болью. — Было время, когда я думал, что, может быть, этого не произойдет.

Моя улыбка сползает с лица, и дыхание застревает в горле. Поэтому каждый раз, когда он внутри меня, мне кажется, что он пытается заклеить не только меня, но и мою душу? Он боится, что я передумаю и вместо этого побегу к Киллиану, если представится шанс? *Передумаю ли я?* Хотела бы я быть в состоянии сказать со стопроцентной уверенностью, что ответ нет, но истина Божья в том, что... я не могу быть уверена. Киллиан всегда будет каким-то образом привязан ко мне. Независимо от того, удастся ли мне когда-нибудь разорвать его хватку на мне, *отпечаток* навсегда останется. Я просто ничего не могу с этим поделать.

Время как бы замедляется, пока мы ищем души друг друга.

Что он видит? Видит ли он женщину, которая изменилась за последние несколько месяцев? Видит ли он женщину, которая действительно влюбилась в мужчину, стоящего перед ней? Или он видит ту, кто, по его мнению, предала его с братом из всех возможных людей?

Вот что я чувствую, когда смотрю на него сейчас. Несмотря на то, что мы с Кэлом не были чем-то особенным, пока не расстались с Киллианом, я чувствую, что каким-то образом предала его. Полагаю, что в некотором роде так и есть.

Мы оба это знаем. Мы оба так думаем. Однако никто из нас этого не признает.

Мое сердце бьется вдвое быстрее. Это та часть, где мы приближаемся к этой двусмысленной линии. Но пересекаем ли мы ее? Упомянем ли мы *его* имя и, наконец, вскроем этот рубец, или снова обойдем стороной?

Честно говоря, я не знаю, что сказать, поэтому молчу и просто жду.

Он наклоняется ко мне. Легко касается губами моего лба. Затем слишком быстро тянет назад.

— Пойдем, — говорит он, беря меня за руку. — Я хотел показать тебе настоящий живой бар двадцатых годов, который настолько эксклюзивен, что ты не можешь попасть туда, если не знаешь нужных людей.

Мы ходим по кругу.

— Хорошо. — Когда я коротко улыбаюсь и кладу свою ладонь в его, позволяя ему вести меня вниз по шаткой лестнице, я думаю о *круге*.

Он становится все меньше и меньше, и меньше. Мы стираем края.

Они хрупкие.

Они трескаются.

Скоро ничего не останется.

Тогда у нас не будет другого выбора, кроме как войти в самый центр, где под нашими ногами похоронены обиды, ожидающие, когда их выкопают, как призраков на кладбище.

Глава 18

Настоящее

Маверик

Я теряю счет времени.

Как долго я нахожусь в этой комнате? Она должна быть убежищем, но ощущается как тонущий корабль посреди океана. Кислород бесценен, и каждый неглубокий вдох в конце

концов станет для меня последним.

Проходят минуты? Столетия?

Я не знаю.

Не уверена, что мне не все равно.

Несколько человек входят и выходят из часовни. Я молча смотрю на них. Они сидят или стоят на коленях. Некоторые зажигают свечи. Другие этого не делают. Они шепчут молитвы. Тихо плачут. Умоляют и просят за своих близких. Они не думают, что я их слышу, или, может быть, им все равно. Может быть, они думают, что, если мы все объединимся в демонстрации единства, это спасет по крайней мере одного из наших близких, которые сейчас борются за свою жизнь.

Но если это не мой, если это не *он*, мне *все равно*.

Черствая. Эгоистичная и бессердечная. Говорите, что хотите об этом. Это не делает меня плохим человеком. Это делает меня человеком.

Возможно, я не знаю, как долго сижу здесь в традиционном марше секунд и минут, но этого достаточно, чтобы понять, что люди, проходящие через это убежище, делятся на два лагеря.

Жизнь или смерть.

Отчаяние или надежда.

Неповиновение или поражение.

Я знаю, в каком лагере.

Я — неповиновение. Неповиновение — это я. Если он умрет, я узнаю об этом. *Почувствую*, как *наша* связь порвется в самой глубине моего существа. И прямо сейчас моя душа чувствует себя раздавленной, но не мертвой. Я знаю, что буду чувствовать себя сухой и пустой, если он оставит меня здесь одну.

Так что пока он сражается, я тоже буду. Буду сражаться за силу там, где я слаба. Борюсь за надежду, чтобы заменить отчаяние. Буду сражаться за нас, потому что, если он справится с этим, то будет нуждаться во мне рядом с собой больше, чем когда-либо прежде.

Мягкий звук открывающейся двери предупреждает меня, что я больше не одна. Надеюсь, меня никто не нашел. Не могу переварить ни одно из их лиц прямо сейчас. Ни одно.

Краем глаза вижу хрупкую пожилую женщину, шаркающую мимо к маленькому алтарю впереди. Она протягивает дрожащую руку, и вскоре после этого я слышу отчетливое трение зажженной спички. Я думаю, что этот крошечный кусочек дерева распадется прежде, чем она зажжет фитиль свечи, но она прекрасно справляется. Как только загорается свеча, она медленно поворачивается и садится на первую скамью, когда замечает меня.

Она выпрямляется.

Я расправляю плечи.

Мы беззвучно смотрим.

Я могу прочесть ее боль.

Думаю, может быть, она тоже может прочесть мою.

Блеск бейджа, приколотого к ее блузке, ловит свет. Волонтер, наверное. Она слишком стара, чтобы работать здесь.

Внезапно мои глаза горят, зудят и затуманиваются. Я пытаюсь остановить это. Но безнадежно. По какой-то непонятной причине ей удастся вызвать лавину мучительного одиночества, которое я больше не в силах сдерживать.

Затем она направляется в мою сторону.

Она чужая, но в то же время нет. Меня тянет к ней по какой-то странной, необъяснимой причине. Должно быть, она чувствует то же самое, потому что садится и придвигается, пока наши бедра практически не соприкасаются.

Она смотрит на меня, а я на нее.

Не говоря ни слова, она кладет свою руку поверх моей. Она прохладная и липкая. Я бы почувствовала ее возраст только по рукам, даже если бы мое зрение не работало.

Слезы стекают по щекам вниз по моему горлу, впитываясь в горловину рубашки. Я едва могу разглядеть ее сейчас в этом бесконечном потоке, каждая большая капля отталкивает другие с пути, освобождая место для тех, что за ними.

Она сжимает мои пальцы. Ее простое человеческое прикосновение посылает этот мир и покой всей моей душе. Затем она хрипит голосом более твердым, чем можно было бы придать ее возрасту:

— Я знаю, что так кажется, дорогая, но ты не одинока. Ты можешь отпустить. Я держу тебя.

И тогда я отпускаю. Полностью, блядь, теряю самообладание. Он говорил мне это так много раз за эти годы, что мне кажется, будто это он сидит здесь, разговаривает со мной, успокаивает меня через это видение. Говорит мне быть сильной, не терять надежду. Что время, которое мы провели вместе, было слишком коротким, и он вернется ко мне.

Некоторые люди называют это чушью, но я верю в божественное вмешательство. Я почувствовала это, когда наткнулась на старушку Райли. Я почувствовала это, когда была всего в нескольких мгновениях от смерти в том холодном озере в возрасте одиннадцати лет. Я чувствовала это, пока *он* наблюдал за мной все эти годы.

И теперь, когда моя голова покоится на плече старушки, и я безудержно рыдаю, то чувствую это сейчас.

Чувствую *его* сейчас.

Я погружаюсь в эту безопасность, которую он всегда давал мне, отказываясь верить, что есть какой-то другой исход, кроме долгой совместной жизни. Тот, который мы всегда представляли.

Глава 19

8 лет назад

Кэл

— Не могу поверить, что позволил тебе уговорить меня на это, — ворчу я, поправляя удушающий предмет на моей шее, он же — мой галстук. Полагаю, мне следует привыкнуть к этому. Как юрист, не сомневаюсь, что от меня будут ожидать ежедневного ношения костюма и галстука, хотя я бы предпочел джинсы и потрепанные ботинки.

— О, прекрати свое нытье. — Она отталкивает мои руки и фыркает, исправляя ту жалкую работу, которую я выполнил, собирая этот кусок тонкого, скользкого материала в некое подобие узла.

— Я серьезно, Лебедь. Как тебе вообще удалось заставить меня согласиться на эту нелепую идею? — хотя я знаю, как. Она похлопала своими гребаными ресницами. Одно трепетание — это все, что потребовалось. На самом деле это был даже не трепет. А просто... *взгляд*. Она — медовая ловушка, в которую я попадаюсь. Каждый. Гребанный. Раз. Без вариантов.

Мавс прекращает свое занятие и смотрит на меня. Ее глаза широко раскрыты.

Потрясающе великолепно.

Она нанесла немного туши и нарисовала веки относительно нейтральным цветом, но что бы это ни было, они слегка мерцают. На ее губах немного блестящего ягодного блеска. Но это все. Никакая другая косметика не портит ее лицо. Все просто. Чистая. Такая сдержанная и в то же время такая она. Она — полный оксюморон. Знойная, но в то же время невинная. Сладкая, но такая чертовски дикая, что у меня кружится голова.

— Я застала тебя в момент слабости? — игриво предлагает она.

— Я всегда слаб рядом с тобой, — бормочу я, протягивая руку, чтобы стереть темное пятно с ее переднего зуба. Я позволяю своему пальцу почти неосяземо проследовать по ее щеке, прежде чем снова прижимаю его обратно к себе.

Если быть честным с самим собой, то мы оба знаем, почему я здесь. Помимо того факта, что ей невозможно отказать, я здесь для того, чтобы держать других парней подальше от ее трусиков. А с облегающим нежно-голубым шелком, в котором она щеголяет, парни захотят заползти в эту горячую точку и попробовать ее на вкус. Но это не их вина. А ее. Она так чертовски красива, что это все равно, что погрузиться в свое собственное личное безумие, потому что ты знаешь, что не можешь заполучить ее. Я знаю. Я нахожусь в своем личном аду в течение многих лет, с этой женщиной и без нее. И дело в том, что она ничего не знает обо всем этом. До сих пор.

— Ты уверен, что я хорошо выгляжу? — спрашивает она, переключая свое внимание на декольте, опасно выглядывающее из этого греховного платья. Выбившийся шоколадный локон скользит вниз, вниз, вниз по ложбинке ее сисек и исчезает под тонкой тканью.

Гребаный ад из всех адов.

Интересно, что она подумает, если я накину на нее толстовку перед уходом.

Она тщетно пытается сдвинуть две части декольте поближе друг к другу, но все, что ей удастся сделать, это еще больше увеличить свои упругие сиськи. Мысленно я стону, изо всех сил пытаюсь удержать свою эрекцию под контролем. Позже в комнате для мужчин я чертовски долго буду душить эту змею, это уж точно. Это сжигает мои внутренности, знание, что я не единственный, кто фантазирует о Маверик ДеСото.

Не в силах больше терпеть, я хватаю ее за руки и развожу их в стороны, крепко держа.

— Прекрати... Господи, Мавс. — Я притягиваю ее к себе и прижимаюсь лбом к ее лбу. — У этих болванов из средней школы будут стояки в течение нескольких дней от одного воспоминания о том, как ты выглядишь. Ты — мечта любого мужчины. Влажная или сухая, — заканчиваю я шепотом.

Что, черт возьми, я несу? Любая мечта с участием Маверик будет влажной. Грязно влажной.

— Кэл, — она наполовину смеется, наполовину задыхается.

— Что, Лебедь? Просто говорю, как есть.

Ее голова откидывается назад, этот широко раскрытый взгляд снова впивается в меня. Выражение ее лица непроницаемо. Она несколько раз моргает своими большими зелеными глазами лани, прежде чем тихо ответить.

— Спасибо.

— Всегда пожалуйста, — хриплю я. *Боже, если ты где-то там, мне сегодня понадобится солидная порция терпения вечером, чувак. Пожалуйста, не дай мне испортить наши отношения, набросившись на нее или изрыгая то, что я безнадежно влюблен в нее.* — Нам лучше идти. Мы уже опаздываем на час.

Ее губы изгибаются. Затем она издает тот вздох, от которого у нормальных людей звенят тревожные колокольчики, как будто речь идет о чьей-то жизни или смерти. Только с Мавс дело в том, что она вспоминает что-то, что хочет тебе рассказать. Обычно это неважно. Она напугала меня до смерти в первые несколько раз, когда это сделала. И когда она делает это, пока я еду по дороге, то думаю, что перед нами выскочит олень или у нее просто лопнет аппендикс. Однажды мы чуть не разбились из-за ее вдоха.

— Чуть не забыла! Твой корсаж.

— О, черт возьми, нет. — Я хватаю ее за руку как раз вовремя, когда она пытается упорхнуть. — Достаточно того, что я иду на твой выпускной бал, когда достиг законного возраста употребления алкоголя. Я не... ай-яй-яй... — я прикладываю палец к ее открытому рту, втайне наслаждаясь ощущением. — ...никаких возражений. Я не надену гребаный цветок с этим рыхлым белым дерьмом на лацкане, пока не женюсь. — Я также отказываюсь от смокинга, выбирая обычный черный костюм.

— Но это традиция, — ноет она.

— Плевать, детка. Ты хочешь, чтобы я пошел с тобой или нет?

Уголки ее рта опускаются, и она надувает губы.

Господи Иисусе.

Хочу поцеловать ее за это, но я знаю, что лучше этого не делать. Я попробовал это однажды, когда она была в пятом классе. Мне было тринадцать. Ей было десять. Это был единственный и неповторимый раз, когда мои губы коснулись ее. Моя голова витала в облаках, пока пощечина, разнесшаяся по лесу, не вернула меня с силой и болью на землю. Потом она бросилась от меня быстрее зайца, и я не видел ее три дня. Потребовалось около дюжины извинений, прежде чем она снова заговорила со мной. И заставила меня пообещать, что я никогда больше этого не сделаю.

Я пообещал.

Однако, я солгал.

Я попробую еще раз, но время решает все. Выйти из френдзоны непросто. Нажми в неподходящее время, и ты навсегда потеряешь своего лучшего друга. И я не могу рисковать, потеряв Мавс. Никогда. Понимаю, что сейчас самое время копать глубже в поисках терпения, а не обязательств. Как бы мне ни хотелось, чтобы так и было, поскольку я заканчиваю колледж и поступаю в юридическую школу, а она вскоре уезжает в колледж, сейчас для нас неподходящее время.

— Прекрасно. Пусть будет так, — говорит она, скрещивая руки на груди.

— Пусть будет, — говорю я, скрещивая свои собственные, легко подражая ее упрямству.

Она улыбается. Я улыбаюсь.

Она смеется. Я тоже смеюсь.

Все хорошо.

Через десять минут мы заканчиваем с фотографированием и можем уходить. Вивиан даже позволяет нам немного постоять на краю ее гостиной. Мавс нарочно спотыкается, чтобы упасть на чистый ковер. Ее мама начинает беситься.

Гребанная Вивиан и ее драгоценный ковер. Она вытаскивает эти чертовы щетки быстрее, чем я успеваю моргнуть, и все мысли о том, чтобы зафиксировать последний выпускной бал ее младшей дочери, почти забыты. Меня убивает, что Маверик держится на нижней ступеньке списка приоритетов своей матери. Вивиан и Ричард ДеСото не плохие родители, просто у них другие приоритеты, к которым не относятся их дети. Когда она

станет моей, я буду поклоняться ей, как редкой находке, которой она и является.

— Давай. — Я просовываю свои большие руки между ее маленькими и тащу к двери. Всего несколько минут спустя мы входим в двойные двери школы Святой Бернадетты, и моя рука собственнически лежит у нее на поясице.

Когда мы добираемся до спортзала, вечеринка в самом разгаре. Танцпол переполнен. Люди толпятся, болтаясь небольшими группами. И вот головы уже вскружены. Глаза вытаращены. Языки болтаются. Мужские умы крутятся в грязных мыслях о том, что скрывается под ее восхитительным платьем, и как избавиться от него.

Мои глаза путешествуют по ней, вид с такой высоты потрясающий.

Но святой милосердный Боже. Где та гребаная услуга, о которой я просил ранее, потому что это не то.

Ее соски похожи на чертовы маяки, гордо выступающие на фоне ткани того душащего член предмета, который на ней надет. Когда она спускается по лестнице, неуклюже балансируя в своих модных туфлях, мой член так болезненно напрягается, что мне приходится застегнуть пиджак, чтобы скрыть следы.

Я сжимаю зубы и пальцы вокруг нее, прижимая ее ближе к себе. Подумываю накинуть на нее свой пиджак, но думаю, что пуговицы окажутся прямо на уровне груди, привлекая еще больше внимания, чем она уже привлекает. Я замечаю, как несколько похотливых придурков пялятся на нее, но они тут же отводят глаза.

Хорошо.

У меня такое чувство, что на моем лице всю ночь будет хмурое выражение.

— Что случилось? — спрашивает она, такая невинная и такая чертовски рассеянная.

— Ничего, — скриплю я. У меня уже болит челюсть. — Давай что-нибудь выпьем.

Мы прокладываем себе путь сквозь толпу. Мои зубы сжимаются, пока я бросаю злобные невысказанные предупреждения всем, кто размахивает палкой в радиусе ста ярдов. И думаю, что все начинают понимать послание громко и чертовски ясно.

Она моя.

И всегда будет моей.

Мы стоим там с нашими маленькими пластиковыми стаканчиками, полными какого-то ужасного сладкого пунша, и осматриваем хреново украшенный спортзал. Сейчас он кажется таким маленьким и незначительным, чем был, когда мы пытались попасть на региональные соревнования по баскетболу среди мальчиков всего четыре коротких года назад.

— Ты делала это? — спрашиваю я, указывая на золотые, зеленые и фиолетовые воздушные шары, скрученные вместе, чтобы образовать арку вокруг входа в спортзал. Я замечаю фотобудку в углу с различными шляпами, боа и прочей ерундой. Мои глаза путешествуют по маскам, прикрепленным скотчем к стене, а затем к разноцветным бусам на шее Мавс, которые кто-то накинул ей на голову по дороге сюда. Бусы также присоединились к вечеринке сисек, тусуясь прямо в этом сладком местечке между ее холмиками.

*Бл****дь.*

Это будет чертовски долгая ночь.

Она одаривает меня испепеляющим взглядом, заставляя усмехнуться.

— Черт возьми, нет, я этого не делала, — хмыкает она.

Это моя девочка.

— Удивлен, что ты захотела прийти.

Обнаженное, нежное плечо приподнимается и опускается.

— Мэри-Лу была неумолима, пока я не сдалась. Бессмысленно бороться с ней, когда она становится такой.

Упомянутая Мэри-Лу машет нам с другого конца комнаты. Они с Ларри стоят в очереди к фотобудке. Я бы не удивился, если бы к двадцати пяти годам они были женаты и имели троих детей. Думаю, что женитьба — это новая идея. Дети? Я хочу их, но спешить с этим не стоит. Сначала мне нужно насытиться Мавс.

Мавс делает глоток своей сахарной воды, стараясь вести себя как можно беззаботнее.

— Так... Киллиан вернулся, да?

И вот так просто мое сердце камнем падает вниз, забирая с собой и желудок. Нет... даже не камень. Гребаный пятитонный валун. Такие, которые гравитация тянет вниз по горам во время схода лавин. Тот, который сокрушает, убивает надежды и мечты, забирает жизни. Да... такого рода.

— Ага. Переехал обратно на прошлой неделе.

— Папа сказал, что он будет работать у него?

Эта нотка надежды в ее голосе заставляет мою кожу зудеть. Я провожу пальцем между воротником рубашки и горлом. Тяну, ослабляя ублюдочный галстук, чтобы я мог дышать.

— Ага, — натянуто отвечаю я.

Одержимость Маверик Киллианом, казалось, только растет, а не ослабевает. И, черт возьми, его тоже. Именно поэтому я здесь этим летом, стажируюсь в ДеСото Констракшн Индастрис. Я хочу вернуться в этот город также, как хочу провести время в своей спортивной форме после пятимильной пробежки, но Киллиан путает все карты. Маверик останется здесь до осени, пока не уедет в колледж. И я ни за что, бл*дь, не оставлю их наедине без присмотра на все лето. Этого не случится.

— Эй, Маверик, — раздается сзади чей-то низкий голос. Я оборачиваюсь и сталкиваюсь лицом к лицу с Брюсом Чатни, иначе известным как Один Орех. Брюс происходит из семьи фермеров, и он совершил ужасную (в буквальном смысле) ошибку, переступив через ВОМ (вал отбора мощности) во время его работы. Любой фермер скажет вам, что это под большим запретом. Ему повезло, что он не умер, а вместо этого просто лишился одного ореха, отрубленного в результате инцидента, когда штанина его джинсов попала во вращатель и засосала его внутрь. История гласит, что он держался изо всех сил почти три часа, пока его отец не забеспокоился и не пришел проведать его.

— Привет, Брюс, — мило отвечает Мавс.

— Ты, э-э... ты хочешь, э-э... — взгляд Чата быстро скользит по мне, затем возвращается к Мавс, как будто меня не существует. Как будто я здесь не в качестве ее кавалера. И почему он так думает обо мне? Все в городе знают, какие у нас тесные отношения. *Как у друзей. Просто как у гребаных друзей.* — Эм, потанцуешь со мной позже? — он заканчивает заикаться. Похоже, придурок потерял в той аварии не только левый орех. А еще, например, способность общаться с противоположным полом, не описываясь в штаны.

— Извини, — вставляю я как раз в тот момент, когда Мавс готовится ответить. Вероятно, согласиться. — Ее танцевальная карточка на этот вечер заполнена.

Крошечный вздох вырывается из горла Мавс, когда я притягиваю ее к себе и обнимаю сильной рукой за талию. Затем чувствую, как ее пламя освещает правую сторону моего лица, пока я продолжаю пялиться на Один Орех, который еще не совсем понимает суть.

Слава Богу, что я здесь сегодня вечером. Может, они и способны смотреть, но я

переломая им гребаные пальцы, если они хотя бы подумают о том, чтобы прикоснуться. Не то, что потанцевать. Она моя. На всю ночь. Я не очень часто захопываю ее себе, так что собираюсь извлечь максимум пользы, когда это происходит.

— О, да. Эм, ладно. Конечно. Я... э-э-э... Тогда увидимся где-нибудь.

Господи, мне почти жаль беднягу.

Почти.

Как только он оказывается вне пределов слышимости, Мавс поворачивается ко мне.

— Что, черт возьми, это было?

— Что?

— Что? Ее танцевальная карточка на этот вечер заполнена. — Она понижает голос, производя на меня ужасное впечатление, цитируя то, что я только что сказал.

— Я так не говорю, — поддразниваю я, изо всех сил стараясь не накинуться и не завладеть ее губами в карающем поцелуе, показывая каждому гребаному мудаку здесь, что она уже занята. Показывая *ей*, что она уже занята. И не Киллианом.

Терпение, Шепард.

— Ты не говоришь, как? Как ревнивый парень-собственник?

Мои зубы сжимаются. Каждое слово этого утверждения истинно, кроме «парня». То, чего я хочу больше всего. Титул, которого, боюсь, у меня никогда не будет. Трудно сохранять легкий тон, когда я киплю внутри, но мне это удается.

— Я сделал тебе одолжение, Лебедь.

— Одолжение? — она не столько спрашивает, сколько призывает объясниться. Так я и делаю.

— Да, одолжение. Я прямо сейчас могу себе представить, как это будет. — Я провожу рукой по пустому пространству перед нами, вызывая в воображении образ. — Ты потанцуешь с этим беднягой, и он влюбится в тебя. — *Точно.* — Он будет ухаживать за тобой. Тогда ты влюбишься в него. — *Черта с два.* — И вскоре, после того, как вы двое поженитесь, — *только через мое мертвое, безжизненное тело,* — ты узнаешь, что он не только потерял одно яичко в том несчастном случае, но и пловцов в этом мертвом бассейне. — *Эта часть может быть правдой.* — Ага, никаких маленьких миниатюрных Орехов, бегающих по ферме.

По мере того как я рисую картину того, какой была бы ее жизнь с Одним Орехом, ее улыбка становится все шире и шире. К концу моей тщательно продуманной сказки она смеется так сильно, что я вижу слезы в уголках ее глаз.

— Видишь? Одолжение.

— Да. Я это вижу. — Отвечает она, все еще смеясь.

Как раз в этот момент из динамиков начинается песня Lifehouse «Ты и я». Я не спрашиваю, а просто тащу Мавс на танцпол и прижимаю к себе, когда начинаю раскачивать нас в такт музыке. Она напрягается всего на секунду, прежде чем расслабляется, мышца за мышцей, пока полностью не прижимается ко мне.

Вдыхая ее опьяняющий аромат, впитывая в свое тело это великолепное, дикое, невероятное создание, я понимаю, что Один Орех — это только верхушка айсберга. Будет тысяча придурков, стоящих в очереди за шансом встретиться с ней, один за другим, выскакивающих, как гребаные чертики из табакерки.

Я знаю, что она скоро поступит в колледж. Знаю, что она будет подвергнута другим попыткам завоевать ее. Меня тошнит от того, что ее будут приглашать на вечеринки

братства, могут что-то подсыпать в напитки, использовать в своих интересах, и не потому, что она не глупа, а потому, что она такая чертовски привлекательная и притягательная. Я также знаю, что ничего не смогу с этим поделать. Только надеяться и молиться, чтобы она не нашла кого-нибудь другого.

От этой мысли по моим венам пробегают ледяные осколки паники, и вместо того, чтобы несколько минут обдумать свои мысли, чтобы отговорить себя от промаха, я совершаю кое-что опрометчивое и глупое. То, о чем буду сожалеть долгие годы. Ее слова разрезают меня надвое, преследуя и приводя в бешенство каждый раз, когда я прокручиваю их в голове.

— Сходи куда-нибудь со мной.

— Что? — лениво спрашивает она.

Я прекращаю раскачиваться и откидываюсь назад, чтобы поймать ее взгляд.

— Сходи куда-нибудь со мной.

Она непонимающе смотрит на меня. Явно сбитая с толку.

— Свидание, Лебедь. Сходи со мной на свидание. Настоящее.

Ее брови хмурятся. Клянусь, она перестает дышать. Открывает рот один раз, ее язык готовится сформировать слова, но передумывает. А потом она наступает на меня ногами.

— Кэл, я... я не могу. — Она выглядит искренне печальной. Для меня, я полагаю.

— Почему? Назови мне хоть одну вескую причину.

Склонив голову набок, она медленно отвечает, как будто у меня поврежден мозг.

— Потому что мы друзья.

— Друзья ходят на свидания. Все время. Друзья даже влюбляются и женятся. И живут долго и счастливо, — идиотски продолжаю я.

— Я не могу, — теперь она почти шепчет. Джейсон Уэйд все еще напевает на заднем плане, и прямо сейчас, если бы он стоял передо мной, я бы ударил его по горлу. Думаю, его слова и гипнотическая мелодия смягчают меня, заставив поверить, что я смогу уговорить ее стать моей. Мне следовало бы знать лучше. Ничто с этой девушкой не дается легко.

— Этого недостаточно. — Она пытается отстраниться от меня. Я отказываю ей. Напрягаю руки и впиваюсь пальцами в ее спину. — Скажи мне, почему.

Ее взгляд направлен куда угодно, только не на меня.

— Я не хочу причинять тебе боль.

Каждый мускул в моем теле напрягается. От головы до пяток. То болезненное чувство, которое я испытывал ранее в глубине живота при упоминании имени Киллиана, усиливается. Намного, намного, бл*дь, хуже.

— Ты не сделаешь больно, — хриплю я. *Ты сделаешь.* — Скажи мне, — я мягко уговариваю ее. Не могу смотреть в ее сердце, когда она разрушает эту жизнь, которую я уже спланировал для нас, поэтому прижимаюсь щекой к ее щеке и снова шепчу. — Ты можешь рассказать мне все, Мавс.

Я чувствую, как ее горло напрягается, чтобы сглотнуть. Ее теплое дыхание обдувает мочку моего уха, когда она тихо признается, как раз в тот момент, когда звучит последняя нота «Lifehouse».

— Я люблю кое-кого другого.

Это чертовски больно. Даже не буду пытаться это отрицать. Я чувствую себя так, как будто мне только что вонзили нож между ребер, кончик которого пронзает мое сердце. Он сидит там, пылая жаром, пока плоть вокруг него покрыта клеймом агонии, причиняемой ее

словами.

— Ну, — я, наконец, выдавливаю тяжеловесное слово, — думаю, это причина.

— Кэл, — начинает она, выставляя руки между нами и снова пытаюсь убежать.

Но я держусь. Пока не могу смотреть ей в глаза. Не могу быть свидетелем той жалости, которую, я знаю, увижу.

— Все в порядке. Я понимаю.

Я хочу спросить, кто. Хочу заставить ее произнести имя человека, у которого всегда была та единственная частичка ее, которой у меня нет. Но я этого не делаю, потому что не хочу снова слышать, как из ее уст слетает имя моего брата. Так что я поддерживаю ее на протяжении еще одной песни, приклеиваю гребаную пластиковую улыбку и танцую остаток танца в тумане из равных частей боли и ярости.

Когда я высаживаю ее после двух часов ночи, у меня появляется желание поехать прямо к Киллиану и избить его до полусмерти. Однажды мы говорили о Маверик. Только один раз. Это было, когда мне было четырнадцать. Я сказал ему, что люблю ее и хочу жениться на ней. Даже тогда я настаивал на своем праве. Его ответ после моего заявления о праве собственности был простым и загадочным.

«Что, если это не то, чего она хочет?».

Но меня насторожили не сами слова, потому что это был справедливый вопрос. Дело в том, *как* он их произносил. Собственнически. Ревностно. Решительно.

Когда я был моложе, то давал своему брату все, что он хотел. Я делал для него все, чтобы доставить ему удовольствие. *Вот* как сильно я его боготворил. Но тот день у озера, когда Мавс загипнотизировала меня, все изменил. Я понял, что есть кто-то еще, кому я хотел бы поклоняться больше.

И если бы я хоть на одну одинокую секунду подумал, что смогу выбить из него те чувства, которые он испытывает к Маверик, я бы это сделал. Я бы всю ночь мучил брата, которого раньше превозносил, пока не убедился бы, что он не соперник. Но я знаю, что это бессмысленно. Думаю, он бы боролся за нее так же долго и жестоко, как и я. Она того стоит, и мы оба это знаем. Поэтому вместо этого я проезжаю пятьсот ярдов от подъездной дороги к дому моих родителей, где остаюсь на лето. Я роюсь в своей коробке с компакт-дисками. Смотрю, как диск «Lifehouse» горит и плавится, превращаясь в круглую лужицу пластика в раковине. На следующий день я принимаю мамино дерьмо, когда она отчитывает меня за то, что я испортил.

Тогда я даю клятву.

Я не откажусь от нее.

Маверик — это все, чего я когда-либо хотел, и я не могу просто отбросить эту мечту, пока мой кошмар не станет реальностью. И пока они не вместе, у меня все еще есть шанс.

Глава 20

5 месяцев назад

Маверик

Я кручу диск, наблюдая, как цифры от одного до десяти проносятся в размытом цветном пятне.

— Восемь, — кричит Кэл, когда пластиковая штукавина останавливает вращение диска. Он лежит на боку, подперев голову одной ладонью, в другой руке покачивается коктейль. Он всю неделю ведет себя странно, рассеянно, если можно так выразиться. Он говорит, что это работа, но я не так уверена. Я надеялась, что веселая, расслабляющая игра «Жизнь»

поднимет ему настроение. В детстве мы все время в нее играли. Я надирала ему задницу, хотя, думаю, большую часть времени он просто позволял мне выигрывать. Но, кажется, что это работает. Это наш второй раунд, и он больше напряжен, чем когда-либо.

Я послушно двигаю свой желтый шестиместный автомобиль восемь кварталов, отсчитывая вслух на ходу. Стону по поводу всех «Жизненных» плиток, которые оставляю позади на этом пути, и смотрю, смогу ли я его расшевелить. И снова терплю фиаско. Он невозмутим, смотрит на доску, явно погруженный в свои мысли. Моя восьмерка ведет меня мимо раздела «Выйти замуж», но я останавливаюсь, чтобы взять с собой супруга. Когда я захватываю розовую фигурку, он даже глазом не моргает.

Кэл опускает свой бокал на пол, теперь его очередь играть. Мне достается путь в колледж, в то время как Кэл вырывается вперед по карьерной лестнице и на полкорпуса впереди меня, его красная машина уже отягощена женой и тремя детьми. Он закрывает желтое место своим куском пластика, даже не потрудившись прочитать его. Я поднимаюсь и передвигаю его, объявляя.

— Еще один мальчик. — Я втискиваю синюю фигурку в единственное оставшееся пустое место. — Не знала, что у нас будет так много детей? Тогда нам лучше начать.

При этом его глаза устремляются к моим, захватывая их с такой силой, что у меня перехватывает дыхание. Это первый раз, когда за последний час он занят чем-то, кроме своих мыслей. Он отталкивается и садится, пододвигая свой бокал, чтобы содержимое не расплескалось.

— Мы еще не говорили об этом, ты же знаешь.

Глоток.

— О чем? О детях?

Его голова двигается вверх-вниз. Медленно и уверенно. Я тереблю свою мешковатую темно-синюю футболку Old Navy, внезапно чувствуя тепло, хотя на улице -1 градус.

— Я знаю, что ты хочешь детей. И знаю, что я хочу детей. И я был прав, когда сказал тебе, что Один Орех тебе в этом не поможет.

Я наблюдаю за его лицом, ожидая ухмылки, думая, что это ужасно с его стороны. Брюс Чатни уже пять лет женат на Кэрри Энн Миллер, милой девушке, которая на три года младше меня. Он происходит из большой семьи. Как и Кэрри Энн. Фермеры, как правило, заводят много детей, чтобы было кому помочь по хозяйству и оставить свое наследство, но по прошествии пяти лет они все также в большом пустом фермерском доме на южной стороне города в полном одиночестве.

Затем уголок его рта приподнимается, заставляя искорки в глазах плясать.

— Ты ужасен, — говорю я ему, толкая в плечо так сильно, что он падает. По пути ему удается схватить меня, увлекая за собой вниз. Он щиплет меня за бока, щекочет, пока я не начинаю визжать, как свинья на убое, умоляя его остановиться. Я чувствую, как влага впитывается в мои штаны для йоги, и понимаю, что мы пролили его коктейль в нашей драке. К тому времени, как он отпускает меня, я хватаю ртом воздух. В основном потому, что 85 килограмм лежат на мне, сдавливая легкие.

— Я слышал, они ждут ребенка, — говорит он мне прямо в ухо. Мое сердце останавливается. Просто останавливается прямо там, в моей груди. Я чувствую, как оно бьет свой последний такт. Я в этом уверена. — На днях столкнулся с Брюсом в банке, и он сообщил мне хорошие новости.

О черт.

Это начинается снова. Ударяется так сильно о мои кости, что причиняет боль, требуется несколько импульсов, чтобы вернуться к нормальному ритму. Я утыкаюсь лбом в ковер подо мной, ругая себя за то, что думаю, будто он говорит о Киллиане и Джилли. И что эта новость совершенно выбивает меня из колеи.

Почему? Почему после семи месяцев брака я не могу просто забыть об этом? Почему меня волнует, что они делают, куда идут, размножаются или нет? Почему, черт возьми, почему я все еще цепляюсь за него из последних сил, когда без твоего сомнения знаю, что влюблена в мужчину, который в настоящее время лежит на мне?

Переворачиваюсь, и теперь Кэл сидит на мне, с беспокойством глядя вниз.

— Я причинил тебе боль? — спрашивает он так сладко, что это убивает меня.

Я морщусь лоб.

— Нет. А что?

О, потому что я потираю грудь, пытаюсь облегчить тупую боль, поселившуюся там.

Я приказываю своему мозгу заставить руку перестать описывать маленькие круги над моим сердцем. И мои пальцы замедляются, а затем, наконец, останавливаются.

— Ты слышала, что я сказал?

— Э-э-э... да. Это здорово для них, — бормочу я.

— Я тоже так подумал. Он выглядел счастливым.

Так вот что с Кэлом? Он хочет детей и боится, что я не захочу? Он боится, что все это какая-то сюрреалистическая альтернативная реальность, в которой мы временно оказались? Так, что ли?

Улыбка на его лице почти печальна. Он наклоняется, перенося весь свой вес на предплечья. Его пальцы зарываются в мои волосы, соединяя нас в единое целое. Мы соприкасаемся грудью. Он прислоняется своим лбом к моему. Часто это делает. Как будто может передать мне всю свою любовь через эту простую связь. И самое смешное... такое чувство, что у него это получается. Я всегда чувствую себя спокойнее, когда он каким-то образом прикасается ко мне. Он — это то притяжение, которое удерживает меня на земле во всем реальном и истинном.

Я поглаживаю его бока вверх и вниз медленными, успокаивающими движениями.

— Что случилось, детка? — мягко уговариваю я. На этой неделе я задаю один и тот же вопрос полдюжины раз, но получаю один и тот же краткий ответ: «Работа».

Он глубоко дышит, его тяжелый выдох обдаёт мое лицо. Пахнет корицей, водкой и немного страхом. Его тело слегка дрожит, и уверенный в себе мужчина, к которому я привыкла, кажется, исчезает. Его голос такой низкий, что я напрягаюсь, чтобы расслышать его.

— Ты счастлива, Маверик?

Почему-то его вопрос не застаёт меня врасплох. Это был только вопрос времени, когда нам придется провести откровенный и очень болезненный разговор. Может быть, это одна из причин, по которой призрак Киллиана нависает над нами. Потому что мы оба отказываемся признавать, что он есть. Может быть, если мы объединимся, то сможем навсегда искоренить его власть над нами.

— Очень, — заверяю я его просто и правдиво. Несмотря на эту затянувшуюся меланхолию по Киллиану, я освоилась в этой жизни с Кэлом и счастлива, как никогда. Я начинаю чувствовать себя настоящей новобрачной. Может быть, с опозданием на семь месяцев, но нищим выбирать не приходится.

— Потому что, если ты несчастлива, если ты передумала, и это не то, чего ты хочешь...

— Прекрати, — сердито обрываю я его. — Это именно то место, где я хочу быть. Прямо здесь, с тобой.

— Иногда мне кажется, что это не по-настоящему, Лебедь.

— Кэл, — бормочу я в легком облаке сожаления. Тон его голоса подобен выстрелу в самое сердце. Обхватив его руками, я тяну, пока он не оказывается полностью на мне. Он тяжелый. Трудно дышать. Но мне все равно. И я даже не притворяюсь, что не понимаю, о чем он говорит. Устала притворяться. Я наполняю свой голос силой и уверенностью, придавая большое значение тому, что говорю. — Мы настоящие, Кэл. Мы настоящие. Более реальные, чем что-либо в моей жизни. — И это истина.

— Иногда, когда я ложусь спать ночью, когда ты прижимаешься ко мне, я убежден, что проснусь, и ты будешь этим ужасным фантастическим сном. Это гложет меня все время. Я боюсь, что открою глаза, а тебя уже не будет.

Наворачиваются слезы. Они быстро скатываются в мои волосы, кроме той, что на правой стороне. Эта капля соленой влаги прокладывает себе путь по слипшейся плоти наших щек.

Я сделала это с ним. С нами. Как мне это исправить? Что мне делать?

— Я никуда не уйду. Никогда, — удается мне сказать сквозь стеснение в груди, теперь уже по совершенно другой причине. Я сжимаю его сильнее. *Постарайся заставить его поверить.* — Обещаю. Я так сильно люблю тебя, Кэл. — *Я знаю, что не могу жить без тебя.* — Я знаю, что это то место, где я должна быть. — Надеюсь, он понимает, чего я не говорю.

Он ровно дышит мне в ухо, тихо говоря.

— Я хочу детей. Хотел подождать и просто насладиться тем, что мы муж и жена какое-то время, но я ждал тебя всю жизнь, Мавс. У меня внутри все горит от желания видеть, как твой живот растет вместе с нашим ребенком, зная, что вместе мы создали жизнь, которая будет частью тебя, частью меня, навсегда нами.

После того, как мы поженились, мне потребовались недели, чтобы просто сделать полный вдох без паники. Это было очень похоже на стадии горя: отпустить Киллиана и принять мою жизнь с Кэлом. Отрицание, гнев, почти изнуряющая печаль. Затем я повторила их все в произвольном порядке. Однако постепенно перешла к принятию. По правде говоря, это больше, чем принятие. Я пришла к пониманию, что в объятиях этого самоотверженного и удивительного мужчины я должна была быть с самого начала. В этом я убеждена.

Знаю, что добилась большого прогресса с того дня, как пошла к алтарю. Не идеальна. И не уверена, что когда-нибудь буду такой, о чем свидетельствует моя сегодняшняя реакция. Однако до этой самой секунды я не осознавала, как далеко продвинулась... Пока не столкнулась с решением навсегда связать нас вместе с помощью нашей объединенной ДНК в крошечной человеческой жизни, за любовь и воспитание которой мы оба будем нести ответственность. Я не могу сказать ничего другого, кроме как.

— Хорошо.

Кэл разрывает мою хватку, отстраняясь, чтобы заглянуть глубоко в меня, где он найдет лишь уверенность. Неверие сменилось чистой, неподдельной, ошеломленной радостью.

— Хорошо?

Я киваю. Падает еще больше слез, хотя на моем лице появляется улыбка. Он убирает слезы с левой стороны большим пальцем, прежде чем заняться правой.

— Почему ты плачешь, Лебедь?

— Это слезы счастья, — шепчу я. И так оно и есть. В основном. А еще те, что наполнены угрызениями совести за то, что посеяла и взрастила это зерно сомнения в нас.

— Ты действительно хочешь начать пробовать?

— Я хочу. — И это правда.

— Боже, я люблю тебя, Маверик Шепард.

Улыбаясь сквозь слезящиеся глаза, я беру его лицо в свои руки и уверяю самым сильным, самым искренним голосом, на который только способна.

— Я люблю тебя, Кэл Шепард. *Поверь* в это, пожалуйста.

Желание мгновенно окутывает его янтарные глаза. Это завораживает и кружит голову, знание, что он так сильно хочет меня. Всегда.

Высвобождая одну руку, он медленно проводит ею вниз по моему телу, по внешней стороне моей теперь ноющей груди. Дразнит мой сосок, потому что продолжает двигаться вниз по моему телу. Затем он просовывает руку между нами. Под резинку моих штанов. Между шелком трусиков и моей обнаженной плотью. По моему холмику, сквозь влажность киски.

— Боже мой. — Моя спина выгибается, когда он просовывает внутрь гибкий палец.

— Я хочу начать прямо сейчас.

Хотелось рассмеяться, но вместо этого я резко выдыхаю, когда он проводит влажным пальцем по моей дырочке, обводя ее.

— Кэл, — умоляю я, не уверенная, о чем вообще прошу, но все равно не перестаю умолять. — Я... Я принимаю таблетки.

— Тогда мы потренируемся, — предлагает он. Наблюдая за мной с неприкрытым голодом, он стягивает штаны с моих длинных ног. Липкий материал цепляется за них. Я начинаю смеяться, когда он дергает, и ткань натягивается от его длинных рук.

— Нетерпеливый?

— С энтузиазмом, — отвечает он со своей сексуальной ухмылкой, как только наконец избавляет меня от них. Эффектно, он снимает мою футболку через голову и расстегивает лифчик. Последняя одежда, присоединившаяся к этой куче, это мое нижнее белье.

Он садится на корточки, неторопливо окидывая взглядом мое обнаженное тело. Я извиваюсь под его пристальным взглядом, испытывая боль, чувствуя нужду везде, где его взгляд целует мою плоть. Не в силах больше терпеть, я протягиваю руку ладонью вверх.

— Иди сюда.

Его глаза возвращаются к моим. Они сияют от счастья. Эта ухмылка превращается в восхитительную улыбку.

В мгновение ока его одежда исчезает, беспорядочно разбросанная повсюду. Накрывая меня своим твердым, как камень, телом, он целует меня, пока каждый нерв не оживает, а каждая косточка не становится слабой и вялой. Он целеустремленно толкается в меня, пока я не выкрикиваю его имя снова и снова. Он занимается со мной любовью часами напролет, заставляя мое тело петь, мою душу парить, а мое сердце сливаться с его сердцем.

— Думаю, у нас все в порядке с зачатием ребенка, — устало говорю я ему глубокой ночью, когда он крепко обнимает меня. Вместо того, чтобы подняться наверх и лечь спать в стиле Кэла, он настоял, чтобы мы построили крепость и спали здесь на полу вместе. Это было почти так, как если бы он *нуждался* в этой связи из нашего прошлого, поэтому я не могла спорить. Мне это тоже было нужно.

— М-м-м, думаю, нам лучше продолжать в том же духе, чтобы не терять концентрацию. — Тепло разливается по мне там, где его губы находят мой висок.

— Я в игре. — Прижимаюсь ближе к нему, чувствуя себя насытившейся. — Я буду здесь, когда ты проснешься, — тихо обещаю я, нежно целуя грудную клетку под моей щекой.

Его хватка на мне усиливается.

— Я верю тебе.

— Спокойной ночи, Кэл.

— Спокойной ночи, Лебедь.

Вместо того, чтобы играть в игру «Жизнь», которую, кстати, мы так и не закончили, все становится реальным, и я безумно рада этому. Мое сердце разрывается от эмоций.

Мы собираемся сделать ребенка.

Ребенка.

И я не паникую, не чувствую тошноты и не жалею, что не веду этот разговор с кем-то другим.

Вот тогда я понимаю: вместо того, чтобы оглядываться через плечо, желая сохранить воспоминания, я действительно ставлю одну ногу впереди другой, создавая новые впечатления и воспоминания, которые проложат дорогу моей новой жизни.

И я в восторге от этого.

Глава 21

4 месяца назад

Маверик

В прошлом году наша семья была чертовски напугана. И позвольте мне сказать вам, что ничто так не объединяет распавшиеся части семьи, как страшное слово «рак». Независимо от того, насколько вы далеки друг от друга по близости, по убеждениям или морали, есть две вещи, которые гарантированно сплотят семью: новая жизнь и конец жизни.

Во время обычного воскресного семейного ужина я заметила шишку на шее моего отца. Она выступала с левой стороны и была едва видна невооруженным глазом, но меня всегда очаровывало именно это родимое пятно на его горле в идеальной форме подковы. Он сказал мне, когда я была маленькой, что это его талисман на удачу, и он знал, что это означает, что ему суждены великие свершения. Раньше я даже жалела, что у меня его нет.

И эта шишка была прямо под тем родимым пятном. Она была достаточно большой, чтобы лишь слегка исказить форму, и именно это привлекло мое внимание. Очевидно, она была там довольно долго, и мой отец игнорировал ее. Но я была неумолима, пока он не посетил своего врача, который направил его к специалисту в Де-Мойне, который после нескольких первоначальных анализов, которые оказались безрезультатными, бросался такими словами, как лимфома и лейкемия. После нескольких недель тыканья иголок, сканирований и биопсий ему был поставлен диагноз «тиреоидит Хашимото», аутоиммунное заболевание, которое заставляет организм работать против самого себя, разрушая собственную щитовидную железу. Несколько простых лекарств и частые анализы, чтобы убедиться, что они работают должным образом, вот и все, что потребовалось, чтобы снова вернуть его к жизни.

И все же мы снова здесь. Снова в больнице. Ходим взад-вперед. Чертовски напуганные. Но на этот раз это гораздо, гораздо серьезнее, чем воспаленные узлы.

Я грызу ногти. Качаю ногой. Постукиваю пальцами, пока подушечки не немеют. Я жду вестей. Любое слово. Любые новости.

Что угодно.

Ненавижу больницы. Ненавижу этот запах. Стерильное, холодное окружение. Чувство опустошенности, которое овладевает вашими чувствами. Боль и страдание, которые пронизывают каждую частичку вас, пока вы не почувствуете, что дюжина миль, ливни или годы не смоют их.

Вспышка цвета отвлекает мое внимание от покусывания кожи на большом пальце.

Киллиан.

В своей красной ветровке. В спешке прорывается через двери отделения неотложной помощи.

Он быстро осматривает комнату, прежде чем его обеспокоенный взгляд останавливается на мне. Тремя длинными шагами он сокращает расстояние между нами и, даже не спрашивая, обнимает меня. Он прижимает меня к себе. Гладит по волосам. Шепчет, что все будет хорошо.

— Уже есть какие-нибудь известия? — вздыхает он.

Я не была окружена широким телом Киллиана уже более трех лет. И это кажется... чужим. Совсем не так, как я думала, что это будет после стольких лет. Я привыкла к худощавому телосложению Кэла. К его хрипотце в голосе, когда он напевает мне на ухо. Я привыкла к тем дополнительным двум дюймам, которые у него есть по сравнению с Киллианом. Как идеально я вписываюсь в изгибы его тела.

— Он все еще в операционной, — бормочу я в грудь Киллиана. Он отпускает меня, но держит мои щеки между ладонями. Его большой палец слегка поглаживает мой подбородок. Мою кожу там покалывает. Мое дыхание учащается, когда я понимаю, что мы близко. *Слишком* близко. Его дыхание попадает на мое лицо, когда он переводит взгляд с моих глаз на губы. На долю секунды я боюсь, что он собирается поцеловать меня. На долю секунды я думаю, что позволю ему это сделать.

Только на *одну* короткую, мимолетную секунду.

А потом все исчезает. Я отстраняюсь, разрывая его хватку. Его взгляд перемещается, останавливаясь на моей матери. Он покидает меня неохотно, чтобы подойти к ней и нежно обнять. Она шмыгает носом. Я наполовину задаюсь вопросом, не фальш ли это, но красный цвет ее глаз и выражение лица говорят мне, что это не так. Она любит моего папу, по-своему.

— Где Кэл? — спрашивает Киллиан, как будто внезапно осознав, что моего мужа здесь нет. Слава Богу, что он не стал свидетелем того вопиющего, неуместного проявления привязанности, которое мы только что разделили.

— Миннеаполис, — рассеянно отвечаю я.

Как и несколько месяцев назад, его брови поднимаются в замешательстве, и я добавляю.

— Он уже в пути. Скоро будет здесь.

Папу привезли в местную больницу скорой помощи Дасти Фаллс три часа назад с болью в груди. На этот раз в ход пошли такие слова, как «обширный сердечный приступ», «без сознания» и «серьезные повреждения». Они немедленно перевели его в Де-Мойн, более чем в часе езды отсюда. Мы с мамой забрались в мой «Шевроле Малибу» и проехали за машиной скорой помощи семьдесят девять миль до больницы Милосердия, где работают одни из лучших кардиологов во всей Айове.

Бригада хирургов увезла его, и с тех пор мы ждем.

— Ты говорил с Джилли?

Мускул на его челюсти несколько раз дергается, прежде чем он отвечает.

— Она в аэропорту. Смогла попасть на более ранний рейс. Вылет через полтора часа.

Я чувствую, как сжимаются мышцы моей собственной челюсти. Наш отец может быть мертв через полтора часа. Очевидно, Джиллиан улетела в Чикаго на целый день с друзьями. «За покупками». О да... Это сказано с большим сарказмом. И не дай Бог она возьмет напрокат гребаную машину и проедет пять часов, необходимых для того, чтобы побыть со своим отцом, который, возможно, умирает. Она уже должна быть на полпути к дому. Это то, что я бы сделала. Я бы мчалась, как летучая мышь из ада, чтобы добраться до него.

У меня странные отношения с родителями. Напряженные, вероятно, является лучшим описанием. Они мои родители, и я люблю их, несмотря на недостатки. Они дали мне жизнь. И хорошо меня воспитали. Они научили меня морали и ценностям, и я никогда ни в чем не нуждалась. Они могут не поддерживать многие мои решения; с другой стороны, я не обязательно поддерживаю их, так что, думаю, это справедливо.

Но в нашей семейной динамике чего-то не хватает, и мне всегда было трудно понять, чего именно. Это не любовь. Они любят меня. Я почти уверена, что мой папа отдал бы за меня свою жизнь. Моя мама? Она могла бы, но я бы не поставила на это свою пекарню. Думаю, может быть, дело в том, что они обычно ставят себя на первое место. Их желания. Их цели. Их друзья. Их дело. Их благотворительные организации. Мы всегда были запоздалой мыслью.

По крайней мере, так я себя чувствую. Однако Джиллиан смотрит на вещи по-другому, чем я. В детстве она была подлизой. Да и сейчас все еще такая. Думаю, именно поэтому у нее с ними лучше отношения, чем у меня, особенно с моей матерью. Она умеет угождать. Она преклонялась перед ними там, где я бунтовала. Если бы они хотели, чтобы она пошла налево, та бы с радостью пошла. Никаких вопросов не задавалось. Но я? Я бы десять минут спорила о неблагоразумии идти налево. Почему не прямо, не назад, не вперед, не вверх, не вниз или не вбок? И вообще, зачем идти? Это приводило мою мать в ярость. Папа, с другой стороны, думал, что это сделает меня подкованной в бизнесе.

И так оно и есть. Просто это не тот бизнес, который он хотел для меня, а именно, управлять его компанией. Когда я была маленькой, то представляла себя у руля. Мы даже говорили об этом. Я навещала папу в его большом угловом кабинете, сидя за его огромным столом в огромном кресле. Он выглядел таким важным. Звучал так авторитетно. Он говорил — люди реагировали. Я хотела *этого*. Уважения. Власти.

Но все изменилось, когда Киллиан вернулся. Только он вернулся не за мной, а ради Джиллиан. Ради моего отца. Ради другой жизни, в которой не было меня. И только мазохистка стала бы ежедневно подвергать себя работе со своим бывшим любовником, ставшим шурином. Никогда не забуду свой разговор с папой в тот день, когда я подала заявление об отставке. Он доставил мне немало хлопот, оспаривая мой выбор, но в конце концов согласился. Он знал, какой упрямой я могу быть, когда чего-то хочу. Он хорошо меня обучил.

Две недели спустя я вышла из ДеСото Констракшн Индастрис с тяжелым сердцем, но с невесомой душой. Позже я рассказала папе, что пекарня была моей давней мечтой, хотя на самом деле это было спонтанное решение, как только мой полный ненависти взгляд упал на руку моей сестры, переплетенную с рукой Киллиана.

— Эй. — Упомянутая рука кружит вокруг моей. Пальцы Киллиана скользят к моей ладони и сжимают. Я не отстраняюсь. Знаю... Я все еще слишком слаба, когда дело касается

его. — Ты ведь знаешь, что дьявол, вероятно, вышвыривает его, пока мы разговариваем, из-за всего того горя, которое твой отец причиняет ему прямо сейчас, не так ли?

Я слегка фыркаю, вытирая водопад слез.

— Наверное, ты прав, — вру я.

Страх застывает как гигантский камень в глубине моей души. Мой отец скоро умрет. Я видела это по их лицам там, в отделении скорой помощи Дасти Фаллс. Это было сострадание. Сочувствие. Когда они увидели бледность его кожи, то так же, как и я, поняли, что мы планируем похороны в ближайшие двадцать четыре часа.

— Я еще не готова потерять его. — У меня перехватывает дыхание от всхлипа.

— Знаю, — мягко говорит он. Киллиан понимает наши сложные отношения с родителями лучше, чем кто-либо, за исключением, может быть, Кэла.

Откидываясь назад, он увлекает меня за собой, закидывая руку мне на плечо. Диван, на котором мы находимся, позволяет его бедру плотно прилегать к моему. При любых нормальных обстоятельствах это было бы приемлемо: мой шурин платонически утешает меня в трудную минуту. Но мы не нормальные. И наше прошлое совсем не платоническое. Это неправильно, но я позволяю ему нежно обнимать меня. Наклоняюсь к нему. Кладу голову ему на плечо. Сжимаю одну руку своей. Мне нужен якорь, и прямо сейчас он им является.

— Все будет хорошо, Мелкая.

Я не отвечаю. Понимаю, что он просто успокаивает меня. Это фраза, используемая все время кризиса. То, что все хотят услышать. То, что люди говорят, потому что больше нечего сказать. Так что мы замолкаем. И не двигаемся, за исключением наших вдохов, которые теперь синхронизированы друг с другом. Я напрягаюсь, когда он шепчет.

— Знаю, что это делает меня задницей, Маверик, но, черт возьми, так приятно снова держать тебя в своих объятиях. Независимо от обстоятельств.

Чувство вины захлестывает меня, заставляя мою кожу покалывать, а лицо пылать. Я оцениваю, как его пальцы легко скользят вверх и вниз по моей руке, ощущаю неповторимый запах леса и Киллиана, его тело рядом со мной, и понимаю, что не скучаю по этому так сильно, как думала. Я жажду Кэла прямо сейчас больше, чем воздуха.

— Киллиан... — я пытаюсь отстраниться, но его хватка усиливается.

— Не надо. Еще несколько минут. Пожалуйста.

Я не могу. Не могу так поступить с Кэлом после всего, что он для меня делает. Это нечестно. По отношению к нему. По отношению ко мне. По отношению к нам.

Я вырываюсь, когда чувствую тяжесть взгляда моего мужа.

О, черт.

Я могу только представить, как мы выйдем, обвившись друг вокруг друга. Поднимаю глаза и вижу, что его обжигающе-ненавистный взгляд направлен не на меня, а на брата.

— Кэл, — кричу я, вскакивая и бросаясь в его объятия. Руки обвиваются вокруг меня, но они жесткие и холодные. Объятие кажется вынужденным. Это разрывает душу. Я начинаю всхлипывать, и он смягчается. Затем прижимает меня к себе. Одна ладонь обхватывает мою голову, а другая талию. Я обвиваю ногами его талию, и он несет меня через комнату ожидания, прежде чем опуститься на стул, все еще держа меня у себя на коленях.

— Что они сказали? — резко спрашивает он, но я игнорирую его.

— Это ничего не значит, — уверяю я его. — Я плакала. Он просто утешал меня, вот и все.

— Я не хочу говорить о Киллиане, Маверик. Расскажи мне о своем отце.

Я отодвигаюсь достаточно, чтобы посмотреть ему прямо в глаза. Обвивая руками его шею, я зарываюсь пальцами в его волосы.

— Я люблю тебя. *Тебя*, Кэл. Пожалуйста, не сомневайся в этом.

Его веки кажутся тяжелыми, когда медленно закрываются. Он облизывает губы. Немного гнева уходит, но я вижу, что он все еще кипит, превращая внешние края его радужки в темный шоколад.

— Твой отец.

Я с трудом сглатываю этот толстый комок, который теперь стоит у меня в горле.

Он не хочет говорить о том, что видел? Прекрасно. В любом случае, сейчас не время и не место.

Но я устала танцевать вокруг него. Мы собираемся поговорить об этом скорее раньше, чем позже. Тогда мы изгоним Киллиана раз и навсегда.

— У него был обширный сердечный приступ. Он без сознания с тех пор, как скорая помощь забрала его из офиса. Они забрали его на операцию в ту же секунду, как мы сюда приехали. Это нехорошо, Кэл. Мы даже не успели попрощаться, — задыхаюсь я.

Его лицо вытягивается, и он тихо и искренне говорит.

— Мне жаль, Лебедь.

В этот момент я слышу, как произносят имя моей матери. Я оглядываюсь и вижу ее и Киллиана рядом с ней, стоящего перед джентльменом с сединой в волосах в зеленой форме и длинном белом халате. Его руки засунуты в карманы. Его плечи поникли. Уставший доктор стоит рядом с человеком, которого нельзя не заметить.

Священник.

О Боже, нет.

И тут моя мать вскрикивает. Это пронзительный звук, который я никогда не забуду.

У нее подгибаются ноги.

Киллиан ловит ее.

Мое зрение затуманивается.

Рыдание вырывается откуда-то из глубины меня.

Мой муж держит меня, пока жизнь, какой я ее знаю, разбивается вдребезги вокруг меня.

Моего отца больше нет.

Глава 22

3 месяца и 2 недели назад

Маверик

Следующие несколько дней пролетают в тумане соболезнований, запеканок и слез. Очевидно, похороны у моих родителей были полностью спланированы и оплачены, поэтому наши решения о музыке, местах захоронения, гробах и даже чтении на мессе были минимальными. Франклин Пэрриш, директор похоронного бюро «Пэрриш, Пэрриш Вайневски и Биллингс», старый одноклассник моего отца. Он позаботился о мельчайших деталях для нас с состраданием и сочувствием. Честно говоря, не понимаю, как можно быть эмоционально не разбитым, изо дня в день сталкиваясь со смертью и горем. Нужна особая душа, чтобы помогать другим пережить самое худшее время в их жизни, сохраняя при этом свою собственную нетронутой.

Кэл был настоящей скалой. Я бы не справилась с этим без него. Он был со мной каждую секунду каждого дня, никогда не покидая. Я решила остаться в родительском доме вместе с

матерью. Он настоял на том, чтобы остаться со мной. Она была в отчаянии, совершенно не справляясь со смертью человека, с которым провела последние сорок три года. Мне бы хотелось, чтобы она проявила свою любовь к нему при жизни так же сильно, как и после смерти.

Но Кэл заботился не только обо мне, но и о моей матери, как о своей собственной. Он убедился, что она поела и встала с постели. Отвез ее в похоронное бюро. Помог выбрать костюм, который мой отец наденет для места своего последнего упокоения.

И я? Он обнимал меня, когда я плакала по ночам, пока не засыпала. Помогал мыться мне утром, в тот день, когда мы в последний раз прощались с моим отцом, и я упала в лужу на кафельном полу душевой и безудержно разрыдалась. Он одел меня, когда все, что я могла сделать, это пялиться на эти черные вещи, как будто, если надену их, то буду той, кто вместо отца окажется в земле.

Но я пережила поездку на машине в похоронное бюро. Успела на мессу в церкви Святой Бернадетты. Выдержала, стоя у могилы, и ушла на дрожащих ногах, зная, что, как только все уйдут, они опустят останки моего отца и засыпят его землей.

Теперь я здесь, на обязательном обеде, где люди обмениваются историями о жизни моего отца, а затем переходят к своим собственным, когда выходят за дверь. Болтовня в этом маленьком пространстве, которое переполнено до отказа, почти оглушительна. Я хочу быть где-нибудь еще. Хочу перемотать время назад на несколько дней, когда мы с папой пили пиво, и я рассказывала ему историю о ячменной шипучке. Он смеялся. А затем расспросил, как идут дела в моем бизнесе, в кои-то веки, не придавая значения моему выбору.

Я вспоминаю тот разговор. Это было приятно. Легко. Я чувствовала себя связанной с ним больше, чем когда-либо с детства. Мой отец ни в коем случае не был эмоциональным человеком, но его переполняли необузданные чувства, когда он сказал мне: *«Я люблю тебя, Сердечко. Больше, чем ты думаешь. Как и твоя мать. Просто мы не всегда это хорошо показываем».*

Я прокручивала этот разговор, наш последний, сто раз за последние шесть дней. Как будто он знал, что наше время истекло.

— Как поживаешь, Маврикки? — я чувствую руку на своем плече и поднимаю лицо вверх, радуясь возможности хоть ненадолго выбраться из собственной головы. Уголок моего рта пытается приподняться, но мышцы не слушаются.

— Почему у нас пятнадцать банок с маршмеллоу и ни одного салата? Папа ненавидел зефир.

Мэри-Лу хватается пустой стул рядом со мной, ножки непристойно громко шаркают по полу, когда она выдергивает его. Затем плюхается на стул, наклоняется вперед, подперев подбородок ладонью, и спрашивает:

— Хочешь салат? Потому что, если ты хочешь, я приготовлю для тебя самый большой, самый крутой и самый лучший салат на планете.

Теперь улыбка появляется. Едва заметная, но она есть.

— Ты бы сделала это, не так ли?

— Чертовски верно.

Я отодвигаю тарелку с едой, в которой только ковырялась, а не ела.

— Я не могу.

— Знаю. — Она хватается меня за руку и не отпускает. — Я знаю.

Я окидываю взглядом толпу. Здесь так много людей, думаю, что весь город закрылся в

знак траура. Мне наплевать на большинство из них. Половина все равно здесь только для того, чтобы их увидели. Нельзя сказать, что Ричард ДеСото был самым легким человеком, с которым можно было поладить.

Мое внимание переключается на Джиллиан в другом конце комнаты. Обычно будучи в центре внимания, она забилась в угол сама по себе. Выглядит грустной, потерянной и одинокой. Она бледная и похудела. Одежда беспорядочно свисает с ее тонких, хрупких костей.

Интересно, что меньше размера 0? Может быть, — 1?

Я так далека от этого числа, что, честно говоря, понятия не имею.

— Мне даже немного жаль ее, — неожиданно объявляет Мэри-Лу. Она страстно ненавидит мою сестру, и сочувствие — это последнее чувство, которое она когда-либо испытывала к ней. Но прямо сейчас, я думаю, ей это нужно.

— Мне тоже. Она очень тяжело это переживает. — Джилли полностью отдалилась от всех с тех пор, как умер папа. Это само по себе меня не удивляет. Смерть либо связывает, либо разрушает семью. Что меня действительно удивляет, так это то, как на расстоянии вытянутой руки она держит Киллиана. Она спит в своей старой спальне дальше по коридору от нас. И отказывается позволить ему остаться. Она отказывается разговаривать с ним, когда он звонит или заходит. Она даже не хотела, чтобы он был рядом с ней сегодня, но он настоял на своем и сказал ей, чтобы она перестала вести себя как чертова избалованная девчонка. Думаю, каждый справляется с горем по-разному, но все это просто невероятно.

— Ты видела Кэла? Больше не могу терпеть это притворство. Я просто хочу пойти домой, принять ванну и выпить бутылку вина. — Спать в своей постели, в безопасных объятиях моего мужа. Я полностью опустошена. Думаю, сначала мне стоит найти Киллиана и попросить его переночевать у мамы. Мне все равно, если Джилли будет протестовать. Она явно не в той форме, чтобы заботиться о ком-либо, включая саму себя.

— Не видела. Хочешь, чтобы я его нашла?

— Нет. — Я надеваю на опухшие ноги черные каблуки и поднимаю свое усталое тело.

Ее губы складываются в грустную улыбку.

— Позвонишь, если тебе что-нибудь понадобится?

— Ты же знаешь, что позвоню.

— Не беспокойся о пекарне, Мавс. У меня все под контролем.

— Спасибо, — это все, что я могу выдать. Мы закрыты всю неделю. Мэри-Лу настояла, чтобы мы открылись завтра, и что она обо всем позаботится. Я согласилась, зная, что так, наверное, будет лучше всего. Понятия не имею, когда вернусь, но точно не завтра.

Я отправляюсь на поиски своего мужа, оставляя свою лучшую девочку позади. Направляюсь напрямик к Арни и Айлиш, прося их убедиться, что моя мама вернется домой. Они с готовностью соглашаются. Я нахожу свою мать. Говорю ей «до свидания» и что первым делом приеду завтра утром.

Мне требуется еще пятнадцать минут, чтобы пробиться сквозь толпу, потому что меня все время останавливают. Я не замечаю ни Кэла, ни Киллиана. Хожу по коридорам, даже заглядываю в мужской туалет. Ничего.

Открываю наружные двери, и прохладный мартовский воздух ударяет мне прямо в лицо. Я пользуюсь моментом, чтобы втянуть это в себя и прочистить голову. Затем осматриваю парковку, замечая нескольких людей, слоняющихся вокруг, но не вижу никаких признаков мальчиков Шепард. Я как раз собираюсь вернуться внутрь, когда из-за угла доносится

низкий сердитый рев Киллиана. Мои волосы встают дыбом, когда я подхожу к краю, бесстыдно подслушивая.

Но как только я добираюсь до кирпичного угла, Кэл облетает его и врезается в меня, чуть не сбивая с ног. Он тяжело дышит. Его лицо свекольно-красное. Глаза яркие и дикие. Он явно взбешен.

— Что случилось?

Схватив меня медвежьей хваткой, он выдавливает из меня воздух.

— Ничего. Мне жаль, что я оставил тебя так надолго. Ты в порядке?

Мои глаза поднимаются над плечом Кэла и останавливаются прямо на тех, которые напоминают мне о долгих осенних днях, когда мы сгребали кучи листьев и прыгали в них.

— Могу сказать, что ты расстроен. — Не уверена, с каким из братьев Шепард я сейчас разговариваю.

Киллиан — копия Кэла.

Неужели они не могут поладить хотя бы один гребаный день?

Кэл губами находит мою шею и просто прижимает их, позволяя им оставаться, пока он вдыхает меня. Глаза Киллиана вспыхивают безошибочной ревностью.

— Ты готова идти? — бормочет он мне в шею.

Я просто киваю, мой взгляд не в состоянии порвать с моим прошлым.

Кэл отпускает меня, но тут же кладет свою руку в мою и идет к парковке, даже не обращая внимания на Киллиана.

Мы уже в добрых двадцати шагах, когда я вспоминаю.

— Подожди, — говорю я, вырываясь из его объятий. Я бросаюсь к Киллиану и останавливаюсь, вероятно, слишком близко. Я чувствую, как взгляд моего мужа впирается в нас. — Мне нужно, чтобы ты остался в доме сегодня вечером. Присмотрел за мамой.

— Ты собираешься домой?

— Да. Мне нужен перерыв.

— Ты как? Держишься? — он спрашивает с такой заботой, что у меня на глаза наворачиваются слезы. Он поднимает руку, но опускает ее обратно за секунду до того, как касается меня. Я вздрагиваю, когда кончик пальца задевает мою руку на спуске. Прикусываю губу, чтобы остановить жжение, опаляющее как тысяча солнц за моими веками.

Кивок — это все, что я могу сделать.

Киллиан на мгновение опускает взгляд на свои ноги.

— Хорошо. Конечно. Что-нибудь еще?

Я качаю головой и начинаю отворачиваться, но потом делаю кое-что совершенно бескорыстное. Я оборачиваюсь и говорю ему.

— Да, есть еще кое-что.

— Что угодно. Только скажи.

Глядя ему в глаза, я понимаю, как сильно он все еще любит меня. Это есть, и это прекрасно, но в то же время болезненно. Но смерть заставляет вас пересмотреть свою собственную жизнь. Ваш выбор. Ваше будущее. Я знаю. Занимаюсь этим уже несколько дней и всегда прихожу к одному и тому же выводу: я там, где должна быть. Затем я делаю глубокий вдох и требую:

— Позаботься о Джиллиан. Она разваливается.

Тик в челюсти вернулся. Могу сказать, что он надеялся на что-то другое.

— Она упрямая.

— Ты Король Упрямства, Киллиан.

— Только если ты Королева Хотелок, Маверик. — Мой рот дергается, отчего уголок его рта приподнимается, а темные глаза немного светлеют. — Еще какие-нибудь невыполнимые задачи, Мелкая?

— Уверена, что придумаю одну или две. Дай мне немного времени.

— Уверен, что так и будет, — бойко парирует он, борясь с улыбкой.

Я стою неподвижно еще секунду, прежде чем сказать:

— К черту это. — Мы все потеряли человека, которого любили. Из уважения к Кэлу я упорно тружусь, чтобы держаться подальше от Киллиана с того дня в больнице, но он — моя семья, и я уверена, что ему по-своему больно. Я наклоняюсь и быстро обнимаю его, быстрее, чем успеваю моргнуть. Прежде чем он успевает ответить на объятие, я отступаю назад, бормоча.

— Спасибо.

Я смотрю, как его кадык ходит вверх-вниз.

— Все, что угодно для тебя, Маверик. — Я не позволяю его скрипучему голосу повлиять на меня.

Быстро улыбнувшись, я возвращаюсь к своему мужу. Обнимаю его за шею и крепко прижимаюсь, шепча ему на ухо, что хочу, чтобы он отвез меня домой и занялся со мной любовью. Заставил меня хоть ненадолго забыть о том, что у меня сейчас внутри есть эта дыра, которая никогда не будет полностью заполнена.

Глава 23

4 года и 3 месяца назад

Кэл

— Привет, Лебедь.

— Привет, — отвечает она, немного запыхавшись.

Я сажусь на барный стул и сигнализирую Кэнди, чтобы она налила мне, как обычно.

— Ты уже в пути?

Сегодня вечер четверга. Наш традиционный вечер для выпивки и игры в дартс. Тот, который мы начали прошлым летом, когда оба были дома после колледжа.

И в последние несколько недель мы снова возобновляем эту традицию, потому что Маверик возвращается домой. Она с отличием окончила Университет Айовы четыре недели назад. Начала работать на своего отца на довольно скромной должности, но даже тогда сказала мне, что не уверена, что это именно то, чем она хочет заниматься.

Я тоже не уверен, что хочу, чтобы она работала на своего отца. Черт возьми, я сам пытался уйти из компании ее отца, но остался. Если был шанс, что Маверик вернется в Дасти Фаллс после окончания университета, я собирался быть здесь, потому что это наше время. После всех этих лет ожидания и тоски по ней пришло *наше* время.

Образование получено, ее будущее светлое и безграничное. Она снова на расстоянии вытянутой руки. Я могу ухаживать за ней, открыто любить ее, встречаться с ней, жениться. Я намерен заставить ее понять, что все, что ей нужно, всегда терпеливо ждало ее. Все, к чему я когда-либо стремился, наконец-то в пределах моей досягаемости.

Но я знаю, что мне нужно замедлить свой темп рядом с ней. Это мучительно, но является моим единственным выходом. Медленно и неуклонно завоевывать девушку, и это то, к чему я стремлюсь. Я хочу, чтобы она поняла, что не может жить без меня так же, как я не могу без нее. Она любит меня, да, но еще не влюблена в меня, и я знаю, что это потому,

что она не дает этой стороне наших отношений и шанса.

Так что это лето посвящено изменению перспективы и восприятия. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы изменить то, как она видит меня. Как она видит *нас*. Я открою ей глаза, чтобы она поняла, что мы можем быть лучшими друзьями, любовниками и партнерами на всю жизнь. Я планирую не только заполучить ее, но и удержать, сделав самой счастливой и любимой женщиной на свете.

Как и любое другое лето, мы продолжаем с того места, на котором остановились. Я провожу с ней столько времени, сколько она позволяет, только теперь я начинаю делать тонкие намеки. О нас. О будущем. О *большем*. С застенчивыми взглядами и трепещущими глазами, которые она бросает на меня, я думаю, что действительно добиваюсь прогресса, но потом у меня внутри все начинает гореть.

Я не единственный, кто думает, что «пора».

— О, черт. Мне очень жаль. Я, э-э... не могу сегодня, Кэл.

Я сжимаю зубы. Это пламя начинает разгораться, подпитываемое горячими углями подозрения, шевелящимися внутри меня.

Стараясь говорить ровным голосом, я спрашиваю.

— Хочешь сказать, что уже нарушаешь традицию вечера четверга? Я с нетерпением ждал, когда мне надерут задницу. — На самом деле я просто с нетерпением ждал возможности провести с ней время. Я не особенно люблю проигрывать, но если это означает, что Мавс будет рядом со мной в течение нескольких часов, я с радостью потерплю поражение.

Ее смех кажется вымученным.

— Мне очень жаль. Я просто... кое-что еще всплыло. Но в следующий четверг я буду там, и мне доставит удовольствие надирать тебе задницу до тех пор, пока ты не сможешь сидеть. — Она быстро добавляет последнюю часть, пытаясь успокоить меня. Это не работает. Обычно я бы рассмеялся и поддразнил ее в ответ, но вместо этого мне хочется прижать ее к себе. Задайте ей двадцать вопросов, пока она не выложит то, что внезапно так ее заинтересовало. Боюсь, я уже знаю ответ на все двадцать из них. — Мне жаль, Кэл. — Теперь в ее голосе звучит искреннее раскаяние.

— Эй, ничего особенного. Я просто позвоню Киллиану. Посмотрим, захочет ли он присоединиться ко мне.

О, да, я его упоминаю. Закидываю приманку.

— О, а... — бормочет она. — Уверена, ему бы это понравилось.

Я уже чувствую запах добычи. Ненавижу то, что так хорошо знаю Маверик. Я знаю каждую интонацию, каждый характерный тик, что означает каждая заминка ее дыхания, кроме того, что я хочу знать наиболее близко. И боюсь, что никогда не узнаю эту ее часть так же, как боюсь, уже узнал Киллиан.

— Поговорим завтра?

— Да. Люблю тебя. Еще раз прошу прощения.

— Я тоже люблю тебя, Мавс.

Так чертовски сильно. Как ты можешь этого не видеть?

Я смотрю на телефон в своих руках, экран теперь черный. Мне не следовало бы этого делать, но я не могу остановиться. Проклинаю себя все время, пока мои пальцы летают по клавиатуре. Ненавижу себя, когда нажимаю на его имя.

Он отвечает после четвертого гудка.

— Если это по бизнесу, боюсь, с этим придется подождать.

Уголок моего рта приподнимается. Наверное, это выглядит как насмешка.

— Это не бизнес. Я хотел узнать, свободен ли ты, чтобы выпить.

— Хочешь выпить? — похоже, он удивлен.

— Да, выпить. Алкоголь и все такое. Я угощаю.

— Сегодня вечером?

Мы с Киллианом когда-то были неразлучны, но теперь наши отношения натянуты с обеих сторон. Трудно общаться с братом как прежде, когда он хочет того же, чего и ты. Ту же женщину, ту же жизнь. Он, вероятно, чувствует то же самое.

Я издаю лающий смешок, граничащий с сардоническим.

— Да, сегодня вечером. А что? У тебя есть планы? Может быть, горячее свидание?

Приманка закинута снова. Только я знаю Киллиана. Он не поднимет эту тему. Потому что не настолько прозрачен. Но я знаю своего брата так же хорошо, как и Мавс. Киллиан уже несколько месяцев ни с кем не встречается. Кроме Маверик. Знаю, что это из-за нее, я понял это по нему. Палка в его заднице волшебным образом выпадает, и я *понимаю*... Я точно знаю, что это из-за Мавс. Потому что она так действует на людей. Она — мерцающая свеча в их темном мире. Живая, дышащая фантазия воплощается в жизнь.

— Я не могу сегодня вечером. — Коротко. По делу. Никаких уточнений. Очень в духе Киллиана.

— Может быть, после того, как ты закончишь? Я могу подождать. — Киллиан является тем, кто в последнее время настаивает на том, чтобы встречаться чаще, так что тот факт, что он мне отказывает, говорит сам за себя.

Клянусь, я слышу стрекотание сверчков в тишине на другом конце провода. И, наконец.

— Я бы с удовольствием, Кэл, но сегодня просто не получится.

Тогда это подтверждается. Мой худший кошмар воплощается в жизнь. Теперь мое нутро охвачено дикой адской ревностью. Образы, где они вместе сегодня вечером, проносятся в моем мозгу в мучительной замедленной съемке.

— Как-нибудь в другой раз?

— Да, конечно, — удается мне выплюнуть. Я сую руку в карман, нащупываю ключи и борюсь с желанием подъехать к ее дому, следуя за ними, как какой-нибудь чертов влюбленный сталкер. Даже я не могу опуститься так низко. Видеть их вместе в таком состоянии полностью ломает меня.

— Первым делом зайду к тебе утром, чтобы ознакомиться с контрактом Деври.

— Ага. — Я бросаю телефон на барную стойку без прощания, испытывая отвращение к тому, как себя чувствую. Как только он перестает подпрыгивать, то звонит снова, и на короткое мгновение я надеюсь, что это Маверик говорит, что передумала. Я хватаю его, замечая имя на своем экране. *Ванесса*. Я сбрасываю вызов и бросаю его обратно, на этот раз сильнее, не заботясь о том, что он сломается.

*Иисус, бл*дь, Христос, это выбивает меня из колеи.*

Мне двадцать пять, почти двадцать шесть лет. Я, конечно, не невинен, но ограничил женщин в своей жизни из-за Мавс. Потому что все, что я вижу в них — это ее черты.

Был период времени, когда я как бы отказался от идеи о нас, не веря, что это когда-нибудь сбудется. Четверть века — это долгий срок, чтобы кого-то ждать, поэтому и начал встречаться с Ванессой. Я — мужчина. Может быть, я и влюблен в женщину, которую не могу заполучить прямо сейчас, но я не гребаный святой. И все же каждый раз, когда я был

внутри Ванессы, это становилось все тяжелее и тяжелее, пока не стало почти невыносимым. Несмотря на то, что это глупо, я чувствовал, что предаю Маверик, поэтому порвал с Ванессой несколько месяцев назад.

С тех пор она постоянно звонит мне. Она неумолима. Как кровожадная пиранья.

— Выглядишь так, словно кто-то переехал твою кошку, — говорит Кэнди, ставя передо мной выпивку. Я беру холодную кружку и делаю большой глоток, надеясь, что это охладит огонь в моем животе. Зная, что этого не произойдет.

— Хорошая кошка — мертвая кошка, — говорю я, ударяя стеклом о дерево. Ее испуганный взгляд, заставляет почувствовать стыд. Я забыл, что Кэнди работает волонтером в Обществе защиты животных и является частью команды, которая спасает животных, подвергшихся жестокому обращению. — Э-э-э... Я не это имел в виду. — Ее и без того тонкие губы сжимаются сильнее. — Извини. Это был дерьмовый день. У меня аллергия, поэтому не особенно люблю кошек, но я не бессердечный. И не желаю им смерти. Лучше принеси мне еще один такой. Мне это понадобится.

Понимающе кивая, она оставляет меня барахтаться в одиночестве.

Этот непрекращающийся звон возвращается. Я просто игнорирую его. Он останавливается, но сразу же возобновляется. В отчаянии выключаю телефон и допиваю пиво. Я глубоко дышу. Пытаюсь сохранить свое здравомыслие, но оно сильно поизносилось.

Мое воображение начинает буйствовать от того, что они будут делать сегодня вечером.

Мавс будет смеяться тем своим смехом, который притягивает и завораживает. Она запрокинет голову и обнажит свою гладкую шею, которая так и взывает к твоим губам. Киллиан не сможет устоять. В конце концов, он всего лишь простой смертный. Мужчина, которым движет низменная потребность заявить права на женщину, которая, по его мнению, принадлежит ему.

Черт возьми, не могу дышать.

Я представляю, как он целует ее, снимая сначала блузку, потом лифчик. Я вижу спелый сосок, который он берет в рот, постанывая вокруг него, когда ее вкус взрывается на его языке. Я представляю, как его пальцы двигаются внутри нее, прежде чем он сбрасывает с нее остальную одежду, пока она не оказывается обнаженной и дрожащей, умоляя его облегчить эту боль между ее ног своим членом.

Я представляю, как он делает все, что я хочу сделать.

Начинает накатывать туман отрицания. Мой взгляд уныло опускается на липкую древесину под моими пальцами, я физически не могу больше стоять. Надежда вырвана из моего духа, часть за гребанной частью. Сто тысяч пчел жужжат у меня в голове, и, когда это прекращается, внутри меня поселяется опустошение.

Мой брат знает, как я отношусь к Маверик. Как сильно я ее люблю. Но он тоже любит ее, не так ли? Вот в чем все дело. Он так же влюблен в нее, как и я, и он такой же упрямый, как и я, когда добивается того, чего хочет. Она стоит того, чтобы за нее бороться. Я знаю это. И он тоже.

И он победил.

Это время, когда я должен задать себе трудные вопросы.

Могу ли я остаться здесь, если они будут вместе? Должен ли я встать на колени, содрать с себя кожу и умолять ее выбрать меня вместо этого? Должен ли я был давить сильнее, быстрее, а не ждать так чертовски долго, потому что боялся, что наша дружба станет неловкой, и я потеряю ее навсегда? Могу ли я прожить свою жизнь с Маверик

ДеСото, зная, что мы всегда будем друзьями и не более того? Могу ли я прожить свою жизнь без нее, чувствуя себя так, словно мне удалили легкое, и я никогда больше не смогу полноценно дышать? Черт, смогу ли я жить без нее, и точка?

Жаль, что у меня нет ответов на эти вопросы. Я просто не знаю.

Честно говоря, я не знаю, и как долго сижу там, мое воображаемое видение их становится все более реалистичным с каждой секундой. В какой-то момент я чувствую влагу на щеках и понимаю, что это я. Плачу. Как чертов ребенок.

Блеск моего телефона в тусклом свете привлекает внимание. Прежде чем понимаю, что делаю, я тянусь к нему. Мои пальцы набирают номер, и она отвечает после первого гудка. Я оцепеневший, пока мы строим план встречи. Я оцепеневший, когда завожу машину и медленно выезжаю с гравийной дорожки за баром, где припарковался. Я оцепеневший, пока еду по улицам Дасти Фаллс. Я даже оцепеневший, пока трахаю Ванессу.

На самом деле, я остаюсь в оцепенении еще долгое время.

Глава 24

2 месяца и 2 недели назад

Маверик

На кухне я проверяю готов ли ужин, напевая последнюю запомнившуюся мелодию Fifth Harmony. В пекарне был напряженный день, и я рада, что поставила ужин в духовку, иначе это была бы большая тарелка старого доброго сухого завтрака.

Сегодня у меня необычно приподнятое настроение. Это хорошее чувство после того, как ты столько времени проводишь в унынии. Прошло почти два месяца со дня смерти моего отца. Мы все обретаем нашу новую норму, когда ключевая часть нашей жизни теперь отсутствует. Это тяжело, но мы идем вперед, потому что разве у нас есть другой выбор?

Единогласным голосованием Киллиан берет на себя управление компанией отца. Он пытается сказать мне, что это место мое. Это именно то, чего всегда хотел мой отец, но мне там больше не место. Я люблю свою пекарню, свою свободу, свою новую жизнь. Кроме того, это не в моей крови, как у него или моего отца. Независимо от того, что он сказал давным-давно, когда переезжал во Флориду, Киллиан всегда хотел сделать себе имя в ДеСото Констракшн Индастрис. Думаю, он втайне хотел показать моему отцу, что достоин его дочери. Меня.

Моей матери, кажется, с каждым днем становится лучше. Она возобновляет некоторые свои клубные занятия. Пару недель назад она сказала мне, что сейчас возглавляет группу поддержки вдов в церкви. Похоже, это дает ей цель и повод вставать с постели по утрам, так что все работает. За последние два месяца я провожу с ней больше времени, чем за последние два года вместе взятые. Она смягчается и по-своему извиняется за то, что не была лучшей матерью, какой могла бы быть. Обещает исправиться.

А Джиллиан? Она все еще отстраненная и замкнутая. Ее язвительность почти исчезает. Она превращается в беспризорницу, всего лишь оболочку самой себя. Думаю, что сейчас они с Киллианом проводят больше времени порознь, чем вместе. Я провела всю свою жизнь, желая, чтобы Джиллиан была кем-то другим, и теперь, когда она другая, не уверена, что мне это нравится. Я продолжаю ждать, когда сестра, которую я ненавидела все это время, вернется, но... она не возвращается. Удивительно, но я действительно начинаю беспокоиться о ней.

Кроме того, проходит почти три месяца с тех пор, как мы с Кэлом говорили о том, чтобы завести ребенка. Радость от начала новой жизни отходит на второй план из-за

реальности потери человека. С тех пор мы с Кэлом об этом не говорим. Однако я перестала принимать таблетки, и мы не предохраняемся.

Должна признаться, что испытываю облегчение, когда мой ежемесячный посетитель появляется несколько дней назад. Я хочу сделать следующий шаг с Кэлом, просто не уверена, что готова к радости материнства, когда все еще оплакиваю потерю своего собственного родителя. Но решаю, что если это произойдет, то произойдет.

Что касается нас с Кэлом, не уверена, что между нами могло быть лучше. Он работает не так много часов. Обычно приходит домой к ужину в шесть или шесть тридцать вечера. Он, как всегда, любящий и внимательный. Но кажется более сосредоточенным на чем-то. Хотя я не могу точно сказать, на чем именно. Он всегда защищает меня от проблем, связанных с моими родителями, проблемы, которую он берет на себя, но я задаюсь вопросом, не ударила ли смерть моего отца по нему сильнее, чем он признает.

Отгоняя грустные мысли, я включаю радио так громко, как только могу, позволяя ритму музыки завладеть мной. Ловлю себя на том, что виляю задницей и пою во всю глотку.

Мой телефон загорается, шумно вибрируя о гранит. Бросаю на него взгляд, хмурясь при виде имени на определителе вызывающего абонента. Я останавливаюсь, слегка задыхаясь, и раздумываю, отвечать ли. Спорю сама с собой, пока вибрация продолжается. Я как раз тянусь за ним, когда бодрый голос Кэла произносит.

— Привет, — говорит он, входя в дверь гаража. Я прерываю звонок, переключая его на голосовую почту, и быстро протягиваю руку, чтобы уменьшить громкость радио.

Мое приветствие вырывается писком, когда его руки обвиваются вокруг моей талии. Теплые губы скользят по моему горлу, и я вспоминаю тот день, когда он сделал это вскоре после того, как мы поженились. Хотелось бы мне, чтобы я готовила крем, вместо того, чтобы вытаскивать тушеное мясо из духовки, чтобы он мог снова намазать меня заварным кремом. Только на этот раз я бы не думала ни о ком, кроме него, пока он жадно слизывал бы крем. Я чувствовала бы только *его* пальцы, сжимающие мои соски идвигающиеся внутри меня. Слышала бы только *его* голос в моем ухе, приказывающий мне кончить. Чувствовала бы только Кэла, доводящего меня до оргазма.

Я снимаю крышку с кастрюли и глубоко вдыхаю аромат жареного мяса и овощей.

— Ты, кажется, в хорошем настроении, — говорю я, затаив дыхание, когда он захватывает мою мочку зубами.

— Да, — шепчет он, все еще удерживая меня. Он убирает зубы, но вместо этого его губы обхватывают плоть. Затем его дыхание окутывает меня, заставляя дрожать. — Тушеное мясо?

Его хватка ослабевает достаточно, чтобы я могла повернуться в его руках. Откладываю шумовку и кружусь, обвивая руками его шею.

— Ты кажешься разочарованным.

— Вовсе нет. Я люблю тушеное мясо.

Я наклоняю голову, изучая его.

— Но?

Его брови взлетают вверх.

— Откуда ты знаешь, что есть «но»?

— Потому что я знаю вас двадцать шесть лет, советник. Я узнаю жесткую... твердую, — я провожу рукой по его спине и сжимаю его упругую задницу, — задницу, когда вижу ее. — Мы раздражаемся смехом, прежде чем он оставляет обжигающий поцелуй на моих губах.

— Итак, ты рано вернулся домой, — говорю я, теперь уже запыхавшаяся и готовая к ужину совершенно другого рода.

Но его глаза. Они останавливают меня, пока я не провожу рукой по передней части его бедра. Теперь, когда я смотрю прямо в них, то вижу небольшую настороженность.

— Что случилось?

— Все в порядке, Лебедь.

— Тогда в чем дело? У тебя такой настороженный взгляд, как тогда, когда тебе пришлось сказать мне, что «Молодых ангелов» (сериал) закрыли. Что происходит?

Появляется самоуничижительная улыбка. Он сжимает мою талию, и я чувствую прикосновение его пальцев к своей спине. Он держит меня в клетке, чтобы я не могла сбежать.

— Иногда я ненавижу то, что ты так хорошо меня знаешь.

Красная тревога.

Мой пульс учащается.

Определенно что-то случилось.

— Нет, это неправда. Тебе это нравится. А теперь выкладывай. Это как-то связано с ДеСото Констракшн Индастрис?

— Нет, Маверик, — быстро отвечает он. *Слишком быстро.* Бросив быстрый взгляд в окно, он делает глубокий вдох и объявляет. — Но на самом деле есть кое-что, о чем я хотел тебе рассказать.

При обычных обстоятельствах я бы самодовольно ухмыльнулась и подразнила его, но мои чувства трепещут, как зажженные бенгальские огни. Момент кажется тяжелым, наэлектризованным.

Он нервничает.

Я стараюсь, чтобы мой голос звучал ровно, когда спрашиваю.

— О чем?

Он удерживает мой взгляд. Удерживает так интенсивно, как будто мы — магниты. Мощные и нерушимые. Буквально через секунду я задамся вопросом, так ли это.

— Я получил предложение о работе.

Я просто смотрю. Моргаю, смотрю и моргаю еще несколько раз.

Предложение о работе? Но у него уже есть работа.

— Что ты имеешь в виду, говоря, что тебе предложили работу? У тебя есть работа, Кэл. Здесь, в Дасте Фаллс. Работа в компании моего отца. — Я ахаю, внезапная мысль поражает меня. — Киллиан тебя уволил?

Сделал бы он это? Стал бы он таким образом злоупотреблять своей властью?

Ноздри Кэла раздуваются, а уголок рта приподнимается, но это и близко не похоже на улыбку.

— Потому что, если он это сделал, я...

— Нет, Лебедь. Он меня не увольнял. И мне не нужно, чтобы ты сражалась в моих битвах, — довольно горько продолжает он.

Я немного напрягаюсь, пытаюсь не позволить этому уколоть меня.

— Тогда что случилось? Почему ты получил предложение о работе? Я не понимаю.

И где? Не то, чтобы в Дасте Фаллс было много мест, где можно было бы работать адвокатом.

Он не отводит взгляда и спокойно говорит.

— Я согласился.

Моему мозгу требуется несколько секунд, чтобы осознать то, что он только что произнес. Мне показалось, я слышала, как он сказал: «*Я согласился*». И когда я понимаю, что он действительно произнес эти два слова, у меня такое чувство, что воздух выбивают прямо из моих легких.

— Что ты сделал? — я выдавливаю этот вопрос из себя на последнем глотке воздуха, который у меня остается, потому что чувствую, что не могу нормально дышать. Отталкиваю его изо всех сил, что есть во мне. Он позволяет мне, неустрашимо отступая назад. — Как ты мог это сделать, не посоветовавшись сначала со мной? ДеСото Констракшн Индастрис нуждается в тебе, Кэл. Сейчас больше, чем когда-либо.

Его челюсть плотно сжата. А пристальный взгляд тверд, впиваясь в меня с неконтролируемой решимостью.

— Это не так. Всех можно заменить, включая меня.

Несколько секунд назад я думала, что Киллиан уволил его. Теперь мои мысли поворачиваются на 180 градусов.

— Киллиан никогда не примет твою отставку.

Его поведение ничуть не меняется.

— Он уже это сделал.

Вот почему он звонил всего несколько минут назад. Должно быть.

— Как ты мог это сделать?

Решимость делает черты его лица жесткими. Он слегка кивает, когда говорит мне.

— Так будет лучше для нас, Лебедь.

— Лучше для нас? — я пребываю в полном недоумении и шоке. Да, шоке. Должно быть, это то, из-за чего мои конечности немеют, а разум отключается. Нет, он вращается. Кружится, вращается и раскачивается так быстро, что мой желудок бунтует. Я не знаю, как долго мы молча стоим, прежде чем снова обретаю самообладание. Затем выпрямляю спину. Расправляю плечи. Собираю свои запутанные мысли с пола, в единственную имеющую смысл схему. — Лучше для нас или лучше для тебя?

— Для нас. Нам нужно убраться к чертовой матери из этого города, Маверик, пока он не засосал нас и не погубил. Прежде, чем это разрушит нас, и все, что мы пытаемся построить.

— Разрушит нас? О чем, черт возьми, ты говоришь, Кэл? — мой голос становится все более и более пронзительным с каждым произносимым словом. — Наша жизнь здесь. Наши средства к существованию находятся здесь. Наши воспоминания. Наши истории. Наша преданность. Наши семьи!

Он просто стоит неподвижно, окаменевший и непоколебимый.

— Вот именно. — Как будто это словосочетание все объясняет. И я полагаю, что так оно и есть. Одно словосочетание суммирует причину, по которой он хочет отказаться от всего, что мы знаем, оставляя всю нашу жизнь позади.

Киллиан.

Моя кровь кипит. Горячо и сильно. Внутри образуются волдыри. Пот выступает у меня на лбу.

— Не могу поверить, что ты сделал это, не посоветовавшись со мной.

Его взгляд скользит по моей застывшей фигуре.

— Потому что я знал, что ты так отреагируешь.

— Как, черт возьми, я должна реагировать, когда ты говоришь мне, что строил планы на нашу жизнь без меня! — затем мысль поражает меня с силой солнца в полдень на экваторе. Почему я раньше не сложила два и два? Почему не настаивала на этом, когда у меня были сомнения относительно того, что он делал? — Ты поэтому ездил в Миннеаполис?

Пожалуйста, скажи «нет». Пожалуйста, скажи «нет». Пожалуйста, не говори «да»...

Он даже не утруждает себя тем, чтобы выглядеть пристыженным, когда отвечает.

— Да.

У меня слабеют колени. Но я ловлю себя на том, что кладу руку на стойку. Другой толкаю в грудь Кэла, когда он пытается добраться до меня.

— Не прикасайся ко мне, — бормочу я. Он делает два шага в сторону.

Я чувствую себя совершенно больной. Он скрывает это от меня в течение нескольких месяцев. Мы смотрим друг на друга, воздух сгущается от гнева и обиды.

— На кого ты будешь работать? — выдавливаю я вопрос сквозь сдавленное горло. Все мои флажки развеваются высоко и кроваво-красные. Я знаю, кто еще есть в Миннеаполисе, и очень надеюсь, что он не собирается говорить то, что я думаю.

— Брэм Констракшн.

— О Боже мой. Но это же... — о, Боже, я не могу... дышать... Я задыхаюсь. — Это.. Кэл. — Это крупнейший конкурент ДеСото Констракшн Индастрис на Среднем Западе.

Я поворачиваюсь к нему спиной и опускаю голову, сжимая гранитную стойку так сильно, что мои пальцы кричат так же громко, как и разум. Я закрываю глаза и напрягаюсь, чтобы сделать долгий, медленный вдох, полный терпения и прощения. Но это, черт возьми, не работает. Прямо сейчас я чувствую себя невообразимо преданной. Сбитой с толку и такой преданной.

— Как долго ты работаешь над этим?

— Некоторое время.

«Некоторое время» — воздушные кавычки. Проходит уже несколько месяцев. Вот почему он отвозил меня в Сент-Пол. Вот почему хотел показать мне все вокруг. Вот почему он хотел, чтобы я полюбила это место.

Иисус Христос.

Я резко оборачиваюсь, мои волосы дико развеваются. Не хочу смотреть на него прямо сейчас, но я должна видеть его лицо, когда спрашиваю.

— Были ли когда-нибудь какие-нибудь встречи с Национальной гвардией?

Он выглядит немного обиженным. Я ни в малейшей степени не чувствую себя плохо из-за этого.

— Да.

— Сколько?

Он колеблется лишь мгновение, его глаза опускаются в пол, прежде чем вернуться ко мне. Один только его вздох отвечает на вопрос.

— Только одна. Все застопорилось, как я тебе и говорил.

— Тогда почему Киллиан не знал?

Его губы сжимаются в тонкую, сердитую линию.

Он злится? Ну и к черту его.

Опять же, я не чувствую себя плохо.

— Это была услуга твоему отцу. Они связались с ним напрямую. Они были

заинтересованы в ДеСото Констракшн Индастрис, но твой отец не хотел посылать Киллиана, потому что не хотел портить процесс закупок. — Когда я продолжаю молчать, он добавляет. — Это была просто встреча, Мавс. Я никогда не упоминал об этом при Киллиане и не знаю, говорил ли об этом твой отец. Не спрашивал.

Я перевариваю его объяснение. Когда Кэл лжет, он всегда заканчивает тем, что облизывает губы. Не уверена, что он даже осознает это, но его губы сейчас сухие. Я хочу спросить его, почему он просто не сказал мне об этом с самого начала, только я уже знаю.

— Ты солгал мне, — говорю я дрожащим голосом.

— Я не...

— Ты, черт возьми, сделал это, — кричу я. — Утаивание этого равносильно лжи. Мы женаты, Кэл. Женатые люди должны говорить о таких важных, меняющих жизнь вещах, как эта. А не прятать их друг от друга.

Его губы кривятся так, как я никогда раньше не видела.

— Неужели? Это то, что мы должны делать, Мавс? Потому что тогда у меня есть кое-что, о чем я хотел бы поговорить.

Моя грудь сжимается.

О, Боже.

Это он. Момент, которого мы ждали. Дискуссия, которая разлучит нас или объединит, чтобы мы стали нерушимы. Я хотела поговорить десятки раз с тех пор, как мы поженились, и теперь, когда мы стоим на пороге, глядя в эту смоляную яму боли, я просто хочу закрыть дверь и замазать ее клеем навсегда.

Но я не могу.

Потому что *он* — это причина, по которой мы вообще здесь находимся.

— Просто скажи это, — настаиваю я.

То расстояние, которое, как я убедилась, было между нами, теперь исчезает. Кончики его ботинок прижимаются к моим босым пальцам ног. Его грудь задевает мою с каждым неровным вдохом. Его голова опущена, лицо близко к моему. Вращающиеся раскаленные шары гнева снова держат меня в заложниках. Когда он говорит, его голос хриплый и гортанный.

— Да. Это из-за *него*, Маверик. Мы притворяемся, что между нами не существует его, но он, блядь, всегда рядом. Всегда между нами. Он — это все, что когда-либо было между нами.

— Кэл...

Он хватает меня за подбородок большим и указательным пальцами, ущипнув, чтобы удержать, но не причинить мне боль.

— Думаешь, я не знаю, что он забрал то, что принадлежит мне? Поцеловал то, что принадлежит мне? Любил то, что принадлежит мне? Трахнул то, что принадлежит мне? — он проводит дрожащей свободной рукой по волосам, пока пряди не встают дыбом. — Думаешь, я не знаю, что ты даже назвала свой гребаный бизнес в его честь?

Я открываю рот, чтобы отрицать это, но не могу. Я сделала это как запоздалое «пошел ты» Киллиану. В колледже я прочитала книгу Талеба «Черный лебедь» о непредсказуемых событиях. Это было завораживающе. Кэл бесконечно слушал, как я болтаю о его теориях эмпирических и статистических свойств четвертого квадранта. Так что месяцы спустя, когда произошло невообразимое, *непредсказуемое* предательство Киллиана, я была полна злобы и смущения, и это казалось уместным. Теперь же это просто кажется мелочным.

— Господи Иисусе, бл*дь, Маверик! Я все знаю, и мне все равно. *Вот* как сильно я тебя люблю. *Вот* где ты, закрученная в самом гребаном центре моей души. Это то же самое место, где ты будешь находиться до тех пор, пока я не закрою глаза и не испущу свой последний вздох. Ты укоренилась здесь, — он бьет себя в грудь, — я никогда не избавлюсь от тебя. Как бы ни старался. Неважно, как сильно я этого хотел, пока знал, что ты с ним.

Его голос срывается. Он останавливается. Пронзает взглядом, который опустошает меня, но не больше, чем его признание или слезы, которые я сейчас вижу.

— В то время как он был солнцем, освещавшим твой мир, на меня падала тень.

Я делаю резкий, болезненный вдох. Моя душа чувствуется раздавленной. Буквально. Растоптанной каблуком ботинка, пока не останется ничего, кроме одной большой черной массы отворачивания к себе.

— Почему? — я никак не могу понять, почему он любит меня. Почему женился на мне. Почему ему не насрать на кого-то, кто только и делал, что причинял боль снова и снова, пусть и непреднамеренно.

Почему? Почему? Почему?

— Что «почему», Лебедь? — его голос хриплый и надрывный, но в нем безошибочно угадывается привязанность. И все же. Даже сейчас, после всего, что я с ним сделала, не смогла бы найти больше любви в его глазах, даже если бы попыталась.

— Почему, что угодно? Почему ты здесь, со мной? Почему хочешь меня? Почему женился на мне? Пожалуйста, объясни мне это, потому что я просто не понимаю. Я этого не заслуживаю. Никогда не заслуживала.

Он просто качает головой, как будто я самый тупой человек на планете.

— Потому что у меня достаточно любви для нас обоих. Всегда так было.

Вот и все.

У меня подгибаются колени. Я бесцеремонно падаю на пол и рыдаю. Не могу молчать об этом. Я плачу. Мое тело сотрясается от стыда и горя. С отвращением, что я не была той, кто ему нужен.

Сильные руки обнимают меня. Они поднимают и несут меня. Он успокаивает меня, обнимает, утешает. Он любит и прощает меня, гладит по волосам. Целует меня в висок. Обнимает меня до тех пор, пока мои рыдания не превращаются в редкие содрогания. Он подносит салфетку к моему носу, заставляя меня высморкаться. Его любовь ко мне так же глубока и безгранична, как чистое голубое небо.

— Ты помнишь тот первый раз, когда я последовал за тобой на озеро старика Райли?

Я киваю, уверенная, что мой голос не работает. Все мое существо слабо, а не только мышцы. Моя душа и сердце тоже.

— Я знал, что ты знаешь. — Он усмехается. Мне нравится чувствовать, как его тело дрожит подо мной.

— Ты был скрытен, как медведь, — шепчу я в ответ. Мой голос звучит так, словно его потеряли грубой наждачной бумагой. Я впиваюсь пальцами в его рубашку и держусь так крепко, как будто это единственное, что привязывает меня к земле. Может быть, так оно и есть.

Кэл двумя пальцами берет меня за подбородок и приподнимает.

— Я был влюблен в тебя всю свою жизнь, Маверик. Еще до того, как узнал, что такое любовь. Но в тот день... Боже, в тот день я наблюдал, как ты полностью раскрыла настоящую Маверик ДеСото, и подумал... *Она — это все, чего я хочу. Она должна быть*

моей. Я хочу, чтобы она была моей. Это был день, когда я понял, что никогда не полюблю другую так, как уже любил тебя.

О, это чувство вины. Как это пожирает меня заживо. Ее острые зубья сжимаются крепко и быстро. Он любил меня так же красиво и болезненно, как я любила Киллиана. Почти невыносимо слышать, как он признается в этом.

Его глаза ищут мои. В течение долгих секунд он проникает в то место, так глубоко внутри человека, что трудно позволить кому-либо найти его, не говоря уже о том, чтобы проникнуть в него.

— Мы не можем изменить то, кого любим, Маверик, — мягко говорит он мне.

И это самый бескорыстный человек, которого я знаю. Он знает, как я отношусь к Киллиану, и говорит мне своими словами, что все в порядке. Но это не так. Моя любовь к его брату была бременем, которое он должен был нести в одиночку всю свою жизнь. Я все это время любила не того мужчину. Отдала всю себя тому, кому не должна была. Это должен был быть Кэл. Всегда Кэл.

— Мне очень жаль.

Грустная улыбка мелькает на его губах.

— Не нужно извиняться, Лебедь. Но с меня хватит. Я не буду делить тебя с ним. Больше нет. Если у нас есть хоть какой-то шанс сделать это, мы должны убраться к чертовой матери из Дасты Фаллс. Мы должны создать новые воспоминания в месте, где я не чувствую себя подавленным этими ежедневными напоминаниями о том, что он все еще хочет тебя.

Он прав. Конечно, прав. И все же...

— Я знаю, что поступил неправильно, Маверик. Я это знаю. Я должен был сначала обсудить это с тобой. Должен был оказать тебе такую любезность, и за это я искренне извиняюсь. Но я знал, что тебе понадобится толчок, но это не меняет того факта, что именно это нам и нужно. Нам обоим. Я искренне в это верю. — Его сильная рука обхватывает мою челюсть, приподнимая ее. — Тем не менее, если ты скажешь мне, что это нарушает нашу сделку, тогда я отклоню это предложение. Мы останемся здесь, и я буду неустанно работать, чтобы убедиться, что ты видишь только меня.

Я действительно чувствую, как тяжело ему было это сказать.

— Ты сделаешь это для меня?

Улыбка, которая мелькает на его лице, быстрая и немного грустная.

— Думаю, мы оба знаем, что я сделаю для тебя все, Лебедь.

Я прикусываю губу, эмоции захлестывают меня со всех сторон. Я обижена, зла и, как всегда, испытываю безмерный стыд. Мы находимся на перепутье. К которому я привела нас прямо с этими глубинными чувствами, которые все еще испытываю к его брату, и которые он все еще испытывает ко мне. Я не знаю, что делать. Какую дорогу я выбираю? И то, и другое одинаково пугает.

— Но как насчет моей матери? Она все еще такая хрупкая.

— У нее есть ее друзья, ее сообщество. С ней все будет в порядке.

— А как насчет пекарни?

Я действительно обдумываю это?

— Мэри-Лу может ею управлять. Заплатишь ей гонорар за управление. Черт возьми, продай ее ей. Я знаю, что это твой ребенок, Маверик, и не хочу показаться черствым, но ты блестящий, талантливый и сильный духом человек. И сможешь открыть пекарню где угодно, или делать все, что захочешь.

Затем он лезет в карман брюк, достает визитную карточку и протягивает ее мне. Я верчу его в руках.

Миа Бэнкс-Сайрус, Владелица

Выпечка «Гринбрайер»

Это из пекарни, которую мы посетили в Сент-Поле.

— Где ты это взял? — спрашиваю я.

— Я вспомнил, что она сказала, что ее партнер переезжает. Поэтому заскочил туда, когда был там в тот день, когда твой отец... — он делает короткую паузу. Я прикусываю губу. — В любом случае, она сказала, что хочет найти другого партнера. Правильный вариант. Она вспомнила тебя, и ей интересно с тобой поговорить. — Уголки его рта слегка опускаются, когда он добавляет. — Это твое решение, Маверик. Мы остаемся или уезжаем?

Все это настолько ошеломляюще, что трудно переварить. Кэл хочет переехать. Прочь. От всех и вся. Начать все сначала в незнакомом городе.

Но могу ли я это сделать? Он дает мне так много и никогда ничего не требует от меня взамен. Никогда. Могу ли я дать ему эту единственную вещь, которая явно так много для него значит? Могу ли я действительно оставить свою жизнь позади? Покинуть наш дом? наших друзей?

Однако самый главный вопрос заключается в том, могу ли я оставить *Киллиана*? Это *единственный* вопрос, на который он действительно просит меня ответить.

И этот ответ в ту же секунду звучит так: я не знаю. Честно, не знаю, так как эта мысль никогда не приходила мне в голову. Может быть, это было мимоходом, но никогда всерьез. А если я этого не сделаю, если не смогу, что это значит для нас?

Глава 25

2 месяца и 2 недели назад

Маверик

— Вау.

— Ага.

— Хм.

— Я знаю.

— Я... вау.

— Ты не помогаешь.

— Я знаю, я знаю. Просто... дай мне осознать это в течение пяти секунд, — отчитывает она. Мэри-Лу сжимает переносицу. Закрывает глаза. Затем открывает.

— Я не понимаю, почему ты колеблешься, Маверик.

— Что? — *это и есть ее совет? После того, как она «осознавала это в течение пяти секунд»?*

Мне невыносимо это говорить, но вчера вечером я сказала Кэлу, что мне нужно подумать об этом несколько дней. Могу сказать, что он разочарован. Боже, как сложно было видеть его боль. Но у него были месяцы, чтобы смириться, а меня он ошарашил около двенадцати часов назад. Двенадцать часов без сна, сопровождаемые неистовой головной болью. Мне все еще больно, что он тайком все спланировал за моей спиной. Нагло лгал о том, почему уезжал из города. По правде говоря, мне больно, что он не доверил мне это раньше. Но, думаю, я в некотором роде заслуживаю этого.

Мэри-Лу обходит нашу рабочую поверхность, покрытую белой мукой и кусками теста, и хватается за плечи.

— Да, я имею в виду, что он прав. Тебе нужно убраться из этого места.

— Я не...

— Да, ты этого не делаешь. Это часть проблемы, Маверик. — Этот вздох, срывающийся с ее губ, глубокий и задумчивый. О, и я упоминала, что это чертовски раздражает? Хватает меня за руки и тащит к двум пластиковым стульям, стоящим вдоль стены. Она сажает меня в один, а другой разворачивает так, что мы оказываемся лицом к лицу, колени к колену. — Ты прошла долгий путь, Мавс. И наконец-то нашла способ отпустить этого засранца и наладить жизнь с Кэлом. И даже после смерти отца ты все еще сияешь, и счастливее, чем я когда-либо видела тебя... честно... когда-либо. Отдам тебе должное, ты пытаешься быть счастливой. Но пока ты сосредотачиваешься на Кэле, Киллиан все еще дышит на заднем плане. И это дыхание ядовито, Мавс. Это гребаный яд. Он будет медленно душить тебя, и ты даже не будешь знать об этом, потому что не можешь его видеть, не можешь чувствовать его запаха и не можешь попробовать его на вкус, пока не станет слишком поздно.

Она делает паузу, чтобы вдохнуть побольше воздуха, прежде чем начать снова.

— Я не знаю, какова история Киллиана, и, честно говоря, мне наплевать. Но есть одна вещь, которую я точно знаю.

Мэри-Лу опускает подбородок и поднимает брови, так что ее глаза остаются прикованными к моим.

— Какая? — говорю я язвительным тоном, устав от ее театральности.

— Он выжидает, пока не сможет вернуть тебя.

Я начинаю качать головой. Не верю, что это правда. Если бы Киллиан хотел, чтобы я вернулась, то я бы не сидела здесь, обсуждая, как разрушить все свое существование и перенести его на другого мужчину. Я была бы замужем за ним.

— Я не...

— Ах, ах, ах. — Она прижимает свой липкий палец к моим губам, заставляя меня замолчать.

— Эй! — я отталкиваю ее грязную руку и вытираю рот, хмуро глядя на то, что ежевичный джем теперь размазан по моему подбородку.

— Сделай это, Маверик. *Сделай*, — подчеркивает она.

— Сделай, — повторяю я больше для себя, чем для нее.

— Да. *Сделай*.

Я смотрю на свою лучшую подругу, которая говорит мне собрать вещи и уехать из единственного места, которое я знаю, как будто это так просто. И полагаю, что для Мэри Лу так оно и есть. Она всегда делает сложные решения такими рациональными и простыми.

С другой стороны, думаю, что я всегда делаю их слишком сложными.

Глава 26

Месяц и 3 недели назад

Маверик

— Отличная вечеринка, — констатирует моя мать, ее смех сдавлен. Ей здесь неудобно. Это видно по жесткой осанке. Она держит в руке бокал «домашнего» вина с легким намеком на отвращение. От моего внимания не ускользает, что она не сделала ни глотка, качество намного ниже ее утонченного вкуса. Но эй... она здесь, и за это, наверное, я должна быть ей благодарна.

Я позволяю своему взгляду скользить по толпе в «Пеппи». Кэл арендовал это место на ночь и оплатил всю вечеринку. Наша последняя большая вечеринка перед переездом в Сент-

Пол на следующей неделе.

— Ага. — Я делаю глоток своего Джека и колы. — Отличная вечеринка.

Последние несколько недель закружились в вихре. В течение двух дней после разговора с Мэри-Лу я обдумывала одно ее слово: *сделай*. Одно слово ударяет меня прямо в грудь. Ударяет и застревает, и я не могу избавиться от него. Одно это слово начинает разъедать все мои оправдания, пока они не превращаются в ничто. До тех пор, пока их как будто никогда не существовало и не было вообще никаких сомнений.

Я вспоминаю, как почувствовала себя свободнее, чем когда-либо, в те выходные, которые мы с Кэлом провели вдали от Дасти Фаллс. Я вспоминаю мир, который окружил меня, зная, что мы можем ходить по улицам и просто быть Кэлом и Маверик, обычной супружеской парой, а не чьим-то братом, сестрой, дочерью или отвергнутой бывшей любовницей.

Как только разобралась с чувством предательства, которое ощущала из-за того, что Кэл держал в секрете поиск работы, я знала, что единственное решение, которое могу принять, это следовать за моим мужем.

Почему я вообще в этом сомневалась?

Я люблю его. Я хочу иметь детей с ним. Хочу жить с ним и *только* с ним. Но самое главное... Я хочу, чтобы он был счастлив. Кэл терпеливо ждал меня все это время, и он заслуживает жизни, свободной от этих чертовых цепей, которыми Киллиан опутал его. И меня тоже.

После своего прозрения я всем сердцем соглашаюсь следовать за Кэлом, куда бы он ни захотел. Миннесота, Париж, Лондон, Мальдивы. Я очень болела за Мальдивы, поверьте мне. «Пожимаю плечами». Но холодные зимы Миннесоты — это тоже прекрасно.

— Как поживает Кэл? — спрашивает моя мама.

— Хорошо. Вчера был его последний день в ДеСото Констракшн Индастрис. Он приступит к своей новой работе в понедельник. — Сказать, что он был в стрессе, было бы преуменьшением. Он работает до десяти или одиннадцати каждый день. И обещает мне, что в Брэм Констракшн такого не будет, но я знаю, как все происходит на новой работе. Требуется время, чтобы набрать скорость, равное долгим рабочим дням. Но это тоже нормально. Я несколько раз связывалась с Мией, и мы собираемся встретиться за коктейлем во вторник вечером, чтобы обсудить потенциальное партнерство в ее пекарне.

Я также обсуждала продажу моего детища Мэри-Лу. Она в раздумьях. И нервничает. Я понимаю. Я тоже нервничала, будучи владельцем бизнеса. Так что на данный момент она согласилась на прибавку, чтобы управлять повседневными операциями. Мы разместили объявление, чтобы нанять кого-то, чтобы заменить ее. В конце концов, я смогу убедить ее, что покупка — это ее единственный вариант. Зная Кэла, я не вернусь и не могу вести такой маленький бизнес издалека.

— Удалось найти жилье?

— У нас есть несколько вариантов для просмотра на следующей неделе. — А до тех пор Брэм Констракшн поселили нас в номере в отеле «Сент-Пол», потрясающем высококлассном отеле, который больше похож на замок, чем на место, где можно переночевать. А комната? Это фантастика. Я, наверное, никогда не захочу переезжать оттуда.

— Ты взволнована? — я переключаю свое внимание с толпы пьющих, танцующих и болтающих людей на свою мать. Ищу насмешку или ревность, но не вижу. Я замечаю только

искреннюю заботу о дочери. И поддержку ее решения.

— Нервничаю, — признаюсь я. Невероятно нервничаю. И хотя в глубине души я знаю, что это правильный шаг для нас, меня все же несколько огорчает, что доходит до этого. Мы бежим от целой жизни, сбрасывая старую кожу из-за одного человека. Иголлка в стоге сена, которая продолжает колоть нас независимо от того, как сильно мы изворачиваемся, чтобы не чувствовать ее.

— Думаю, это правильное решение, Маверик.

Я ошеломленно молчу. Знаю, что ей должно быть тяжело видеть, как Кэл покидает компанию ее покойного мужа. Неважно, в чем Кэл пытается убедить меня, это большая потеря для ДеСото Констракшн Индастрис.

— Правда? Почему?

Моя мать, которая избегает зрительного контакта со мной во время всего этого разговора, переводит взгляд на меня. В ее глазах я вижу глубину и многолетний опыт, ожидающий передачи следующему поколению, чтобы мы не совершили тех же ошибок. Она улыбается. Мягко и по-матерински. *Хм.*

— Я многое знаю, Маверик. И знаю, что это то, что вам двоим нужно, чтобы расцвести и стать парой, которой вы всегда должны были быть. Папа бы одобрил.

Дерьмо.

Эти слезы, кажется, наготове все чаще и чаще в последнее время. Я моргаю, не желая портить вечер.

— Спасибо, мама, — мой ответ хриплый.

— Всегда пожалуйста, милая. — Затем она удивляет меня еще больше, обнимая меня. Объятие короткое, но включает полный контакт руками и телом. Не фальшиво, с двойным похлопыванием по спине и расстоянием между нами.

Когда мы расходимся, тяжелая рука обвивается вокруг меня, притягивая меня к... э-э-э... вспотевшему телу.

— Эй, сладкая штучка, — грохочет мне в ухо низкий голос.

— Привет, Джей, — бормочу я в ответ, мне не хватает воздуха, который нужен, чтобы нормально поговорить, потому что Джей Тон выдавливает его из меня.

— Где твой мальчик-игрушка? Он нам нужен.

Я стону.

Время караоке.

— Не знаю. — На самом деле, я уже довольно давно не видела Кэла.

Киллиан зависает у барной стойки, заказывая напиток за напитком. Я пытаюсь не обращать на него внимания, правда, но чувствую его взгляд на себе, словно толстая пленка, покрывающая мою кожу. Я так и не ответила на его голосовое сообщение с того вечера, когда Кэл вернулся домой и перевернул мой мир. С тех пор он пытается дозвониться до меня бесчисленное количество раз. Даже заглядывает в пекарню, но Кэрол уже проинструктирована о неожиданных визитах Киллиана. Она сказала ему, что я «нездорова». Он хмыкнул и ушел.

Но когда оглядываюсь, я не только не вижу Кэла, но и не вижу человека, от которого мы оба пытаемся сбежать.

— Дай-ка я осмотрюсь, — говорю я ему. Затем своей матери. — Сейчас вернусь. — Я ставлю свой почти пустой стакан и пробираюсь сквозь толпу, добираясь до коридора, ведущего в туалеты. Я встаю на цыпочки, что дает мне еще один дюйм, и осматриваю

помещение. Здесь так много людей, будто лосось плывет против течения. Никаких признаков Кэла.

— Эй, — я хватаю Ли Дэвида, моего старого одноклассника, проходящего мимо. — Ты видел Кэла... или Киллиана? — быстро добавляю. У меня такое чувство, что где бы ни был Кэл, я найду там и Киллиана.

— Привет, Мавс. Поздравляю с переездом. Похоже, там хорошая работа.

— Да, да, — быстро соглашаюсь я. — Кэл? Ты его видел?

— Ага, да. Кажется, я видел, как он уходил с Киллианом. — Он показывает большим пальцем в сторону аварийного выхода.

— Отлично. — Я делаю вид, что улыбаюсь. — Ты хорошо проводишь время?

— Потрясающе. Это отличная вечеринка.

Любая бесплатная вечеринка — отличная вечеринка.

— Спасибо, — на автомате говорю я, бросаясь к задней двери. Я толкаю ее, вываливаясь в тускло освещенный переулок.

Как только выхожу на улицу, я слышу их. Голоса льются слева от меня. Они разгоряченные, почти кричащие. Точно такие же, как в день похорон моего отца. Их бестелесные голоса льются из-за угла.

Мне требуется всего около пяти шагов, прежде чем я полностью слышу то, о чем они говорят. Я прижимаюсь спиной к стене, прислушиваясь.

— Теперь все кончено. Она должна знать, — рычит Киллиан.

— И что изменится? — стреляет Кэл в ответ.

Предполагаю, что «она», о которой они говорят, это я.

Почему мое сердце бешено колотится, ускоряя темп, а уши напрягаются, чтобы услышать ответ Киллиана?

— Она заслуживает правды, Кэл.

Что? Какой правды?

— Какой правды? — Кэл повторяет мои мысли.

— Что все это гребаное дело было делом рук ее отца! — он ревет так громко, что мое тело вибрирует.

Смех Кэла резкий и короткий.

— Ее отца? Нет, Киллиан. Это сделал *наш* отец. И Ты. Не забывай, что Джиллиан была беременна от тебя. Ричард, может быть, и нажал на курок, но ты зарядил пистолет, брат.

Что? Кэл должен ошибаться.

Я ожидаю, что Киллиан будет отрицать это. Скажет Кэлу, что он понятия не имеет, о чем тот говорит. Джиллиан не была беременна ребенком Киллиана. Если бы это было так, она бы поместила объявление в местной газете, чтобы объявить об этом.

Однако Киллиан не отрицает. Он молчит.

Внезапно мои легкие отяжелели, словно от тонны воды.

Джиллиан была беременна? Когда?

— Какого хрена, по-твоему, она будет со всем этим делать, Киллиан? — яростно возражает Кэл. — Простит нас? У нас у всех грязные руки. У тебя, меня, Джиллиан, наших родителей. Ее родителей. Ради Христа... Ричард мертв! Это дерьмо так далеко от нас, что сейчас только навредит ей.

Что, черт возьми, здесь происходит?

Я хочу кричать, что я здесь, я здесь, я здесь! Хочу броситься из-за угла и бить их обоих

кулаками, пока они не перестанут говорить загадками и не выдадут секрет, который, кажется, известен всем, кроме меня.

Киллиан не отвечает. Кажется, что все, что я слышу, это звуки проезжающих машин по Мейн-стрит, случайный, шумный, пьяный смех и стук моего сердца, так сильно бьющегося о ребра, что я удивлена, что они тоже его не слышат. Тишина, в которой мы все кричим на полную громкость. Это так громко, что я едва могу это вынести.

Я хочу сделать еще один шаг, но не могу. Мои мышцы застыли. Когда Кэл говорит, его тенор источает чистое презрение.

— Думаешь, если скажешь ей правду, то вернешь ее? Не так ли, ублюдок?

Ответ Киллиана ледяной и ровный.

— Если ты не скажешь ей, Кэл, клянусь гребаным Богом, я это сделаю.

Скажешь? Скажешь мне что? Что, черт возьми? Просто скажи это!

Я слышу потасовку. Ботинки хрустят по гравию. Стук, сопровождаемый звуком тяжелого дыхания.

— Ты прав в одном. Все закончилось. Делай все, что, черт возьми, считаешь нужным, Киллиан. Мне плевать на твою крысиную задницу. Но если ты скажешь об этом Маверик, клянусь Богом, брат ты мне или нет, я тебя погублю. Она счастлива. Она наконец-то чертовски счастлива, и этого у нее не отнять. Ты меня слышишь? — голос Кэла низкий и угрожающий.

— Я уже разрушен. И ты не забереешь ее у меня. — Голос Киллиана звучит хрипло... как будто его дыхательные пути перекрыты.

Должно быть, поэтому Киллиан пытался связаться со мной. Я вспоминаю его загадочные комментарии в тот день, когда Кэла не было в городе много месяцев назад.

— *Ты думаешь, что хочешь получить ответы, но иногда именно правда уничтожает, Мелкая, а не ложь. Я пытался защитить тебя всю свою жизнь, и это... Мне жаль, что я не смог защитить тебя от этого.*

Когда Кэл отвечает своему брату, это больше похоже на рычание, чем на что-либо другое.

— Она *моя* жена. Моя. Не твоя. Вруби это в свой толстый череп, брат. И я могу забрать ее, куда, черт возьми, захочу.

— Она должна быть *моей* женой, а не твоей.

Дышать становится практически невозможно. Жар ползет по каждому дюйму кожи, сливаясь, как жидкий огонь, в центре моей груди.

Моя голова кружится. Впервые с тех пор, как Киллиан стоял передо мной с Джилли, объявляя, что собирается жениться на *ней* вместо меня, он признал, что это всегда должна была быть я. Как мы и говорили. Как я всегда знала. Киллиан хотел, чтобы я стала его женой, а не Джиллиан.

Тогда почему я не стала? И какое отношение ко всему этому имеют наши отцы?

И другие вопросы начинают закрадываться, заглушая те, что стоят перед ними. Не менее важные, но такие как: является ли этот переезд случайным или стратегически спланированным? Действительно ли мы с Кэлом начинаем новую совместную жизнь, или Кэл просто хотел вывезти меня из города, чтобы сохранить от меня какой-то грязный секрет?

А ответы... они кажутся такими чертовски ясными, как будто я смотрю в увеличительное стекло. Киллиан страстно хотел, чтобы я что-то узнала, но Кэл не хочет

этого с таким же рвением. Конечно, это было методично спланировано. Как это могло быть не так? Кэл чуть ли не признал это.

У нас у всех грязные руки. У тебя, меня, Джиллиан, наших родителей. Ее родителей.

Я сдерживаю всхлип, закрывая рот рукой.

Что мне делать? Какого хрена мне с этим делать?

Я застываю в нерешительности. Но оказывается, мне не нужно решать. Я вздрагиваю, когда позади меня раздается громкий рев.

— Маверик, что ты здесь делаешь?

Отличное время, Ларри.

— Дерьмо, — слышу я бормотание Кэла. Через несколько секунд он появляется из-за угла, Киллиан следует за ним по пятам. Лучи одинокого уличного фонаря бьют прямо в них, и я могу различить каждую эмоцию, которую они несут. Чувство вины, беспокойство и ярость написаны на жестких чертах их лиц. Мы стоим и смотрим друг на друга, мои глаза бегают между ними. Я игнорирую Ларри, когда он касается моего плеча.

— Привет. — Кэл пытается быть беззаботным. *Большой жирный гребаный провал.* Он делает шаг ко мне. Я протягиваю руку, ладонью к нему.

— Что происходит?

— Ничего, — ровно отвечает он.

— Ничего? Действительно? *Это* твой ответ? — мое кровяное давление подскакивает, когда я перевожу взгляд на Киллиана. Он так усердно двигает челюстью вперед-назад, что, вероятно, стирает последнюю эмаль на зубах, но его взгляд не отрывается от моего. — Что именно мне пора узнать? — многозначительно спрашиваю я его.

— Маверик... — начинает Кэл, но, когда я снова обращаю на него внимание, он быстро замолкает.

Возвращаясь к Киллиану, я снова спрашиваю. Почти умоляю.

— Скажи мне, Киллиан. Ты *так* сильно мне задолжал.

Он колеблется, поглядывая на Кэла.

— Просто мы все не в духе, Мелкая. Ничего такого. Обычные разногласия.

Он страшется. Интересуется, как много я подслушала. *Ну и хрен с ними обоими.* Не покину это место, и они тоже, пока я не получу чертовы ответы.

— Если слово «ничего» снова сорвется с ваших уст, клянусь гребаным Богом, кто-нибудь пострадает, — говорю я сквозь стиснутые зубы. Мои пальцы сжимаются в кулаки, ногти впиваются в тонкую кожу.

— Э-э, думаю, я просто пойду, — слышу я обеспокоенный голос Ларри слева от меня.

Хорошая идея, Ларри.

Я не утруждаю себя ответом. Кэл и Киллиан тоже. Затем мы трое встречаемся лицом к лицу. Я не собираюсь двигаться ни на гребаный дюйм, пока не узнаю правду.

Кэл делает еще один маленький шаг ко мне, его баритон звучит мягко и ласково.

— Мавс... — он выглядит так, словно готов сломаться. Что ж, я тоже. Чувствую, что собираюсь расколоться прямо посередине.

— Пожалуйста, не надо, — шепчу я. Плотина, которую я использую, чтобы сдерживать новые слезы, прорывается, и вода хлещет по ее разрушенным стенам. — Не лги мне. Не сейчас. Пожалуйста, Кэл.

Его лицо бледнеет. Даже при слабом освещении я вижу, как от него отливает кровь. Затем он горбится. Его голова опускается. Мне кажется, я даже вижу, как блестят его глаза,

прежде чем он прячет их от меня. На самом деле, я знаю, что вижу это. Когда мое внимание переключается на Киллиана, он выглядит смиренным. И грустным. Очень, очень грустным.

Теория «Черного лебедя».

По словам Нассима Николаса Талеба, небольшое количество событий Черного лебедя объясняет почти все в нашем мире, от успеха идей и религий, динамики исторических событий до элементов нашей личной жизни. Сядьте поудобнее и подведите итоги своей жизни. Сколько дел идет по плану?

Жизнь необычна. Происходят экстремальные явления. Они непредсказуемы и эффективны, и наш человеческий мозг работает сверхурочно, пытаясь объяснить эти явления.

Это именно то, что я пытаюсь сделать в эту самую секунду. Объяснить, почему я знаю, что двое мужчин, которых люблю больше всего в этом мире, вот-вот разнесут его в гребаные осколки.

Именно тогда я понимаю, что предательство Киллиана, когда он женился на моей сестре, не было моим событием Черного лебедя. Я думала, что это так, но нет. Это просто побочный продукт. Что бы они ни скрывали от меня, это гораздо больше. Намного больше. На самом деле, до сих пор это было совершенно непредсказуемо, и его влияние будет ощущаться всю жизнь.

На всех нас.

Глава 27

3 года и 11 месяцев назад

Кэл

Киллиан вернулся. Чертов Киллиан вернулся. Сюда. В Дасте Фаллс. В ДеСото Констракшн Индастрис.

Я смотрю, как он проходит мимо моего кабинета. Он не поворачивает головы. Не останавливается и не здоровается. Я даже не знал, что он приезжает. Но это не сюрприз. Мы с Киллианом больше не близки.

Тот факт, что он ходит по коридорам ДеСото Констракшн Индастрис, не является хорошим знаком. Его не было чуть больше четырех месяцев, и если он встречается с Ричардом ДеСото, это может означать только одно.

Он возвращается.

*Бл*дь.*

*Бл*дь.*

Твою мать.

Если Ричард снова наймет его, я уйду отсюда. Маверик может не стать моей. Она может никогда не стать моей. На самом деле, теперь я понимаю, что это, вероятно, всегда являлось несбыточной мечтой. Безответная любовь, и все такое. Но я просто не могу сидеть день за днем, наблюдая за женщиной, которую люблю, с моим братом. Не могу знать, что она в его постели, носит его кольцо, его детей. Я просто, черт возьми, не могу.

Она вьется вокруг каждой моей мысли и чувства, так что можно было бы подумать, что я погнался бы за ней, как только подошва ботинка Киллиана коснулась первой ступеньки. Ну, это было бы ошибкой. Он мог быть вне поля ее зрения, но совершенно ясно, что он не исчезнет из ее сознания.

На самом деле, я провожу с ней все меньше и меньше времени, потому что просто не могу больше находиться рядом с ней и не рассказать, как сильно ее пренебрежение

медленно убивает меня. Я не могу умолять ее выбрать меня, когда знаю, что она хочет его, но также не могу больше держать в себе это чувство отчаянной любви к ней. Это чертовски сложно. И если я скажу ей, то потеряю ее. Точка. И с этим я тоже не могу справиться. Я бы пожертвовал всем, что хочу, ради *ее* желаний, лишь бы сохранить ее в своей жизни, потому что без нее существование невыносимо, но с возвращением Киллиана...

...все меняется.

Кислота проталкивается вверх по моему горлу. Это вкус ненависти, неудач и потерь. Я осматриваю свой просторный кабинет, вспоминая все, над чем работал последние два года. Это все бессмысленно. Награды. Акции. Деньги. Есть дюжина филиалов DeSoto Констракшн Индастрис, и меня легко может забрать любой из них. Или другая компания, если уж на то пошло. Я вернулся в свой родной город не для того, чтобы быть ручным псом Ричарда ДеСото. Это последняя чертова вещь, которую я хотел. Нет. Я вернулся в Дастри Фаллс по одной и только одной причине.

И сейчас эта причина не имеет значения. Потеряна для меня навсегда.

Я знаю это уже несколько месяцев, с тех пор, как Маверик вернулась из колледжа и начала тайно встречаться с Киллианом. Просто мне потребовалось так много времени, чтобы принять это.

Маверик влюблена в моего брата. Не в меня.

Это чертовски убивает меня, уничтожает, но я должен отпустить ее. Если Маверик хочет Киллиана, почему бы ей не заполучить его? Если он сделает ее счастливой, кто я такой, чтобы стоять между ними? Все, чего я хочу — все, чего я когда-либо хотел, это видеть ее счастливой. Я надеялся, что она будет со мной, молился об этом так много раз, что сбился со счета. Но если это не так, то что поделать. Да будет так. Я приму это как мужчина. Киллиан оказался прав много лет назад. Я, видимо, не то, что она хочет. Это он.

Но я уверен, что не хочу сидеть в стороне, чтобы мне каждый день засовывали это в глотку. Нет... я сваливаю из Дастри Фаллс. Сегодня вечером отполирую свое резюме. Отвечу на пару предложений и продолжу свою жизнь.

Черт, я даже могу не ждать так долго.

Я мысленно подсчитываю, сколько у меня есть сбережений.

Наверное, хватит на несколько месяцев.

Ага. Да, это правильно. Завтра я уйду без двухнедельной отработки и исчезну, словно пыль на ветру.

Собираюсь с мыслями, но с напряженными легкими, я чувствую, что могу задохнуться, и пытаюсь снова обратить внимание на контракт передо мной. Слова сливаются воедино. Как только я навожу на них фокус, они снова сливаются. Писк моего телефона некоторое время спустя — желанная передышка от моих тщетных попыток.

— Алло?

— Кэл, ты нужен мне в моем кабинете.

— Сейчас?

— Сейчас.

Ричард вешает трубку до того, как я отвечаю. Через несколько минут я стою у его открытой двери, и напряжение, льющееся из его уютного углового офиса, настолько густое, что удушает. Оно прилипает к моему костюму, становится тяжелым, как влага. Он сидит за столом с хмурым лицом. Неудивительно, ведь Киллиан напряженно сидит в гостевом кресле. Что меня ошеломляет, так это то, что наш отец в другом кресле.

— Что случилось? — спрашиваю я, мой взгляд скользит между ними тремя.

Он кивает на дверь.

— Закрой и садись. Мне нужно, чтобы ты составил кое-какие бумаги.

— Бумаги? — я практически рычу.

Конечно, ты гребаный идиот. Документы о трудоустройстве. Что ж, Ричард, это мое последнее задание в ДеСото Констракшн Индастрис, потому что я только что решил, что не могу оставаться здесь еще один день, не говоря уже об остальных четырнадцати.

Сдерживать свои эмоции, все равно, что бороться с двадцатипятифунтовым окуном. Я справляюсь, но с трудом. Выполняя его просьбу, я запираю нас вчетвером и придвигаю стул между отцом и братом, стараясь держаться подальше от Киллиана.

Когда я сажусь, Ричард смотрит на моего отца.

— Арни, ты хочешь объясниться или нет?

Теперь я в замешательстве.

Какое отношение отец имеет к Киллиану, работающему здесь?

Все взгляды устремляются на моего отца, и теперь, когда я присматриваюсь, он определенно побледнел. Весь его цвет исчез. Глаза широко раскрыты и пусты. Волосы на моих руках встают дыбом.

Эта встреча совсем не о Киллиане.

— Пап, что случилось?

— Я, э-э... — он останавливается и сглатывает так сильно, что я это слышу. Он удерживает сердитый взгляд Ричарда. Эти двое были друзьями, сколько я себя помню, только сейчас они выглядят совсем не дружелюбными. Я смотрю на Киллиана, и его взгляд направлен не на отца, а в пол. Его зубы скрежещут друг о друга, и он сжимает подлокотники своего кресла так сильно, что дерево может треснуть. Чтобы они ни хотели мне сказать, это важно. Это плохо. И я последний, кто узнает.

Я протягиваю руку и беру отца за руку.

— Что бы это ни было, пап, просто скажи. Все в порядке.

Киллиан фыркает. Я игнорирую его, сосредоточившись на отце. И вижу слезы в глазах человека, на которого равняюсь всю свою жизнь. Мой учитель. Мой защитник. Мой наставник, а теперь и друг. Но когда он начинает мне рассказывать, почему я сижу в кабинете Ричарда ДеСото, и меня просят составить юридические бумаги, я впадаю в шок.

— Я взял кое-что, что мне не принадлежало, — начинает он.

— Это мягко сказано, — бормочет себе под нос Киллиан.

Я перевожу взгляд на Киллиана, затем снова на отца. Он, пожалуй, самый честный человек, которого я знаю. То, что он только что сказал, не может быть правдой.

— Что ты имеешь в виду, говоря, что взял что-то, что тебе не принадлежало? Что?

— Он украл у ДеСото Констракшн Индастрис более двадцати миллионов долларов, вот что, — усмехается Киллиан, когда мой отец замолкает.

— Он что? — я заикаюсь, не веря ни единому слову из его уст прямо сейчас.

— Да, ты не ослышался. — Рычит мой брат.

— Ты лжешь, — бросаю я, вставая со стула. — Это все какая-то большая ошибка. Проблема в бухгалтерии, вот и все. Мы все знаем, что Марджи совершенно некомпетентна. — Я начинаю ходить взад-вперед, жестко глядя на Киллиана, в котором нет ни капли сочувствия. Ричард — точное отражение моего брата, и когда мой взгляд наконец останавливается на отце, я вижу, что все это правда. Каждое проклятое слово.

Они не лгут мне.

Нет никакой бухгалтерской ошибки.

Мои мысли проносятся вокруг отпуска, машин, одежды, стольких лет католического образования и, как у финансового директора, у него был доступ, чтобы вести бухгалтерские книги так, как он хотел.

*Бл*дь.*

Святой. Гребанный. Боже.

— Пап, — хриплю я, умоляя, чтобы это не было правдой.

— Прости, сын. Я облажался.

— Ты *облажался*? — плюю я.

Каким-то образом я снова оказываюсь в кресле, все еще глядя на отца. Перематываю последние несколько минут. Воспроизводя их снова. Повторяя и повторяя.

О, мой чертов Бог.

Этого не происходит. Это просто кошмар. Я вот-вот проснусь в холодном поту.

Но я не просыпаюсь. А остаюсь приклеенным к этому месту, застряв в живом, дышащем кошмаре.

Это реально. Мой отец преступник. Беловоротничковый преступник.

Затем меня посещает мысль.

— Ты отправишься в тюрьму. Черт, против тебя будут выдвинуты федеральные обвинения.

Мы работаем с государственными контрактами. Огромная часть нашего бизнеса — это контракты округа и штата, а значит, ему могут быть предъявлены обвинения в соответствии с федеральным законом. Наказание будет жестче. Из него сделают пример. Этот скандал потрясет Дасти Фаллс. Он будет национальным. Об этом будут говорить в вечерних новостях и годами показывать в таких шоу, как «20/20» и «Ночная линия». Нашу семью протащат по грязи. Наше имя испорчено. Моя мать... *Боже мой.* Моя милая, невинная мать. Это уничтожит ее.

А ДеСото Констракшн?

Иисус Христос.

Это потопит компанию Ричарда ДеСото, построенную на крови, поту и спинах этого сообщества. Никакое другое государственное учреждение не наймет его снова. Никогда. Он будет занесен в черный список. Банкрот в течение двух лет. Сплетни будут путешествовать из поколения в поколение, приукрашиваясь с каждым новым рассказом.

— Никто не сядет в тюрьму, — поясняет Ричард. — Вне этих четырех стен об этом никто не узнает. Арни немедленно уходит на досрочную пенсию. Вопросы здравоохранения. Киллиан возвращается в ДеСото Констракшн Индастрис и отработает долг своего отца плюс проценты. Ты составишь трудовой договор для Киллиана. И найдешь способ убедиться, что контракт прижимает Киллиана и отстаивает позиции в суде, но не раскрывает достаточно, чтобы отправить всех нас в чертову тюремную камеру на всю жизнь.

Я смотрю на Ричарда ДеСото, не веря своим ушам.

— Вы хотите, чтобы я похоронил хищение? Преступное деяние?

Он не отвечает, но его молчание — это все, что мне нужно. Конечно, он хочет. Он продумывает все разветвления так же, как и я. Это разрушит не только обе наши семьи, но и Дасти Фаллс. Бесчисленное количество людей полагаются на ДеСото Констракшн Индастрис как источник средств к существованию, и если он упадет, Дасти Фаллс

превратится в город-призрак. Мой отец украл у него двадцать миллионов, и все же он отпускает его невредимым. Но кто-то должен расплатиться, не так ли?

Мой брат.

— Каковы условия?

Господи всемогущий, я даже не могу поверить, что спрашиваю об этом.

— Долг будет полностью погашен, когда его продажи превысят сорок миллионов долларов. Так что, если это займет у него два года или десять, что ж...

— Сорок миллионов? Вдвое больше, чем украл мой отец?

— Это было предложение Киллиана, чтобы твой отец не гнил в тюрьме остаток своих дней. — Ричард смотрит на Киллиана, ожидая ответа. Киллиан только кивает.

Каковы симптомы шока? Холодная, липкая кожа? Рваное дыхание? Спутанность сознания, тревога, тошнота? Пот течет по яйцам?

Ну, черт возьми, тогда я в шоке.

— Ты согласился на это? — наконец спрашиваю я своего брата.

Долгое время он просто смотрит на меня. Он возвращается сюда вовсе не из-за Маверик. А потому, что наш отец облажался, а мой старший брат выручает его единственным известным ему способом. Он хочет вернуться сюда примерно так же сильно, как я хочу, чтобы он был здесь. Я вижу это сейчас.

Не могу поверить, что мы оказываемся в такой ситуации. Никогда, даже за миллион лет, я не мог этого предсказать. Он явно тоже.

— Да. Подготовь бумаги, Кэл.

— Но...

— Сделай это, — рявкает он. Затем его тон смягчается, когда он протягивает руку и сжимает мое запястье. — Пожалуйста. Просто сделай это.

На несколько секунд я возвращаюсь в то время, когда боготворил своего старшего брата. Он всегда был умным. Целеустремленным. Верным. И издевался надо мной, как и все старшие братья, но он также защищал меня и яростно любил. Мне этого не хватает. Я скучаю по нему. Но с Маверик между нами мы уже никогда не сможем быть прежними.

Поэтому я киваю.

— Хорошо. Я сделаю это.

Черт, я сам собираюсь совершить преступление. Иисус Христос. Я могу попасть в тюрьму. Буду лишен статуса. Проведу годы, будучи маленькой сучкой какого-то большого чувака.

Я провожу руками по лицу, пытаюсь осознать, что собираюсь сделать. Когда я поднимаю глаза на своего отца, он видит мою внутреннюю борьбу, а я вижу его раскаяние. Только этого недостаточно.

— Есть еще кое-что, Кэл, — говорит Ричард, пока я в оцепенении иду к двери.

Я поворачиваюсь, но не говорю. Просто жду.

— Мне нужно, чтобы ты составил брачный договор.

Я практикую корпоративное право. Контракты, ценные бумаги, налоги, права интеллектуальной собственности, зонирование. Это вещи, с которыми я знаком. Юрист с опытом семейного права будет лучше знаком с подобными вопросами.

— Брачный контракт? Для кого?

— Для Киллиана и моей дочери...

Клянусь, я перестану дышать. Мои легкие не работают. Мое тело не может двигаться.

Мне трудно сосредоточиться, в ушах звенит отрицание. Но затем я спасен, но в то же время теряю равновесие, когда он произносит имя Джиллиан вместо Маверик.

— Джиллиан? — уточняю. — Не... — я вовремя останавливаюсь.

Джиллиан?

— Да. Киллиан и Джиллиан женятся. — Ричард сияет. Как будто это общеизвестно, мы все должны знать и быть в восторге от этого.

Я фыркаю, проговаривая.

— С каких это пор? — и этот вопрос адресован непосредственно моему брату. Сейчас он знает, что я в курсе. О Маверик. Об их грязном деле. О его непреднамеренном предательстве.

— Джиллиан и Киллиан в ожидании... — добавляет Ричард.

— В ожидании? В ожидании чего? — я серьезно невежествен здесь.

— Ребенка, конечно же.

— Ребенка? — я понимаю, что повторяю все, что говорит мне Ричард, но, черт возьми. Я совершенно не верю всему, что происходит за последние десять минут. Когда я пытаюсь встретиться взглядом с Киллианом, на этот раз он отводит взгляд.

Киллиан изменил Маверик с ее сестрой? Они ждут ребенка? С Джиллиан? И теперь он собирается на ней жениться?

Чертов ад.

В моем теле прямо сейчас бурлит тысяча безымянных чувств. Их так много, что я не могу поймать все, но одна, за которую я цепляюсь — это ярость. Горячая, бушующая ярость.

Ублюдок-изменщик.

Независимо от того, хочу я признать это или нет, Маверик влюблена в Киллиана, и он просто бросает ее, как будто она не имеет значения.

Он обманул ее.

С. Ее. Сестрой.

Твою. Мать.

Я шел по коридору несколько минут назад, готовый позволить ему получить все, что я когда-либо хотел, потому что это то, чего хочет *Маверик*. И хотя ее выбор пал не на меня, я хочу, чтобы у нее было все, что ее душе угодно.

Но он ее не заслуживает.

Он, очевидно, никогда не заслуживал.

— Поздравляю, Киллиан. Это лучшая новость, которую я слышал за весь день. — Это возвращает его взгляд. И мы смотрим друг другу в глаза целую, непрерывную минуту. Его гнев совпадает с моим. — Я немедленно займусь этими документами, Ричард.

Я уйду с этой встречи, а спутанные эмоции теперь распутываются. Ярость все еще жжет. Я хочу встряхнуть отца. Хочу потребовать, чтобы он рассказал мне, какого черта он воровал у своего лучшего друга, и почему теперь он всех нас делает преступниками.

Но больше всего на свете я хочу врезать Киллиану в гребаную морду, потому что это абсолютно сокрушит Маверик. Последнее, чего я хочу, это видеть, как кто-то причиняет ей боль, но особенно из-за этого. Преданная любовником и собственной сестрой?

Иисус Христос.

Я даже не могу представить. Никто этого не заслуживает.

Вместе с гневом, однако, я чувствую целый ряд других вещей.

Разбитое сердце.

Неверие.

Горе.

Стыд.

Благодарность.

Но больше всего... *надежду*. Надежду. Новое дыхание. Новое начало. Молитва, на которую дан ответ в тот самый момент, когда я решаю сдаться.

Может ли это быть новым шансом для меня? Для нас? Поскольку Киллиана больше нет, могу ли я заставить ее видеть во мне больше, чем просто лучшего друга?

Не знаю, но я чертовски уверен, что попытаюсь, потому что, как бы это ни раздавило ее, мне вручают подарок, и я не собираюсь растрачивать его. Я буду там, чтобы утешить Маверик, помочь ей пережить то, что, я уверен, будет худшим временем в ее жизни, но *надежда*, что мой шанс с ней не совсем потерян, уже растет.

Я дам ей время. Конечно, дам ей столько времени, сколько нужно, чтобы собрать воедино свое разбитое сердце, но потом вступлю в игру. И не собираюсь сдаваться, пока она не окажется в безопасности моих рук и моего сердца.

Я никогда не сделаю ей больно, как Киллиан. Никогда.

Глава 28

5 недель назад

Маверик

Прошло две недели с тех пор, как Кэл покинул Дасти Фаллис, чтобы приступить к своей новой работе. Две недели вдали друг от друга. Две недели неопределенности, наше будущее в подвешенном состоянии. Две недели, а я до сих пор понятия не имею, что буду делать.

Пойманные с поличным, Кэл и Киллиан стояли в темном переулке и рассказывали всю свою грязную, чертовски неправдоподобную историю. О лжи, обмане, незаконных и аморальных действиях, в которых они оба участвовали. В каком-то извращенном смысле я понимаю, почему они оба это сделали, но факты есть факты.

А факты таковы: Кэл солгал мне. Он обманывал меня годами. И признался, что все это время знал о Киллиане и моей сестре. Даже составил брачный контракт. Он *знал*, как я была опустошена этой свадьбой, но все равно ничего не сказал. Не знаю, как простить его за это. Все, чем я занимаюсь — это самокопание, но готовых ответов не найти. Мое доверие подорвано. И я не знаю, как склеить все обратно.

Все, кто должен любить меня, лгали мне. Кэл, Киллиан, мой отец. Даже Джиллиан Киллиан признался, что Джилли тоже знала о хищении, поэтому тоже солгала. В этом участвовала даже моя мать. Единственная невинная во всем этом скандале — Айлиш Шепард. И Кэл, и Киллиан уверяют меня, что она ничего не знает. Я им верю. Они оба рисковали тюремным заключением, чтобы защитить своего отца. Нетрудно предположить, что они пойдут на край света, чтобы сделать то же самое для своей матери.

— Привет, я не мешаю? — спрашиваю я, когда она отвечает.

— Э-э, нет. — Тяжелое дыхание Мэри-Лу на другом конце провода — явная подсказка. Единственное упражнение, которое она делает, это аэробика в спальне.

— Почему ты вообще взяла трубку? Вернись к созданию детей.

— Я не... — шлепок.

— Он только что шлепнул тебя по заднице?

— Прекрати, — кричит она громким шепотом. Ларри смеется, а Мэри-Лу визжит.

— Поговорим утром, — говорю я ей. Мне нужно положить трубку, прежде чем я услышу

стоны или гудение вибрации на заднем плане.

Я уже готова повесить трубку, когда она говорит.

— Ларри может подождать. Я буду через десять минут.

Я вздыхаю.

Хочу ли я, чтобы она ушла от мужа, оставив его с синими яйцами? Эгоистично, но да. Но я даже не знаю, зачем звоню. Выговориться? Поразмьшлять? Пока не останется ничего, кроме принятого решения. Только вот я не могу его принять. Вкус предательства горький, от него трудно избавиться.

Я выглядываю из кухонного окна, глядя в темную ночь.

— Не. Я даже не дома. Я в машине.

— Уверена, Маврикки? Мы можем встретиться где-нибудь.

— Нет. Забудь. Увидимся утром.

— Хорошо. Ты точно уверена?

— Я уверена.

Мы вешаем трубки. Я стою там несколько минут, думая, что должна быть в постели. Уже около десяти, а мне нужно вставать в четыре утра. Но пустота этого дома и мое сердце давят на меня так тяжело, что я чувствую, что тону под их гнетом.

Взяв со стойки ключи, я оказываюсь в своей машине и целеустремленно еду по городу. Затем, припарковавшись на знакомом травянистом месте, звоню по телефону и жду, вспоминая ночь, которую мне незачем вспоминать, и ждать того, кого мне незачем ждать...

— *Мы не должны быть здесь.*

— *Это именно то место, где мы должны быть, — тихо говорю я ему. Мы слишком долго петляли вокруг друг друга. Пора. Я передвигаюсь по скамейке, пока между нами не останется расстояние в лист бумаги.*

— *Кто-нибудь может нас увидеть.*

— *Во всем парке нет ни одной машины, — возражаю я. — И кроме того темно, и мы так далеко от дороги, что никто не увидит.*

— *Маверик, — шипит он, когда моя рука касается растущей выпуклости на его джинсах. Я хватаю его. Глажу. Намокаю между ног, и у меня текут слюнки. Я начинаю расстегивать молнию, металлические зубцы расходятся, обнажая такой большой член, что кажется, будто он завернут в термопленку в его черных трусах.*

Я не смотрю на него, вместо этого сосредоточив свое внимание на призе, умоляющем выпустить его. Однако я хочу. Я хочу смотреть ему в глаза, когда беру его член в руку, в рот. Хочу видеть, как они затуманиваются от желания, когда он набухает и взрывается. Но я не смотрю. Потому что, если я это сделаю, то боюсь, что он остановит это. А я устала останавливаться. Сегодня он будет моим. Если я добьюсь своего, он будет моим навсегда.

Теперь его дыхание учащается. Быстрое и неглубокое. Его голова мягко ударяется о подголовник. Он меня не останавливает, поэтому я продолжаю. Просовываю руку под резинку его нижнего белья и смело стягиваю трусы вниз по его твердости, пока она не проглядывает высоко и гордо.

— *Боже, — бормочу я.*

— *Бл****, — выдыхает он, когда я обхватываю его пальцами.*

Он толст и огромен, и вена проходит по всей его нижней части. Я провожу по нему от

основания, и его член прыгает в моей руке. Дойдя до кончика, похожего на верхушку гриба, я провожу большим пальцем по блестящей капельке вытекающей влаги.

— Маверик, Иисус Христос. — Его рука сжимает мои волосы. Он откидывает мок голову назад и вливается в мой рот своим. Засовывает внутрь язык, проводя длинными требовательными движениями. Он кусает мою нижнюю губу, пока это не становится так чертовски больно, что я стону его имя. Киллиан берет и берет, доминируя надо мной так, как я всегда представляла. Затем он держит меня неподвижно, его дикие глаза сверлят меня. — Положи мой член себе в рот.

Я хочу этого. Да, но, черт возьми, я ждала его почти двадцать три года.

— Я хочу чувствовать тебя внутри себя.

— И я буду внутри тебя, Мелкая, но сначала мне нужно погрузиться в этот рот. За эти годы я тысячу раз представлял, как ты отсасываешь мне. Не заставляй меня умолять.

Боже. Его признание. Оно танцует по всей моей коже, мурашки присоединяются к вечеринке. Уголок моего рта дергается.

— Думаю, мне хотелось бы хоть раз услышать, как ты умоляешь.

Его глаза пристально смотрят на меня, и он шепчет простую просьбу, которую я никогда, никогда не забуду. Всегда буду помнить, как его губы сжались, когда он произносит это. Буду слышать хриловатую, нетерпеливую вибрацию его голоса, когда буду засыпать ночью. И буду вспоминать то, как ощущаю все, что он чувствует ко мне, когда искренне произносит:

— Пожалуйста, — это слово останется клеймом в моей душе на всю жизнь.

Он кладет мою голову к себе на колени. Его движения медленны и нежны, и он держит свою руку на моих волосах, пока я сжимаю его крепче в предвкушении.

Я не дразню. А действую целенаправленно. Я обхватываю губами его член и проталкиваюсь вниз, пока он не оказывается настолько далеко, насколько возможно. Я поднимаюсь, касаясь языком его бархатистой плоти. Делаю это снова и снова, доводя его до безумия. Пока не срываю с его губ стоны и мольбы, которые умирали от желания услышать всю свою жизнь. Он напрягается. Мышцы его бедер твердеют. Я знаю, что он в секундах от того, чтобы кончить мне в горло, когда он использует мои волосы как рычаг, отстраняясь.

— Что...

Огненный поцелуй уничтожает эту мысль. Его руки начинают срывать мою футболку. Мой бюстгальтер снят. Он жадно сосет мою шею, соски и дрожащий живот, пока стягивает мои шорты и трусики вниз по ногам, пока я не оказываюсь полностью голой. Прежде чем я успеваю сосчитать до пяти, он избавляется от своей собственной футболки и раскалывает презерватив по своему твердому члену. Его собственные шорты лужицей лежат под ногами вместе с трусами, а затем он нависает надо мной, великолепно обнаженный. Я провожу руками по всему его телу, наслаждаясь ощущением, как его мышцы напрягаются и перекачиваются, когда я провожу по ним.

Боже, он великолепен.

— В первый раз мы кончим вместе, — страстно говорит он мне, пока его член проникает между моими влажными складками и начинает толкаться внутрь.

Это происходит. Это действительно происходит.

— Вот дерьмо, Киллиан. — Мои глаза закатываются, пока он толкается глубже. Я хочу плакать от того, как фантастично он чувствуется, растягивая мои тугие стеночки,

Но не делаю этого. Наши взгляды остаются прикованными друг к другу, ни один из нас не может оторваться.

— Черт возьми, ты чувствуешь хорошо. Так хорошо, Маверик. Такая мокрая, такая тесная. Такая... бл. — Голос Киллиана напряжен, противоречит его движениям. Он медлителен и размерен, поджигает каждое нервное окончание, когда входит и выходит в разочаровывающем темпе. Могу сказать, что он сдерживается. Вижу это потому, как его тело дрожит от напряжения.*

— Трахни меня. Жестко. — Я хочу, чтобы он отпустил. Взял меня. Обладал мной.

Его темный взгляд расширяется на секунду, прежде чем он снова входит в меня, его бедра грубо бьются о мои, заставляя меня задыхаться и хотеть большего. Но вместо того, чтобы двигаться, он держится неподвижно.

— Я не буду трахать тебя, Маверик.

— Но...

Обхватив мои щеки, он закрывает мне рот большим пальцем. Его сладкие слова заставляют меня плакать.

— Я буду медленно заниматься с тобой любовью, Мелкая. Я слишком долго ждал, чтобы просто трахнуть тебя, как будто это бессмысленный акт. Это значит для меня больше, чем ты можешь себе представить. Я буду поклоняться твоему телу, любить твое сердце, владеть твоей душой и заботиться о том, чтобы ты запомнила эту ночь на всю оставшуюся жизнь.

— Я люблю тебя, Киллиан, — вырывается наружу вместе с небольшим всхлипом. Я никогда не чувствовала себя такой любимой, как сейчас. Или такой счастливой.

Он прижимается своими губами к моим, целуя так же медленно, как занимается со мной любовью.

— Я люблю тебя, Маверик. Всегда любил.

— Ты в порядке? — спрашивает он, забираясь в мою машину. Дверь закрывается с громким щелчком, и в этот момент я чувствую, как его присутствие заполняет все пространство моей маленькой машины. Мой желудок переворачивается пару раз. Я начинаю дышать немного тяжелее.

— Ага, — отвечаю я, теперь явно задыхаясь.

Он смотрит, пытаясь понять, почему я позвала его. Почему попросила прийти. Почему мы именно здесь, из всех мест.

Что ты делаешь, Маверик?

— Мне нужно немного воздуха.

Я выпрыгиваю из машины, не удосужившись посмотреть, следует ли он за мной. Обхожу перед своей машиной и прислоняюсь к капоту. На ощупь он еще теплый. Ему не потребовалось много времени, чтобы добраться сюда. Я слушаю, как сверчки стучат лапками вместе с плавным течением реки неподалеку.

Киллиан подходит ко мне, стараясь оставить достаточно места. Возможно, расстояние даже в штат недостаточно.

— Как новая работа?

— Не знаю. Он дает мне пространство. — Мы переписывались несколько раз, но, кроме одного короткого разговора, который у нас был несколько дней назад, который, возможно, побудил меня прийти сюда сегодня вечером, я не разговаривала с Кэлом с момента его

отъезда. Я провела субботний вечер у Мэри-Лу и ждала воскресенья, чтобы вернуться домой, пока не узнала, что Кэл уехал из города. Я также не видела Киллиана и не разговаривала с ним с той ночи.

— Что я здесь делаю, Маверик?

Я не знаю. Я, черт возьми, не знаю.

— Не знала, кому еще позвонить.

Его выдох тяжелый, когда он тянется к моей руке. Его пальцы переплетаются с моими. Они теплые. Обнадеживающие. Я не должна позволять ему прикасаться ко мне. Я должна быть с Кэлом прямо сейчас. В Сент-Поле выяснять отношения между нами. Должна быть где угодно, только не здесь. В темноте Харбор-парка, наедине с женщиной, о котором я до сих пор слишком сильно забочусь, в том самом месте, где завершились наши отношения.

Глупость во всей красе, прямо здесь.

— Мэри-Лу занята?

— Да, — тихо отвечаю я.

Она трахает своего мужа в стиле пятидесяти оттенков серого, пытаюсь заставить маленьких пловцов зацепиться за ее неуловимые яйцеклетки. Она, вероятно, вверх ногами прямо сейчас, пока мы говорим.

Его вопрос ожидаем и пропитан тревогой.

— Как мне уладить отношения между нами, Мелкая?

Хм. Если бы я знала.

Отсюда открывается прекрасный вид на Висячий мост, один из старейших висячих мостов в Айове. Я провела много времени в этом парке. На том мосту. Большинство моих друзей отказывались переходить его, когда были маленькими, потому что их пугало раскачивание. Чем больше людей на мосту, тем сильнее раскачивание. Но не меня. Я жаждала свободы, которую чувствовала, когда раскачивалась из стороны в сторону, даже если это было незаметно. Теперь, когда я взрослая и пересекаю этот мост, он уже не так привлекателен, как в детстве. Он кажется маленьким, а не внушительным, хотя потенциально на нем можно покончить с жизнью.

— Ты помнишь, как мы с Кэлом прыгнули со скалы самоубийц? — скала самоубийц находится прямо на другой стороне Висячего моста. Это единственный способ добраться до высоких утесов, возвышающихся над рекой Кег футов на сорок.

Киллиан тихо усмехается.

— Да, я помню.

Он был в ярости. Угрожал перекинуть меня через колено и отшлепать по заднице докрасна, если я прыгну. Он и не подозревал, что это только разожгло мой огонь. Мне тогда было всего тринадцать. Кэлу — шестнадцать. Киллиану — восемнадцать. Это была одна из последних вещей, которые я сделала с Киллианом перед его отъездом в колледж в августе того же года.

— Ты был так зол.

Он молчит довольно долго, проходит много ударов сердца. Киллиан выпускает мою руку и скрещивает свои вместе.

— Мне до сих пор снятся кошмары о том, как ты тонешь, Маверик. Как ты втягиваешь воздух в свои наполненные водой легкие. Этот ужасный оттенок синего на твоих губах. Как деревенеют твои конечности. Господи, будь моя воля, ты никогда больше не приняла бы даже ванну.

Я смеюсь, а он нет. Поворачиваю голову, чтобы изучить его профиль. Он смертельно серьезен. Никогда не переставала думать о том, как моя близкая смерть повлияла на него. Серьезность того дня сильно ударяет по мне.

— Прости, Киллиан. Я понятия не имела.

— Черт, если бы Кэл не настоял, чтобы мы пошли этим путем, тогда... — он не обращает внимания на эту короткую новость. Я никогда, никогда не знала об этом. Не знала, как они наткнулись на меня в тот день. Я ошеломлена знанием того, что, хотя Киллиан, возможно, и вытащил меня из воды, в конечном счете именно Кэл ответственен за мое спасение.

Интересно, почему он никогда не упомянул об этом?

Я застаю в этом воспоминании, пока комментарий Киллиана не возвращает меня к нему.

— Ты всегда такая чертовски упрямая. Во всем. Но, слава Богу, что ты такая. Убежден, что это единственная причина, по которой ты не умерла в тот день.

Я улыбаюсь, его двусмысленный комплимент заставляет мою кровь закипать.

— Так и знала, что тебе нравилось мое упрямство.

Он борется с улыбкой. Но проигрывает. Когда он скользит глазами в мою сторону, у меня перехватывает дыхание. Он по-прежнему так же прекрасен в лунном свете сегодня вечером, как и в ту ночь, когда сказал мне, что любит меня. В ту ночь, когда он сдержал свое обещание, и мы кончили вместе. В ту же ночь он украл меня всю, в некоторые части меня все еще принадлежат ему.

Внезапно мне становится очень грустно.

— Ты мне скажешь, почему?

Сбрасывающая трусики улыбка спадает.

— Почему что, Маверик? — он делает вид, что не знает, о чем я спрашиваю, хотя это не так.

Я решаю, что это все. Если он не скажет мне в этот раз, я не буду спрашивать снова. Уйду в могилу, так и не поняв, почему ночь обещаний, произнесенных шепотом, заканчивается таким беспорядком, как сегодня.

Возможно, поэтому я и позвонила. Может быть, это то, что мне нужно, чтобы я могла отрубить последние остатки этой связи. Может быть, мне это нужно, прежде чем я смогу исправить то, что не так со мной и Кэлом. Я решаю, в любом случае, сегодня все закончится.

— Почему ты изменил мне с Джиллиан? Почему недостаточно любил меня?

Его мышцы напрягаются. Он облизывает губы и втягивает в себя воздух. Отворачивается от меня и смотрит в темноту впереди. Это то же самое, что он делает каждый раз, когда я просила ранее. Я считаю секунды, пока не дохожу до 120.

Вы знаете, как мучительно долго могут пройти 120 секунд? Мучительно, бесконечно медленно. На самом деле так медленно, что вы чувствуете каждую трещину в своем сердце, когда оно отсчитывает время с тиканьем секундной стрелки.

Ну... вот и все.

Поджимая губы, я отталкиваюсь от машины и направляюсь к водительскому месту, но его низкий голос приковывает меня к месту.

— Я не изменял тебе, Маверик.

Тогда это зажигает меня. Мой смех резкий и неприятный. Я поворачиваюсь назад и практически впадаю в ярость, двигаясь вперед, пока не оказываюсь прямо перед его лицом.

— О, да?

Ни один его волосок не шевелится.

— Да.

— Ты чертов лжец, Киллиан. Не только изменщик, но еще и чертов лжец. Я слышала, как вы с Кэлом ссорились в переулке той ночью. Каждое чертово слово. — Я останавливаюсь и вытираю слезу, которая имеет наглость увлажнить мое лицо.

— Ты не знаешь, что слышала.

Я толкаю его. Двумя руками в грудь, так сильно, что он падает назад. Но в мгновение ока выпрямляется, и мои запястья оказываются скованы между нами. Он сжимает так сильно, что я вздрагиваю.

— Она забеременела от тебя.

Черт возьми, это больно говорить.

Его грудь быстро вздымается и опускается. Его глаза практически дикие.

— Ты не знаешь, о чем говоришь.

— Ты не отрицал этого.

Тишина.

— Ты этого не отрицал, — повторяю я. В моей голове это звучало иначе. Мне хотелось, чтобы это звучало сильно, требовательно. Вместо этого получается слабо, жалко и хрипло.

— Маверик, пожалуйста. Не делай этого.

— Просто скажи это. — Чувствую, как его сердце колотится под моей ладонью. — Я любила тебя, Киллиан. Ждала тебя. Хотела выйти за тебя замуж. Думала, ты хочешь того же, что и я. Ту же жизнь, что и я.

— Я хотел, — говорит он мне со страстной мольбой. В его словах столько тоски и правды, что я почти верю ему. — Черт... *до сих пор* хочу.

Меня начинает трясти. Я пытаюсь вывернуться из его хватки, прежде чем пронизывающая до костей печаль, которую я чувствую внутри, не разрушит меня. Он только притягивает меня ближе, крепче.

— Лжец, — хрипло шепчу я, мои мышцы начинают слабеть. — Ты лжец. Проклятый лжец, — бормочу я ему в грудь, опуская голову. Он обхватывает меня руками и держит, пока я увлажняю его футболку своими страданиями.

— Ребенок был не моим, Маверик, — мягко говорит он мне в волосы, прижимаясь губами к моей макушке. — У меня не было секса с Джиллиан.

— Почему? — спрашиваю я, немея. То, что он говорит, не имеет смысла. *Меня вообще волнует, какой ответ сейчас? Это не имеет никакого значения.* — Почему ты женился на ней? — все равно спрашиваю еще раз.

Его грудь сильно расширяется еще пару раз.

— Ребенок был от моего отца.

Я отшатываюсь. Он позволяет мне отклониться, но не отпускает.

— Что?

— Ребенок был от моего отца, — на этот раз говорит он медленнее.

О мой Бог. О, Боже...

— Что?

— Это так.

Джиллиан была беременна от Арни?

— Неужели он... он...

Боже мой... он ...

— Нет, Маверик. Если бы он ее изнасиловал, то сейчас гнил бы в бетонной камере. Я бы в этом убедился.

— Значит, это было по обоюдному согласию?

Какого черта? У Джиллиан был роман с Арни Шепардом?

Разум. Полностью. Взорван.

— Да, — цедит он сквозь стиснутые зубы.

— Ты знал? — я резко задыхаюсь. — Поэтому ты поехал во Флориду?

— Черт, нет, я не знал. Думаешь, я позволил бы этому продолжаться у меня под носом?

— Нет, я... конечно, нет.

— Я отправился во Флориду именно по тем причинам, о которых я тебе сказал. Мне нужно было стать самим собой, Маверик. Проложить свой путь без вмешательства наших отцов. Я тонул здесь под ними. Там мне было хорошо. В одну минуту я строил планы для нас, а в следующую весь мой гребаный мир превратился в руины вокруг.

Я прокручиваю все это в своей голове. Это беспорядок, и я все еще в замешательстве.

— Я не понимаю, Киллиан. Не понимаю, почему ты просто не позволил твоему отцу ответить за все? Он воровал у моего отца. У него был роман с девушкой младше его вдвое. Девушкой, которая была ему как дочь, ради Бога. Почему ты защищал его?

— А как ты думаешь, почему?

Я говорю единственное, что имеет смысл.

— Айлиш?

Он кивает.

— Проклятье, мой отец это заслужил, но я просто не мог так поступить с ней, Мелкая. У нее испорченное детство, и все, что у нее было, это мой отец. К лучшему, к худшему, он был всем для нее. Ее миром.

Я хорошо помню их историю. Это было то, что Айлиш часто рассказывала мне. Как они познакомились, когда Арни учился за границей однажды летом в Ирландии. Она происходила из бедной семьи. Ее отец был жестоким алкоголиком. Ее матери давно не было в живых. Она работала на трех работах, пытаясь свести концы с концами, но ее отец пил и проигрывал все деньги. Однажды вечером Арни зашел в паб, где она работала официанткой, и, по их словам, это была любовь с первого взгляда. Она много раз рассказывала мне, как он спас ее от нищеты. Они поженились через шесть коротких недель после знакомства, и когда он вернулся в Штаты, то взял ее с собой. Ей было восемнадцать, ему было двадцать.

Киллиан выпрямляется и отпускает меня, шагая к реке. Я следую за ним. Мы стоим на берегу и смотрим вниз, в черные воды внизу, и я жду, когда он будет готов рассказать мне всю историю.

— Однажды ночью Джиллиан позвонила мне в абсолютной панике. Сказала, что она в Пенсаколе, и ей нужно меня увидеть. Я забрал ее и привез к себе. Через пару часов она, наконец, достаточно успокоилась, чтобы рассказать мне все. Их роман был недолгим. Она сожалела об этом. Он тоже. Но потом у нее появилась задержка, и Ричард нашел тест на беременность, потому что она была достаточно глупа, чтобы сделать его, когда была в доме твоих родителей. — Он останавливается и несколько раз потирает лицо руками. — Она запаниковала. Он потребовал сказать, чей это был ребенок, и она назвала первого человека, который пришел ей в голову.

— Тебя, — бормочу я.

— Да, меня. И знаешь, при всех ее недостатках, твоя сестра не собиралась идти против своих убеждений и делать аборт. Она была напугана до смерти, но хотела сохранить его. Я уважал ее за это, даже если и был чертовски зол на то, что она сделала. За то, что *он* сделал.

Я думаю о Джиллиан, которая должна была справляться с этой ситуацией практически одна. Могу представить давление со стороны моего отца, чтобы она вышла замуж и не запятнала имя ДеСото внебрачным ребенком. Он был старомоден. Я также могу себе представить, как она, должно быть, чувствовала себя загнанной в угол, не желая вызывать недовольство наших родителей. Я ловлю себя на том, что чувствую некоторую жалость к ней, даже если это была ее вина.

— В любом случае, я сказал ей, что мы что-нибудь придумаем, но я женюсь на ней не потому, что люблю.

— Ты сказал ей это? — спрашиваю я, и мое сердце начинает биться быстрее.

— Да.

Сочувствие? Да... это было недолго.

— Несколько дней спустя мне звонит Ричард. Судя по всему, они расследовали дело моего отца почти год. Он сказал мне, что у меня есть два варианта: он передаст все федеральному прокурору или я могу вернуться в компанию и поступить правильно, женившись на Джиллиан, а он с легкостью закопает улики.

— Мой отец шантажировал тебя? — спрашиваю я с полным недоверием, желчь бурлит в моем желудке.

— Он оказывал на меня давление, скажем так. — Теперь он полностью поворачивается ко мне, обращаясь напрямую. — Я мог бы сказать «нет», Маверик. Мог бы сказать «нет» и наблюдать, как все разворачивается. Смотреть, как моего отца сажают в тюрьму. Как компания твоего отца сгорела бы в огне из-за слишком большого скандала. Я был так зол на то положение, в которое меня поставили твой отец и Джиллиан. Даже думал, что он блефует. Но потом я подумал о последствиях. Как это повлияет на невинных людей, включая тебя и мою мать, и осознал, что могу либо нести тяжесть всего этого хаоса, либо смириться с ним и просто заставить все это гребаное дерьмо исчезнуть с некоторыми своими собственными условиями.

— Почему ты просто не рассказал мне обо всем этом?

— Ты не представляешь, сколько раз я сидел ночью перед твоим домом, желая выломать дверь и сделать именно это. Но, бл*дь... Я совершил *преступление*, Маверик. И не мог втянуть тебя в это.

Мой взгляд падает. Неохотно, но я понимаю. Прикусываю губу и раздвигаю кучу грязи под ногами.

— Почему она не ткнула этим мне в лицо?

Он знает, что я спрашиваю о беременности. Она определенно втирала мне в лицо их брак при каждой возможности, так что должна была быть причина, по которой она не сделала этого с ребенком.

— Я пригрозил, что не буду доводить дело до конца. Мне нужно было время подумать. Я хотел быть тем, кто расскажет это тебе. Но никак не мог найти нужных слов. А затем...

Его глаза блестят в лунном свете. Это слезы. Но не из-за Джиллиан, я это знаю.

— Когда у нее случился выкидыш? — эту часть я не понимаю. Они были помолвлены полгода до свадьбы.

— За два с половиной месяца до свадьбы.

— Тогда зачем ты пошел на это? Ребенок был единственной причиной, по которой ты женился на ней, верно?

Он ждет, когда я пойму. Когда это происходит, это ослепляет.

— Ты застрял.

— Ага, — соглашается он. — Документы уже подписаны. Если бы я не женился на Джиллиан, это аннулировало бы мой трудовой договор с компанией. Если бы я развелся с ней до того, как условия моего контракта были выполнены, это аннулировало бы его. Единственный способ, которым я мог успешно покинуть компанию и твою сестру — это достичь этой волшебной цифры продаж как можно быстрее.

Всплывает воспоминание. Одно, на которое мне нужен ответ.

— Значит, в тот день на кухне у моих родителей ты сказал мне, что был близок. Ты это имел в виду?

Его голос падает.

— Да.

Мои ноги сдвигаются на пару дюймов вперед.

— Тогда что бы ты сделал? — тихо спрашиваю я. Нас ненадолго освещают фары автомобиля, поворачивающего за поворот. Мы оба молчим, пока это продолжается.

— Я мог бы свободно покинуть компанию.

— Смог бы?

Он уже достаточно близко, его рука ложится мне на бедро. Его большой палец начинает кружить вокруг моей бедренной кости, когда он отвечает.

— Да.

— А что с Джилли? — я кладу ладонь на руку, держащую меня.

— Я собирался с ней развестись. Она знала, что это временно. Всегда знала.

— Она любит тебя?

— Да, — констатирует он как ни в чем не бывало.

— Итак, когда мой отец умер...

— У меня уже были оформлены документы на развод. За два дня до его смерти я закрыл эту сделку. Ричард знал, что я ухожу. Джилли тоже.

У меня сейчас кружится голова. Это объясняет ее внезапное изменение поведения. Я жду, когда эмпатия вернется. Но нет.

— А Кэл?

Тело Киллиана напрягается. Он обхватывает меня другой рукой и притягивает к себе, так что мне приходится вытянуть шею.

— А что насчет него? — он кажется злым, точно так же, как Кэл, когда я упоминаю имя Киллиана.

— Он знал, что ты разводишься с Джилли и уходишь из компании?

Пожалуйста, скажи нет.

— Он знал.

Мое сердце замирает и падает на землю у моих ног, истекая кровью. Пустое пространство в моей груди так чертовски болит, что я едва могу дышать. Кэл пытался увести меня от Киллиана до того, как все это взорвется. Будь его воля, я бы никогда не узнала.

Я почти не хочу спрашивать, потому что не могу переварить правду, но мне нужно знать, как далеко заходит каждый обман. В том числе и моего мужа.

— Он знал о ребенке? Что он не твой?

Он поджигает губы. Его пальцы сгибаются на моей пояснице, и он ненадолго проводит взглядом по моему плечу. С каждой проходящей секундой булавки и иглы, на которых я балансирую, все глубже впиваются в мою кожу. Это мучительное ожидание.

Было ли все, что я знала о своем муже, ложью?

Все мое тело наполняется облегчением, когда он отвечает.

— Нет. Никто, кроме меня, Джиллиан и моего отца не знал.

Киллиан сосредотачивает все свое внимание на мне. Его глаза бегают по моему лицу, он смягчается, когда изучает меня так долго, что мое сердце начинает биться быстрее. Заправляя непослушную прядь волос мне за ухо, он нежно обхватывает мою челюсть. Проводит пальцем по моей нижней губе, и его дыхание тоже учащается. Любовь прямо льется из него. Она захватывающая, пронзительная и теплая. Такая же, как и раньше: безоговорочная и незапятнанная событиями, которые ее отравляли.

— Я хочу тебя, Маверик. Я люблю тебя. Всегда любил, и хочу, чтобы мы были вместе. Хочу жениться на тебе, уехать к чертям отсюда и забыть об этих невыносимых годах разлуки.

Он опускает свое лицо к моему, давая мне время, которое нужно, чтобы повернуться, если это не то, чего я хочу.

Я закрываю глаза, позволяя ему прикоснуться губами к моим и поцеловать меня впервые почти за четыре года. Когда я наклоняюсь к нему вместо того, чтобы отстраниться, он издает нечестивый стон и обхватывает другой рукой мою щеку.

Затем целует меня с той же страстью и лихорадкой, которую я помню. Он берет меня на руки и несет обратно к машине, кладет на капот. Он вклинивается между моих ног и атакует мои губы, лицо, горло. Терзает мою ключицу любовными укусами, в то время как проводит руками по моему телу и обхватывает грудь через тонкую майку, ругаясь, когда находит мои соски, торчащие из лифчика без подкладок. Я ногами обвиваю его талию, и он прижимается своей эрекцией к моему центру. Бормочет мое имя так много раз, что я сбиваюсь со счета. Я потеряна для всего, кроме него и этого знакомого чувства, которое он раскапывает во мне.

Но потом он останавливается. Прислоняется своим лбом к моему, и мне сразу же вспоминается Кэл. То, как он это делает, когда эмоции переполняют его. То, как сильно *он* меня любит. То, что я замужем и на грани совершения самого непростительного из возможных грехов.

Киллиан отстраняется, суровые черты его лица выражают боль. Он проводит пальцами по моим волосам и нежно целует меня в губы.

— Я знаю, что с моей стороны неправильно спрашивать тебя об этом. Я знаю, что это причинит Кэлу боль, и мне искренне жаль, но, наверное, недостаточно. Остайся со мной, Маверик. Разведись с ним и будь моей. Я не хочу одну грязную ночь. Не хочу быть грязным секретом. Я хочу навсегда. С тобой. — Когда я не отвечаю сразу, он быстро добавляет с полуулыбкой. — Я не прочь поумолять, Мелкая.

То, как он обожает меня, заставляет пролиться мои слезы. Он хочет меня. Никогда не переставал любить меня. Он хочет жениться на мне и осуществить все мои мечты.

Конфликт внутри меня бурный и чертовски настоящий. В любом случае, какое бы решение я ни приняла, кто-то в конечном итоге пострадает. Он начинает расплываться под набегающей влагой. Все, что, как я думала, мне хотелось, смотрит мне прямо в глаза. Это ощутимо. Я могу протянуть руку и схватить его.

Все, что мне нужно сделать, это сказать да.

— Пожалуйста, — хрипло умоляет он. — Пожалуйста, Маверик. Я не хочу больше жить без тебя.

Его рот снова находит мой, и я чувствую этот поцелуй всем существом. Обнимаю его за шею, наклоняя голову, чтобы углубить нашу связь. Ту, по которой я так скучала.

Все, что мне нужно сделать, это сказать да.

Глава 29

4 недели и 5 дней назад

Маверик

Интроспекция — это тяжело. Никто не хочет признавать свои недостатки, истинные чувства. Правильное против неправильного. Гораздо проще большую часть времени держать эти мысли в состоянии покоя и безопасности там, где они лежат. Особенно когда кто-то, кого ты любишь, в конце концов получает травму.

Но *настоящий* самоанализ, а не просто беглый поверхностный взгляд, не только труден, но и мучителен. Погружение в темноту и прохождение через грязь, через хорошее, плохое, неприятное требует большой силы духа. Переворачивать эти покрытые мхом камни, даже те, которые вы не хотите переворачивать — изнурительная и тяжелая работа.

Потому что, что мы находим, когда копаем так глубоко?

Ответы, конечно.

Ответы на вопросы, которые мы задавали все это время.

И как только мы их найдем, то должны что-то с ними сделать, иначе в чем смысл всего этого мучительного упражнения с самого начала?

Я провожу последние две недели, копаясь и просеивая грязь, вспоминая каждую мелочь своей жизни с двумя невероятными мужчинами, которых я всегда любила, просто по-разному.

И Кэл, и Киллиан совершали ошибки. У них были от меня секреты, которых не должно быть. Но я прощаю их, потому что они оба многим пожертвовали. Киллиан пожертвовал мной, да, но Кэл пожертвовал всем, включая свою гордость, чтобы быть со мной, когда он знал, что я все еще люблю его брата. И эту жертву тоже нельзя упускать из виду. Как и ту, которую он делает четыре ночи назад.

Я вспоминаю разговор, который состоялся у нас с Кэлом несколько дней назад в два часа ночи. Это было тяжело и душераздирающе, и он сделал нечто совершенно неожиданное. Совершенно бескорыстно, как обычно. Он дает мне выход.

— *Как долго ты знал?*

— *Знал, что?* — *уклоняется он.*

Я вздыхаю, устав от гребаных игр. От лжи, секретов и пребывания в неведении. Обходя кусты с шипами, от которых у меня постоянно идет кровь.

— *Что Киллиан разводится с Джиллиан.*

Тишина разъедает меня изнутри. Я хочу, чтобы он сказал мне, что не знал. Что не стал бы держать что-то подобное в секрете, но часть меня также не может его винить. Он знает, что чувствует Киллиан, и сказать мне, что он собирался освободиться от бремени, которым является моя сестра, было бы все равно, что преподнести меня на блюдечке с голубой каемочкой своему конкуренту. Неохотно, но я должна признать, что, скорее всего, сделала бы то же самое, будь на его месте.

— *Он сказал мне об этом в тот день, когда оформлял бумаги. То есть за два дня до*

смерти твоего отца.

— Ты сделал это?

Он издает смешок.

— Нет. Он даже не спросил.

Это заставляет меня чувствовать себя немного лучше. Наверное. А может и нет.

— Маверик... — начинает он, но затем останавливается. Теперь тишина давит на нас обоих. Она густая, горячая и удушающая. Я испытываю то же самое предчувствие, что и в Сент-Поле все эти месяцы назад. И теперь это тоже имеет смысл. — Хочу, чтобы ты знала, что я сделаю для тебя все, что угодно. Никогда не полюблю другую женщину, кроме тебя, Лебедь, но, если... — он ругается себе под нос, и это покалывание в моем животе ощущается как узлы, скручивающие меня. Когда он снова заговаривает, его голос едва слышен, как шепот. — Я знаю, что ты любишь его. Знаю, что ты никогда не переставала любить. И если он — тот, кто делает тебя счастливой, если он — тот, кого ты хочешь, тогда я пойму.

Мои глаза горят. А сердце только что уходит под откос на тысячу футов вниз.

— Ты... — О, Боже мой. — Ты говоришь мне остаться с Киллианом? — недоверчиво спрашиваю я.

Его стон наполнен такой болью, что я чувствую это даже через сотни миль, которые разделяют нас.

— Черт возьми, нет. Я не говорю тебе быть с ним, потому что мысль об этом разрывает меня на куски. Я говорю тебе, что если это то, чего ты хочешь, Маверик, то я приму это. Это уничтожит меня, но...

— Ты просто хочешь, чтобы я была счастлива, — заканчиваю я за него, когда он замолкает.

— Да, — задыхается он.

— Несмотря ни на что?

— Несмотря ни на что, Лебедь. — Я тихо рыдаю, когда он продолжает. — Следуй за своим сердцем, и если это приведет тебя ко мне, знай, что я проведу каждый свой день, душа тебя любовью, но если это приведет к Киллиану... — он делает паузу, чтобы сделать глубокий вдох. — Если это приведет к нему, то я знаю, что он сделает то же самое.

Следуй за своим сердцем.

Пальцы скользят по потрепанной коробке в моих руках. Той, которую я прячу вместе с воспоминаниями о прошлом и пульсом, который, клянусь, никогда не переставал биться. Я провожу пальцем по сердечку, которое нарисовала сверху. Я обрисовываю буквы "М" и "К" в центре.

Откинув голову назад, я закрываю глаза, позволяя солнечному теплу проникать в меня. Это приятное ощущение. Укрепляющее меня в том, что должно быть сделано. Я делаю долгий вдох и так же медленно выдыхаю, оттягивая неизбежное.

Я обыскиваю свою душу, пока она не становится пустой.

У меня есть ответы.

Теперь я должна что-то с ними сделать.

Сегодня будет одновременно и самый тяжелый день в моей жизни, и самый счастливый. Я должна сказать одному мужчине «прощай», сокрушив его, в то время как другого сделаю самым счастливым человеком на земле, когда он узнает, что станет моим навсегда.

Это правда, что с каждым вдохом, который я делала последние двадцать шесть лет, ощущала вкус Киллиана Шепарда. Но с каждым ударом моего сердца я чувствовала, как синхронизируюсь с Кэлом.

Открывая глаза, я вижу такой яркий свет, что мне приходится прищуриться, позволяя своему взгляду скользить по воде, которая искрится в солнечных лучах. Я не была здесь уже несколько лет, но кажется, что вернулась домой, даже если все по-другому.

Мои лебеди давно исчезли, и, если не считать нескольких лягушек, квакающих на листьях кувшинок по ту сторону озера, пруд кажется безжизненным. Но я знаю, что это не так. Я знаю, что под поверхностью он кишит жизненной силой. Жизнь продолжается, даже если она меняется. И хотя я знаю, что собираюсь изменить жизнь мужчины, которого всегда буду любить, я искренне верю, что его жизнь будет двигаться дальше, и он позволит себе измениться вместе с ней. У него достаточно сил и стойкости, чтобы сделать это.

Киллиан дал мне время, так же, как и Кэл. Пришло время сделать выбор между двумя невероятными мужчинами, которые оба сделали меня счастливой — это не то решение, которое нужно принимать на капоте автомобиля глубокой ночью, но, когда я смотрю вдаль, мое сердце бьется быстрее. Оно с самого начала знало ответ. Его присутствие всегда окружало меня, даже когда я не думала, что это так.

Я встаю, вытираю грязь, прилипшую к шортам, и неторопливо иду обратно через лес. Иду прямо к своей машине и сажусь в нее, минуя поездку домой, чтобы обменяться любезностями с мамой или Джиллиан.

Как только я по-настоящему подумала об этом, то легко простила Кэла и Киллиана. Они защищали семью. Моя семья должна была сделать то же самое, особенно Джиллиан. Со временем я прощу и их. Но эти часы все еще тикают быстро и громко, и мне нужно подождать, пока они будут медленными и тихими, прежде чем я буду готова. Несмотря на все это, они — семья. Единственная, которая у меня есть. В какой-то момент мы поговорим и все уладим, но этот день не сегодня.

С исключительной сосредоточенностью я еду по городу, беспокоясь останавливаясь на всех красных сигналах светофора. Наконец въезжаю на подъездную дорожку к дому Киллиана. Глушу двигатель и сижу несколько мгновений, собираясь с мыслями. Как будто синхронно, в ту секунду, когда я открываю дверцу своей машины, его передняя дверь тоже открывается, открывая стоящего Киллиана во всей своей мужественной красе.

Он так красив, что на него больно смотреть. Клетчатые шорты облегают его стройные бедра. Голубая футболка обхватывает его широкие плечи. Она идеально облегает его рельефный торс. Он настоящий мужчина, в этом нет никаких сомнений.

— Ты здесь. — Улыбка на его лице зажигает ярче, чем Северное сияние.

— Я здесь.

Сердце колотится о мои ребра, я медленно иду по тротуару, поднимаюсь по лестнице и легко соскальзываю в его объятия, как делала много раз раньше.

Глава 30

4 недели и 4 дня назад

Кэл

Я делаю ставку и проигрываю.

Я храню непростительную тайну от Маверик и теряю ее навсегда.

Я знал, что делаю, когда просил ее выйти за меня замуж. Знал, что она все еще любит моего брата. Знал, что Киллиан и Джиллиан в конце концов разведутся. И если это случится,

он придет за ней. Я просто думал... *Черт*. Думал, что если бы я любил ее достаточно сильно, это не имело бы значения. Что она выберет меня. Полюбит меня. *Захочет* меня, когда придет время принять решение. Потому что я всегда знал, что этот день настанет. Киллиан ни за что не отпустил бы ее без боя, который закончился бы тем, что один из нас оказался по другую сторону отчаяния.

Встречайте. Это я.

Жить без нее — сущий, полный гребаный ад. Как будто жизненно важная часть меня вырезана, и дыра зияет, горе сочится из раны, которая никогда не закроется. Я протягиваю руку во сне, а ее там нет. Мои руки кажутся холодными и пустыми, а жизнь бессмысленной. Я просыпаюсь утром и едва могу заставить себя встать с постели и отправиться на свою новую работу. Я не могу есть. Не могу думать. Не могу функционировать.

Я ничего не могу делать.

Я каждый день корю себя за слова, которые выдал из себя. Но если бы я не... если бы умолял ее вернуться ко мне вместо того, чтобы освободить, я бы никогда не узнал, сделала ли она это из чувства долга перед нашими клятвами, или потому, что действительно любила достаточно, чтобы *выбрать* меня. По той же причине я не обхватил ее за лодыжки и не цеплялся изо всех сил, когда она впервые выбрала Киллиана.

Я хочу, чтобы она хотела меня *таким, какой я есть*. Точка.

Полагаю, в этом нет ничего плохого. Но теперь... *теперь* я задаюсь вопросом, не следовало ли мне вместо этого пойти умолять. У меня может быть только половина ее, но половина лучше, чем вообще ничего.

Я ерзаю на своей гостиничной кровати, пытаюсь устроиться поудобнее.

Невозможно.

Каждое движение посылает осколки агонии, пронзающие меня. Не хватает обезболивающих, которые могли бы притупить боль от осознания того, что она с моим братом.

Не в силах смириться с реальностью, которая стала моей жизнью, я убегаю внутрь себя, погружаясь в особенно непристойные воспоминания о наших выходных в Миннесоте, когда мы были счастливы...

— *Что именно ты планируешь с ними делать?* — спрашивает она, кивая на пачку поп-рок в моей руке, ее смех хриплый и завораживающий.

— *Я же сказал тебе, Лебедь, мы собираемся устроить наш собственный взрыв.*

Я забираюсь на кровать, восхищаясь совершенством ее сочных обнаженных изгибов, раскинувшихся для меня. Господи, она такая неземная. Большую часть дней я не могу поверить, что она у меня есть. Каждую ночь молюсь, чтобы мне удалось удержать ее.

Надеюсь, она простит меня за то, что я скрыл это от нее, но мы должны выбраться из Дасти Фаллс, если когда-нибудь собираемся выжить как пара. Моя единственная надежда, что, когда придет время, она увидит, что я делаю это из лучших побуждений, а не из хитрости.

— *Эй,* — ее голос возвращает меня назад.

— *Эй, что?*

— *Мне просто интересно, собираешься ли ты на самом деле воспользоваться мной или будешь смотреть в пространство всю ночь? Я имею в виду, ранее ты обещал не отставать от моих книжных бойфрендов.*

Божже, как я люблю эту женщину.

Я ухмыляюсь, прижимаясь ртом к внутренней стороне ее бедра. Она визжит, когда я кусаю слишком сильно.

— Определенно воспользуюсь этим преимуществом. Хотя, если все так просто, я не совсем уверен, что пользуюсь тобой.

Я смеюсь, когда она хлопает меня по плечу, притворяясь злой.

— Со мной нелегко.

— Не волнуйся, Лебедь, ты мне нравишься любой. — Я широко раздвигаю ее ноги, постанывая, когда провожу пальцем по ее мокрой дырочке. — Но особенно я люблю тебя такой, — говорю я, вдыхая ее запах, как будто это моя жизненная сила.

— Какой? — она извивается, когда я засовываю в нее один палец, проверяя, насколько она готова для меня. Так чертовски туго. Мой член пульсирует от потребности ощутить ее влажный жар на себе.

— Нуждающейся. Когда твое тело извивается, — отвечаю я. Разрывая зубами пакет с поп-рокс, я высыпаю горсть на язык, крошечные голубые кристаллики уже начинают потрескивать. Я вижу, как она наблюдает за мной, гадая, что я собираюсь делать дальше. Но думаю, она уже знает.

Опускаясь обратно вниз, я приоткрываю ее половые губы пальцами и провожу языком слева от ее чувствительного клитора. Конфеты потрескивают и таят еще быстрее. Она хнычет и извивается от этого ощущения, но я обнимаю ее за бедра и удерживаю неподвижно.

— Скажи мне, каково это, — требую я, отправляя в рот еще больше, чтобы атаковать ее с другой стороны.

— Не знаю... Странно, я думаю. — Она ахает, когда я снова вхожу, и стонет. — Кэл, пожалуйста.

На этот раз ввожу в нее два пальца, и она вскрикивает, пока я трахаю ее таким образом, одержимый стремлением добиться быстрого оргазма. Мавс так чертовски отзывчива, что уже сжимается вокруг них.

— Пожалуйста, что? — теперь, когда все конфеты закончились, я посасываю ее клитор между зубами, прежде чем слегка сжать его.

Она хватает меня за волосы и дергает вверх, когда садится и оказывается нос к носу со мной.

— Пожалуйста, все.

Это ударяет меня в самый центр груди. Я люблю ее так сильно, что мне больно. Не теряя своего ритма, я потираю маленькую горошину, которая подчиняет ее моей воле. В считанные мгновения она разбивается вдребезги, и, прежде чем у нее появляется шанс спуститься с небес блаженства, я поднимаю ее и насаживаю на свой напряженный член, заявляя, пока трахаю ее до беспамятства.

— Я дам тебе все, что ты захочешь, Мавс. Просто попроси. Все, что тебе нужно сделать, это попросить.

Я резко просыпаюсь, пытаюсь замедлить биение своего сердца. Хочу погрузиться в другое воспоминание о ней, в место, которое не хочу покидать, в место, в котором я теперь хочу жить постоянно, но что-то будит меня.

Я моргаю в темноте, прислушиваясь к неуместным звукам, когда слышу это.

Медленное, ровное дыхание справа от меня.

И тогда я это чувствую. Дыхание в мою руку.

Этого не может быть.

Несколько секунд я лежу неподвижно и гадаю, то ли у меня разыгралось воображение, то ли она действительно здесь, рядом со мной. Я почти хочу отключиться, чтобы продолжать чувствовать истинность момента, но мне нужно знать. Всё это мне кажется, или есть шанс, что она настоящая?

Собравшись с духом, которого у меня нет, я умудряюсь повернуть голову на подушке, молясь все это время.

Именно тогда я начинаю плакать, как гребаный ребенок.

Маверик сворачивается калачиком рядом со мной и крепко спит. Ее руки спрятаны под лицом. Веки слегка подрагивают от сновидений. Она выглядит умиротворенной, счастливой и такой чертовски великолепной, что я теряю самообладание и рыдаю еще сильнее.

Что это значит? Вернулась ли она ко мне? Или пришла, чтобы официально попросить у меня развода?

Чертов ад.

На данный момент я не хочу этого знать. Не смогу переварить этот ответ.

Я сажусь, просто чтобы рассмотреть ее, но либо движение, либо мое прерывистое дыхание будит ее. Затем ее темные глаза моргают и открываются. В ту секунду, когда туман сна рассеивается, она встает и оказывается в моих объятиях. Цепляется за мою шею. Рыдает мне в щеку. Перекрывая мне подачу воздуха.

И тогда я понимаю.

Она вернулась ко мне.

— Мне очень жаль, — повторяю я ей снова и снова.

— Мне тоже, — отвечает она на каждое мое извинение.

— Боже, я люблю тебя, Маверик. Скажи мне, что ты остаешься. — Я кажусь нуждающимся и жалким. Прямо сейчас я — сплошное месиво необузданных эмоций. Мое тело дрожит, но душа наконец-то обретает покой. Это странно, ощущать это сочетание одновременно.

— Я остаюсь. Я остаюсь, — продолжает повторять она, пока наша дрожь не утихает.

Не хочу выпускать Маверик из своих объятий, но мне нужно видеть ее лицо, когда я спрошу ее об этом, поэтому откидываюсь на спинку кровати и сажаю ее к себе на колени.

— Почему?

Господи, я должен знать, почему она предпочла меня мужчине, которого любила всю свою жизнь. Тому, к которому я практически толкнул ее в объятия прошлой ночью. Да, я хотел, чтобы она выбрала меня, но сейчас я в полном шоке от того, что она это сделала.

Ее лицо такое же заплаканное, как и мое, но эта улыбка. Черт возьми. Эта захватывающая дух улыбка, которую она мне дарит, каждый раз погружает меня в ступор.

— Я знаю, ты хочешь, чтобы я сказала что-то глубокое и романтическое...

Я прерываю ее.

— Мне не нужна лирика или романтика, Лебедь. Мне просто нужно знать, что ты моя. Навсегда. Только мы вдвоем, и больше никого.

— Так и есть. Я выбираю тебя. — Она останавливается, чтобы вдохнуть, и я знаю, что мне не понравится то, что она скажет, но еще знаю, что выслушаю. Я многим ей обязан. Мои подозрения подтверждаются, когда ее взгляд быстро опускается на мои колени. Когда они

снова поднимаются, мои пальцы обвиваются вокруг ее бедер, напоминая ей, что она только что взяла на себя обязательство быть моей. Или, может быть, это для того, чтобы напомнить это мне, потому что я знаю, что следующие слова из ее уст причинят боль.

— Я люблю Киллиана. Не собираюсь этого отрицать. — *Черт, это по-прежнему больно.* — Но я поняла, что только любви самой по себе недостаточно. — Тепло ее рук, покрывающих мое лицо — чистое блаженство, и оно так чертовски необходимо прямо сейчас, иначе я могу рассыпаться. — И в прошлом году я также поняла, что есть разные виды любви. Есть мечтательный тип, о котором ты всегда думал, что хочешь, а есть устойчивый, которого ты никогда не понимал, но в ту секунду, когда ты позволяешь себе чувствовать... это совсем не то, что ты мог себе представить в своих самых смелых мечтах.

Маверик наклоняется и прижимается своими губами к моим. Я хочу опустошить ее. Повалить ее на спину и заниматься с ней любовью, пока нас обоих не захлестнет волна эмоций, которые мы не можем сдержать внутри. Но сейчас ее время. Я хочу, чтобы оно было у нее. Ей нужно сказать еще кое-что. Я чувствую это, и мне нужны все эти слова.

— Я люблю тебя, Кэл. Меня просто нет без тебя. И никогда не было, — шепчет она в мой рот. — Я поняла, что единственный человек, который всегда, безоговорочно был рядом со мной — это ты. И мысль о том, что у меня этого не будет, и что ты не будешь рядом со мной каждый день — убила что-то внутри меня.

Это происходит на самом деле? Действительно ли я держусь за нее, слушая эти исповедальные слова, которые я всегда хотел, чтобы она сказала, но никогда не думал, что она это сделает?

— Ты выбираешь меня?

Она улыбается. Ярко и возбуждающе.

— Когда я подумала об этом, на самом деле у меня не было выбора.

Теплые губы скользят по моей щеке, и, черт возьми, я не могу не качнуть слегка тазом, когда ее сердцевина идеально прижимается ко мне.

— Я хочу сумасшедшего мужчину, который согреет меня песнями о любви и который будет смотреть «К северу через северо-запад» со мной сто раз, хотя я знаю, что он ненавидит это.

Теперь она переходит к моей челюсти, слегка покусывая. Она должна чувствовать, насколько я тверд под ней.

— Я хочу делать крепости из подушек, пока мы не станем слишком старыми и дряхлыми, чтобы подняться с пола. Я хочу найти новую закусочную, куда можно будет ходить по утрам в субботу. Я хочу заниматься сексом в придорожных туалетах и говорить ни о чем и обо всем с мужчиной, без которого, я знаю, не смогу прожить и дня, потому что никогда не была без него до недавнего времени. И я была несчастна, Кэл.

Я стону, когда она отстраняется, но я так загипнотизирован любовью, сияющей, как звезды в ее глазах, что не могу пошевелиться. Или дышать. Я едва могу даже думать, когда она проводит пальцем по моей щеке. До этого момента даже не понимал, что она снова мокрая.

— Я думала, что любовь Киллиана повлияла на меня, но твоя любовь изменила меня навсегда. Мне так жаль, что потребовалось так много времени, чтобы понять это.

О черт... Это было довольно глубоко и романтично.

Я больше не могу выносить расстояние между нами. Обхватываю ее руками и цепляюсь за нее изо всех сил, черт возьми. И она тоже.

Моя Маверик.

Мой Лебедь.

Моя жена.

Мы с Мавс были в разлуке ровно шестнадцать дней, двенадцать часов и семь минут. Я знаю это, потому что не мог перестать считать этих ублюдков, когда моя жизнь казалась размытой без нее. Затем, ровно шестнадцать дней, двенадцать часов и восемь минут спустя, она возвращается в мои объятия.

Последние два дня я говорил на работе, что заболел, чего никогда раньше не делал. Мы не выходим из гостиничного номера. Спим дни напролет и разговариваем ночи напролет, пока у нас не начинает болеть горло. Она рассказывает мне все. Кое-что из этого шокировало. Кое-что нет.

Тот факт, что Киллиан попросил ее бросить меня ради него? Не шокирует.

Тот факт, что она выбирает меня? Откровенно говоря... Я все еще пытаюсь осознать это.

Тот факт, что она поцеловала его в Харбор-парке? Обидно, но не шокирующе. Думаю, в каком-то смысле ей нужно, чтобы «Конец» был написан, и она смогла бы навсегда закрыть эту книгу.

Но откровение о том, что Арни Шепард является отцом ребенка Джиллиан? Как будто электрошокер со всей силы ударяет меня по заднице. Я не предвидел, что это произойдет. Должен отдать должное Киллиану, он жертвует многим, нет, он пожертвовал *всем*, чтобы спасти человека, который этого не заслуживал. Но я понимаю, почему он это сделал.

Честно говоря, мне хотелось бы думать, что если бы я был на его месте, то принял бы то же решение, ту же жертву. Но я не уверен, что сделал бы это. Он самоотверженно отказался от Маверик. Хотя должен был знать, что рискует потерять ее навсегда, но все равно сделал это. И я знаю, каково это, знать, что она не твоя. За эти годы мы слишком много раз оказывались на месте друг друга, чтобы сосчитать, поэтому, несмотря на то, что он пытался увести ее у меня из-под носа, я всегда буду испытывать к нему определенное уважение.

Маверик вздыхает, прижимаясь ко мне и бормоча что-то во сне. Она устала после того, как я провел последние три часа, насыщаясь ею. Ее колено задевает мой член, и он тут же начинает приподниматься. Я хочу разбудить ее и пройти еще пару раундов, моя потребность в ней безумна после столь долгой разлуки.

Но мне самому нужно немного отдохнуть. Завтра у нас будет насыщенный день. Я беру отпуск до конца недели. Не круто, всего через пару недель на работе, но Гейлен настоял, очень настойчиво, чтобы я был со своей женой до конца недели и перестал притворяться, что у меня гребаный грипп.

У меня складываются довольно дружеские отношения с моим новым боссом, который уже несколько месяцев уговаривал меня уйти из компании отца Маверик. Мы подружились после встречи в баре на конференции два года назад. В конце концов я рассказал ему о своей ситуации с Маверик и Киллианом. Он был тем, кто заставил меня понять, что отъезд из Дасти Фаллс является моим единственным вариантом спасти свой брак. В противном случае, не уверен, что стал бы рассматривать это предложение, зная, как это расстроит Маверик. В городе нашего детства много хороших воспоминаний, но плохие начинали затмевать их. Я пришёл к пониманию, что он прав.

Когда стало ясно, что Киллиан не собирался отпускать ее после развода с Джиллиан, я

должен был вытащить нас оттуда. Это единственный эгоистичный поступок, который я совершаю в своей жизни, но сделал бы это снова и снова. Это не для того, чтобы хранить секреты от Мавс, а, чтобы сохранить *ее*. Я бесконечно рад, что она простила меня за то, что я не доверился ей. Могу лишь сказать, что я был мужчиной, ослепленным, буквально ослепленным, любовью к женщине. Она повлияла на мое зрение всеми мыслимыми и немыслимыми способами.

Так что завтра мы отправляемся на поиски дома и начинаем планировать нашу новую жизнь в Миннесоте. Вместе. И никто и ничто больше не отнимет ее у меня.

Глава 31

Настоящее

Маверик

Я падаю.

Здесь так темно, что я ничего не вижу, когда падаю мимо ничего и всего.

Я падаю...

...и падаю...

... и продолжаю падать, зная, что в любую секунду достигну дна.

Но я этого не делаю. Просто продолжаю падать.

Я заблудилась. Такая потерянная.

Такая одинокая и такая потерянная.

Почему я так одинока?

Я слышу свое имя. «Маверик». Не знаю, откуда это. Но слышу это снова. Так срочно, требовательно. «Маверик». Открываю глаза шире. Пытаюсь понять, кто мне звонит, но это бесполезно, поэтому я снова закрываю их и просто жду, когда наступит конец.

Потом меня начинает трясти. Жжение вспыхивает в моей щеке, медленно вытаскивая меня из того ужаса, в который, как я думаю, превращается моя жизнь.

— Маверик!

Я моргаю, открываю глаза и понимаю, что все это мне приснилось. Это казалось таким реальным. *Казалось* таким реальным. Черты лица в двенадцати дюймах от меня постепенно становятся четкими, и я вижу милое лицо единственного человека, которого хочу видеть.

— Мэри-Лу, — всхлипываю я, вспоминая, где я и почему сижу в темной часовне. — Ты здесь. — Я вскакиваю и обнимаю ее. — Ты здесь, ты здесь, — продолжаю повторять я.

— Я здесь, — повторяет она в ответ. Затем отстраняет меня. Это требует больших усилий, потому что я держусь за нее так, как не держалась ни за что раньше. Крепко схватив меня за руки, она оказывается прямо перед моим лицом. Удостоверяется, что я внимательно слушаю.

— Он жив, Маверик. Он выкарабкался после операции.

Мгновенные рыдания сотрясают меня.

— Он жив?

— Он жив!

— Он жив, — повторяю я. Отрицание и восторг яростно сражаются.

Неужели мой разум играет со мной злые шутки? Неужели я все еще сплю?

— Да. Он выздоравливает, и его переводят в отделение интенсивной терапии. Они сказали, что следующие пару дней будут критическими, но пули чудесным образом не заделали его жизненно важные органы. Он жив. Он выкарабкается. Я это знаю.

— Он жив, — бормочу я. Затем мое тело реагирует. Я встаю с этой скамьи. Смутно

понимаю, что старуха ушла, но мне все равно. Я толкаю двери часовни и бегу по коридорам. Заставляю лифт подниматься быстрее, все время напевая себе под нос...

— Он жив.

— Он жив.

— Он жив.

Я кладу руку в защитном жесте на свой живот и шепчу крошечной жизни, растущей внутри меня. Той, о которой я только сегодня утром узнала. Я шепчу.

— Папа жив.

Глава 32

Настоящее

Кэл

Каждая чертова часть меня болит. Горит в этом ублюдочном в огне.

Моя голова.

Моя кожа.

Кончики моих пальцев и тыльная сторона моих коленей.

Мое гребанное сердце чувствует себя так, словно оно работает сверхурочно, чтобы я протянул минуту другую.

Похоже, что мои веки сделаны из наждачной бумаги. И я не могу получить никакого облегчения.

— Кэл, — тихо зовет знакомый голос.

Боже, этот голос.

Этот навязчиво красивый гребаный голос.

Моя кожа горит там, где чья-то рука теперь лежит на моем плече, нежно поглаживая. Это ее прикосновение. Я бы узнал его где угодно.

— Кэл, пожалуйста, открой глаза, — уговаривает она.

Нет. Не могу этого сделать. Я не открою глаза и не буду смотреть, как она исчезает, как это было много раз до этого.

Далекий, непрекращающийся звуковой сигнал пытается снять еще один слой моей фантазии, снова погружая меня в ужасающую реальность. Ту, в которой нет Маверик. Я цепляюсь за свой выдуманный мир еще немного. Раздается шорох, а затем тепло разливается по моим венам, заставляя меня онеметь изнутри.

Да. Я хочу остаться здесь, с ней.

— Кэл, пожалуйста. — Ее голос срывается, как будто она все еще здесь. Как будто ей все еще не все равно. — Мне нужно знать, что ты настоящий, живой и с нами.

— Маверик, — стону я.

— Да. — Похоже, она взволнована. Эта маленькая рука теперь обхватывает мою собственную и сжимает. Контакт кожа-к-коже. Я вздыхаю в абсолютном гребаном раю. — Я здесь. Пожалуйста, открой глаза.

— Ты не настоящая, — говорю я ей, мои глаза все еще блаженно закрыты.

Затем я чувствую ее дыхание на своем лице за секунду до того, как ее губы касаются моих. Они двигаются осторожно и медленно. Едва касаясь меня, но они такие мягкие и податливые и кажутся такими чертовски реальными, что я подавляю рыдание.

И открываю глаза.

Неподвластные времени изумрудные глаза смотрят на меня в ответ. Они распахнутые и напуганные. Я пытаюсь сморгнуть, но ее красное, покрытое пятнами лицо не исчезает. Я

пытаюсь поднять руку, нуждаясь в том, чтобы прикоснуться к ней, стереть несчастье, которое, как я вижу, стекает по ней. Господи, мне нужно убедиться, что она — не плод моего воображения, но моя рука тяжелая и не слушается.

— Ты здесь, — выдыхаю я.

Ее губы приподнимаются, но это мимолетно.

— Я здесь. Я здесь. Как ты себя чувствуешь?

Как я себя чувствую? Как, черт возьми, я себя чувствую? В приподнятом настроении.

Моя жена здесь.

Звуковой сигнал становится громче. Антисептик внезапно проникает мне в ноздри. Холод воздуха начинает проникать в мою кожу. Я не хочу отводить взгляд от ее прекрасного лица. В ту же секунду, как это сделаю, я просто знаю, что она уйдет. И это дурное предчувствие обрушивается на меня, как буйная волна, которую я не могу остановить.

Она липкая и покалывает кожу. Это *страх*. Я узнаю его ледяные когти прямо перед тем, как они погрузятся глубоко. Только на этот раз это не потому, что я потерял Маверик. Она осталась. Теперь я это помню. Она вернулась ко мне. Это из-за стрельбы и пронзительных криков ужаса, которые все еще звучат у меня в ушах.

Твою мать.

В меня стреляли.

Застрелен на моем рабочем месте человеком, которого мы только что уволили тремя часами ранее за сексуальные домогательства к другому сотруднику. Я проработал в Брэм Констракшн всего месяц, когда разразился настоящий гребаный ад.

Не знаю, сколько раз мое тело накачивали горячим свинцом, но уверен, что это было не один раз. Агония, которую я испытал перед тем, как упасть в обморок, была невыносимой. Но печаль от осознания того, что я больше никогда не увижу Маверик, была еще невыносимее.

Но я все же жив. Не знаю, сколько еще людей разделяют мое состояние. Но обнаруживаю, что не могу сейчас думать об этом. Глядя на мою великолепную жену, я наслаждаюсь только тем, что нахожусь здесь. Маверик рядом со мной, и Бог сохранил мне жизнь, чтобы я мог снова увидеть ее. Он ответил на мои молитвы, когда я позволил боли поглотить меня, думая, что испускаю свой последний вздох.

Я начинаю рыдать, отчего Маверик плачет еще сильнее.

— Все в порядке, Кэл. — Она слегка кладет голову мне на плечо, стараясь не толкнуть меня. Боль сидит там, скользит под моей кожей, просто ожидая, когда действие морфия пройдет. Но я игнорирую это, сосредоточив все свое внимание и усилия на моей рыдающей жене.

— Я жив.

Ее тело сотрясается, когда она повторяет.

— Ты жив. Ты жив.

*Я, бл*дь, жив.*

Моя жена рядом со мной... и я жив.

Это последняя мысль у меня в голове, когда я позволяю тому, что они впрыснули в мои вены, снова затянуть меня под воду.

Эпилог

1 год и 3 месяца спустя

Кэл

Оно вернулось.

Это ужасное, паническое чувство, которое скручивает мои внутренности в узлы. Пустота окутывает меня, и я чувствую себя беспомощным, чтобы остановить ее. Я парю на пороге чего-то большего, когда смутно осознаю, что кровать прогибается. Простыни, скользят по моим бедрам. Пальцы, продвигающиеся наверх. Когда эта крошечная ручка обводит мою стальную эрекцию, а эти сладкие губы обхватывают кончик и посасывают, я распахиваю глаза и ловлю самые завораживающие бассейны цвета морской волны, которые только существуют. Они светятся безусловной любовью, остекленевшие от безошибочной похоти.

Тогда я понимаю, что мне все это приснилось. Опять. Мой вечный кошмар с участием тех невыносимых нескольких недель, когда я думал, что моя жизнь кончена. Как в прямом, так и в переносном смысле.

— Доброе утро, — шепчет она, водя языком по кончику моего члена, прежде чем снова принять меня.

— О, черт возьми, да. — Я обхватываю ее голову ладонью, а другой сжимаю основание своего члена, желая, чтобы мое семя оставалось там еще несколько минут, и я мог насладиться нечестивым удовольствием, которое доставляет ее рот.

Борюсь с естественным инстинктом закрыть глаза и погрузиться в момент, который, я не был уверен, что у меня будет снова.

С тех пор как возвращаюсь почти с того света, я не хочу выпускать ее из виду, даже во сне. Когда сумасшедший стреляет в вас на рабочем месте, это, как правило, оказывает глубокое влияние на вашу жизнь. Но я осмелюсь сказать, что это несравнимо с мыслью о том, чтобы потерять любовь всей моей жизни из-за кого-то другого.

Откровенно говоря, я бы предпочел умереть, чем если бы это случилось. И знаю, что мне повезло, что я пережил три огнестрельных ранения. Четыре человека не выжили в тот день, когда бывший сотрудник вышел из себя и разрядил более двухсот пятидесяти патронов в офисе Брэм Констракшн, прежде чем покончить с собой.

Всего за несколько дней до нашей годовщины, когда я думал, что у меня есть все, то чуть не потерял это.

Легкое движение на моих яйцах возвращает меня от менее приятных мыслей к ней. И к тому факту, что я взорвусь максимум через пять секунд. Я подхватываю ее за подмышки и тащу вверх по своему телу, пока она не оказывается в нужном положении.

— Оседлай меня, Лебедь.

Она совершенно очаровательна, когда ее заводят.

— А я так хотела, чтобы ты кончил мне в рот. — У нее перехватывает дыхание, когда она подчиняется моей команде, и ее киска поглощает всю мою длину целиком, заставляя мои глаза закатиться.

Милый, милосердный Иисус. Спасибо тебе за нее.

Схватив ее за затылок, я притягиваю ее к своему рту.

— Не в этот раз. Я прожил шесть недель без тебя, обернутой вокруг моего члена, Маверик. Я буду внутри тебя при каждом удобном случае.

О, да, сейчас я ухмыляюсь, как сукин сын, и это не потому, что я безумно счастлив, когда похоронен между уютными стеночками моей жены. Так и есть, но дело не в этом.

Я — отец.

Эйвери Джеймсон Шепард родилась 3 июня.

— Я собираюсь кончить, — объявляет моя жена мне на ухо как раз в тот момент, когда наша маленькая девочка начинает суесться на заднем плане.

Теперь я беру управление на себя, смещаясь, чтобы ударить ее прямо в то место, которое, я знаю, сводит ее с ума.

— Хорошо. Давай кончим вместе.

— О Боже, Кэл. — Ее стоны — моя погибель. Я резко кончаю, надеясь, что она тоже, и молюсь, чтобы не оставить синяков на ее светлой коже там, где сжимаю ее, как тиски.

Пытаясь отдышаться, я перевожу взгляд на наше селфи в рамке, сделанное так давно в ванной Кейси. Мы покрасневшие от секса и ухмыляемся, как дураки. Мавс подняла два больших пальца, и этот блеск в ее глазах я очень хорошо знаю. Насыщенное блаженство. Фотография стоит у меня на прикроватной тумбочке, как постоянное напоминание о том, как сильно я люблю эту сумасшедшую, импульсивную женщину.

— Господи, как я люблю тебя, Лебедь, — тихо говорю я ей, убирая ее теперь влажные волосы со лба.

Она вздыхает. Довольная и счастливая.

— Ты так сильно хочешь снова жениться на мне?

— Да, насчет этого...

Она вскакивает, все еще оседлав мой размягчающийся член, ее рот широко открыт. Смеясь, я хватаю ее за лицо и, подцепив большими пальцами ее подбородок, закрываю его.

— Мне кажется, я говорил тебе, что буду обновлять свои клятвы с тобой каждый божий день до конца своей жизни.

За это я получаю широкую улыбку.

— Да, говорил.

— И что моя жизнь *всегда* будет связана с тобой.

— Это ты тоже говорил. — Я снова начинаю набухать, когда ее бедра возобновляют свое соблазнительное, манящее покачивание, но взгляд на часы показывает, что у нас нет времени на еще один раунд, как бы мне ни хотелось.

Быстро целуя ее, я подталкиваю нас к краю кровати и встаю, сбрасывая ее со своих колен. Я поворачиваю ее и шлепаю по заднице, ведя в сторону ванной. Я знаю Эйвери. У нас меньше четырех минут, прежде чем она разразится полноценным воєм.

— Вставай, Лебедь. Нам нужно принять душ и подготовить Эйвери, чтобы не опоздать.

Маверик пытается вырваться из моих объятий, чтобы забрать нашу дочь, но вместо этого я веду ее в душ.

— Она будет в порядке в течение нескольких минут. Позволь мне вымыть тебя.

Она неохотно сдается, но я заставляю ее наслаждаться нашим коротким временем наедине. В наши дни это становится все труднее, но я не жалею. Когда мы выходим из-под брызг, Эйвери истошно вопит, а мой сотовый начинает звонить. Мы смотрим друг на друга и просто улыбаемся, вне себя от радости, что живем сумасшедшей, полной стрессов жизнью.

— Я успокою Эйвери. Тебе нужно подготовиться, — говорю я ей, чмокая ее в пухлые губы.

— Она, наверное, голодна.

Телефон замолкает, но крик Эйвери теперь становится пронзительным и злым.

— Тогда я потяну время, пока ты сушишь волосы.

— Желаю удачи. — Она смеется. — Я быстро. — Мне грустно смотреть, как она оборачивает полотенце вокруг своих сочных изгибов, которые стали еще более заметными с

рождением Эйвери. Она шлепает меня и говорит, чтобы я уходил. Я бегу за нашей малышкой, безуспешно пытаюсь успокоить ее. Наконец я сдаюсь. По пути к Маверик я замираю в дверях нашей спальни.

Маверик стоит ко мне спиной и тихо разговаривает. Ее голова поворачивается в мою сторону. Мой сотовый прижат к ее уху, и по выражению ее лица я точно знаю, с кем она разговаривает.

— Я ценю это, Киллиан. Уверена, что Кэл тоже.

Она делает паузу, слушая моего брата на другом конце провода. Грустная улыбка трогает ее губы. Как и положено щедрому человеку, Киллиан милостиво принимает решение Маверик. Даже пытается время от времени оставаться на связи. Особенно в особые дни, как сегодня. Но я знаю, что ему это тяжело дается. Как может не быть? У него нет женщины, о которой он мечтал всю свою жизнь. Ведь она у кое-кого другого.

— Спасибо. То, что ты позвонил, очень много значит. — Еще одна пауза. — Да, она голодна. Ты хочешь поговорить с Кэлом? — она смотрит на меня, ожидая его ответа. — Хорошо. Пока, — тихо говорит она.

Удивительно, но она протягивает мне телефон. Мы меняемся местами, и она тихо выходит вместе с Эйвери, которая значительно успокоилась теперь, когда знает, что через несколько секунд будет прижата к груди Маверик.

— Привет, чувак. Как у тебя дела?

— Занят. Затрачивая на это уйму часов. — Голос моего брата звучит натянуто и напряженно. Так всегда бывает, когда мы разговариваем.

— Держу пари. Слышал, что твоя компания выиграла проект О'Хара.

— Да. Настоящий переворот.

Светская беседа просто сводит меня с ума.

— Итак...

— Да, итак, просто хотел сказать тебе, что я думал о тебе и Маверик сегодня и... я рад за вас обоих.

Секунду или две я ничего не говорю. Он больший человек, чем я мог бы когда-либо быть в этой ситуации. Я ни за что на свете не смог бы позвонить со своими поздравлениями.

— Спасибо, Киллиан.

— Ну, что ж...

Да, наши разговоры все еще неловки. Я освобождаю его от этого.

— Эй, мне нужно бежать. Мы опоздаем. Скоро поговорим?

— Конечно. Звучит неплохо.

Я вешаю трубку и медлю всего несколько секунд, прежде чем приступить к делу. Одевание. Пакование вещей. Отрыжка. Пеленание. Я двигаюсь с эффективностью, которой научился за последние пару месяцев, но даже в этом случае нам требуется больше полутора часов, прежде чем мы все трое оказываемся пристегнутыми в машине. Мы опаздываем на десять минут, но у нас все лучше получается жонглировать новорожденным и самими собой.

Полчаса спустя мы подъезжаем к церкви. Эйвери крепко спит в своем автокресле с полным животом и в чистом комбинезоне, после того, как облевала платье, которое Мавс купила на сегодня.

— Должны ли мы это сделать? — спрашиваю я.

— Черт возьми, да.

Она просто сияет.

Боже, я счастливец.

Мы забираем нашу дочь и быстро направляемся внутрь собора Святого Павла. Еще одна вещь, к которой приводит околомертный опыт? Углубляется ваша вера. После стрельбы мне пришлось иметь дело с кучей дерьма. У Мавс было много проблем, связанных не только с потерей отца, но и с тем, что она узнала обо всех наших предательствах и заботилась обо мне в течение нескольких месяцев, пока я медленно выздоравливал.

Прошедший год был одновременно лучшим и, возможно, худшим в моей жизни. Я женился на женщине своей мечты. А потом чуть не потерял ее. Я стоял на краю смерти и был свидетелем чуда жизни. Я переехал, устроился на новую работу и приступил к ней после того, как оправился от травм. Мавс продала свой бизнес Мэри-Лу и теперь работает мамой полный рабочий день в доме, который мы купили вместе.

С этим было много дерьма. Но отец Реддик помог нам пройти через это, и мы сблизилась. И из-за этого он согласился провести специальную церемонию повторного венчания и позволить нам просто свободно высказать все, что на сердце. Он знает все, через что мы прошли. Ну... во всяком случае, большую часть.

— Готовы?

— Мы готовы, — говорю я ему.

Отец Реддик нетерпеливо берет у меня из рук автокресло. Я бросаю на него взгляд. Он только подмигивает и уходит. Я слышу, как он воркует с ней, и просто качаю головой.

Взявшись за руки, мы пробираемся через огромную, пустую церковь. Это так отличается от прошлого раза, когда мы произносили клятвы перед сотнями родственников и друзей. Тот день до сих пор живет в моей памяти. Как у меня от нее перехватывало дыхание.

Когда Маверик шла к алтарю под руку с отцом, я заплакал. Слезы чистой радости и благодарности навернулись мне на глаза, и с тех пор я не могу от них избавиться. Стоял здесь с ней рядом и думал, что я самый счастливый сукин сын в мире. Она — видение, да. Это удивительно, но я женюсь на Маверик ДеСото. Я знаю, что она нервничает и не уверена. Я не гребаный идиот, чтобы понимать, что ее сердце не на сто процентов в этом, что оно все еще разбито из-за Киллиана, но у меня внутри столько любви, что я знаю, этого будет достаточно для нас обоих.

Громкий голос отца Тигса призывает нас повернуться друг к другу и взяться за руки.

— *Кэл Шепард и Маверик ДеСото, пришли ли вы сюда свободно и безоговорочно, чтобы отдать себя друг другу в супруги?*

Я уверен, что да. Мне больно думать, что Мавс не уверена, но мы в унисон отвечаем:

— *Да.*

— *Будете ли вы почитать друг друга как муж и жена до конца своих дней?*

Я буду не только почитать ее. Буду поклоняться ей, почитать ее, следить, чтобы она ни в чем не нуждалась.

— *Будем.*

— *Будете ли вы с любовью принимать детей от Бога и воспитывать их по закону Христа и его Церкви?*

Она колеблется. Немного, но колеблется. Я начинаю отвечать:

— *Будем.*

А она отстает на полсекунды.

— *Поскольку вы намерены вступить в брак, соедините ваши правые руки и заявите о*

своем согласии перед Богом и его Церковью.

Я смотрю на отца Тигса. Он кивает, показывая, что пришло время произнести слова, которые я должен произнести. Я делаю полшага к Мавс, заглядываю ей глубоко в глаза и повторяю банальные католические клятвы, но я хочу сказать гораздо больше. Хочу сказать ей, что нет ничего, чего бы я не сделал, чтобы сделать ее счастливой до конца ее дней. Я хочу сказать ей, что никто не сможет любить ее так сильно, как я. Я хочу, чтобы она поняла, что не совершает ошибки, став моей женой, потому что нет ничего в моей жизни, чем я буду дорожить больше, чем ею.

Она повторяет ту же клятву, но, пока она произносит слова, я знаю, что ее мысли далеко. Я хороню это безнадежное чувство в глубине своего сознания. Теперь она моя, и это все, что имеет значение.

В тот день она, возможно, и дала мне клятву, но сегодня она поклянется мне в своей любви. Сегодня у меня есть все это.

Мы останавливаемся перед алтарем. Отец Реддик немного походил вокруг, прежде чем встать перед нами. Эйвери благополучно устроилась на полу у наших ног и все еще дремлет. К счастью.

Помимо нашего священника, здесь присутствуют четыре человека.

Мавс.

Я.

Эйвери.

И наш нерожденный ребенок.

Вчера мы узнали, что Мавс снова беременна. Мы оба на седьмом небе от счастья. Я знаю, что это быстро после Эйвери, но мы хотим большую семью, и нет причин ждать. Во всяком случае, жизнь научила нас, что нужно брать то, чего ты хочешь. Наше время здесь быстротечно.

Я чувствую себя счастливым каждый божий день, с тех пор Маверик простила меня и вернулась ко мне, хотя знаю, что ей потребовалось некоторое время, чтобы справиться с этим. Так что это не для того, чтобы задеть чьи-то чувства или оставить их без внимания, но мне показалось правильным, что день, когда мы заново посвятим себя друг другу, будет только для нас и наших детей.

Отец Реддик произносит несколько молитв и благословений. Тогда настает наша очередь говорить от чистого сердца.

Взяв обе ее руки в свои, я начинаю.

— Маверик... Я даже не знаю, с чего начать. — Она уже плачет. Как и я. — Я хочу сказать, что всегда знал, что настанет момент, когда мы будем так сильно любить друг друга, что трудно будет сдержаться, но признаю, что несколько раз терял надежду на этом пути. — Это заставляет ее дыхание прерываться на всхлип. Тем не менее, я продолжаю. — Я мог бы стоять здесь и повторять эти слова — я буду любить тебя до тех пор, пока у меня не останется голоса, но, в конце концов, это всего лишь слова. Что гораздо важнее, так это мои действия, направленные на то, чтобы показать тебе, что каждое отдельное мгновение каждого отдельного дня ты для меня — все. Мое солнце и луна. Мой свет и тьма. Моя единственная настоящая любовь. Я позабочусь о том, чтобы ты никогда не пожалела, что выбрала меня, Лебедь.

Макияж, который она с таким трудом нанесла, растекся. У нее красные глаза. Тушь

размазалась под ее нижними ресницами. Она в полном беспорядке. И она самое прекрасное создание, которое я когда-либо видел.

После нескольких глубоких вдохов она говорит мне то, что я хотел услышать два года назад. Сегодня не точная дата нашей годовщины, но мне это даже нравится. Теперь у нас есть два особых дня для празднования.

— Когда я думаю о тебе, Кэл, у меня всегда возникает это легкое чувство комфорта. — Ее голос срывается, а глаза снова наполняются слезами. Никто из нас не справится с этим без пятен на лицах и сопливых носов. — Ты всегда был рядом со мной. Заботился обо мне, защищал меня, любил меня. Тихо строил нашу жизнь для нас, чтобы она была готова, когда я буду готова. Ты никогда не сдавался, даже когда должен был сдаться. Я... — она останавливается, чтобы сделать несколько глубоких вдохов. Когда она впивается верхними зубами в нижнюю губу, я сжимаю ее руки, поощряя ее продолжать с мягкой улыбкой.

— Я не облегчала тебе задачу, но ты держался и никогда не узнаешь, как я благодарна тебе за твою настойчивость, и то, какой счастливой ты делаешь меня каждый божий день. У нас уже было много важных событий, но не они создают жизнь, это все мелочи между ними, которые преодолевают разрыв от одного монументального события к следующему. Ты дал мне тысячу мелочей, Кэл, и я знаю, что, благодаря им мы нерушимы и вечны. — Затем она пожимает плечами, прежде чем ее последние слова ломают меня наилучшим образом, каким только может быть сломлен мужчина. — Я последовала зову своего сердца, и оно привело меня обратно к тебе.

Маверик замолкает, и, возможно, будет справедливо сказать, что она не единственная, кто в полном беспорядке.

Отец Реддик прочищает горло.

Хорошо. По крайней мере, я здесь не единственный слабак.

Он протягивает руки, и наши обручальные кольца сияют в свете, льющемся через витражные окна. Несколько мгновений спустя, когда они прочно вернулись на место, где и останутся навсегда, я целую ее. Слишком длинный и, вероятно, слишком неподходящий для церковной обстановки поцелуй, но к черту все это. У меня не было такого шанса, когда я женился на ней в первый раз. Я не собираюсь тратить свой второй шанс впустую.

Мы с Мавс преодолели множество препятствий, чтобы добраться до этой точки. Но я знаю, что, когда моя жена держит меня за руку, а моя дочь за другую, когда мы возвращаемся домой, чтобы отпраздновать это по-своему, каждая секунда этой борьбы стоила того. Я не буду считать ни одной секунды из того времени, которое мне осталось провести с ней на этой земле, само собой разумеющимся.

Никогда.